

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ  
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«АРМАВИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ  
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

**С.А. ГОЛОВАНОВА**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА  
РОССИИ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ  
ЧИСЛЕННОСТИ КАЗАКОВ ТЕРЕКА  
И КУБАНИ В XVIII-XIX ВВ.:  
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*МОНОГРАФИЯ*

**Армавир  
АГПА  
2014**

УДК-94(470.62)  
ББК-63.3(2Р37)  
Г 61

Печатается в соответствии с приказом № 42-Л  
от 25 января 2013 г. «Об итогах конкурса  
научных проектов фонда «Наука»

*Рецензенты –*

*В.Г. Шнайдер* – доктор исторических наук, профессор  
филиала Кубанского государственного университета в г. Армавире

*Н.Н. Великая* – доктор исторических наук, профессор  
Армавирской государственной педагогической академии

**Голованова С.А.**

**Г 61** Государственная политика России по регулированию численности ка-  
заков Терека и Кубани в XVIII-XIX вв.: этнодемографический аспект:  
монография / С.А. Голованова. – Армавир: РИО АГПА, 2014. – 124 с.

**ISBN 978-5-89971-409-2**

В монографии исследуется формирование этнических и сословных черт терского и кубанского казачества, политика Российского государства по регулированию численности казачьих войск, воздействие миграции на усложнение эндосоциальных связей в казачьих регионах Терека и Кубани в XVIII-XIX вв.

Издание может представлять интерес для историков, преподавателей и студентов вузов и всех, кто увлечен историей российского казачества.

*На передней стороне обложки помещен «Портрет семьи Арнаутовых» (худ. Г.Г. Гагарин, 1840-е гг.); на задней стороне обложки помещены рисунки с изображением казаков из исторических книг (электронный ресурс: kazachiy-krug.ru).*

*Печатается в авторской редакции*

УДК-94(470.62)  
ББК-63.3(2Р37)

**ISBN 978-5-89971-409-2**

© Голованова С.А., 2014

© Оформление. ФБГОУ ВПО «Армавирская  
государственная педагогическая академия, 2014

## СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Раздел 1. Казачество – этнос или сословие: историографический обзор.....	12
Раздел 2. Этнополитические процессы в среде южнороссийского казачества в 20-е гг. XVIII в. – конце XIX в. ....	26
Раздел 3. Механизмы регулирования численности казачества.....	58
Раздел 4. Переселение на Северный Кавказ и перевод государственных крестьян и однодворцев в казаки.....	69
Раздел 5. Условия перевода в казаки бродяг.....	85
Раздел 6. Причисление солдат и военных поселян в казаки.....	89
Раздел 7. «Иностранцы» в среде кавказского линейного и кубанского казачества (XVIII – XIX вв.).....	98
Заключение.....	108
Список использованных источников и литературы.....	110

## ВВЕДЕНИЕ

Казачество – явление общероссийское, земли казачьих войск располагались на территории Северного Кавказа, Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана. Феномен казачества начинает интересовать историков уже со второй половины XVIII в. Однако до настоящего времени многие аспекты этнической и социальной истории остаются дискуссионными.

Социокультурное пространство Северного Кавказа имеет собственное относительно автономное в отношении общероссийского социокультурное время. Формирование этого пространства в качестве самостоятельного административно-экономического и культурного региона началось со второй половины XVI в. и во многом было связано с исторической эволюцией казачества, в основных своих характеристиках оформившегося к концу XIX в. В монографии исследуется период 20-х гг. XVIII – конец XIX в., когда казачество было включено в общероссийскую социальную структуру и постепенно приобрело сословные черты. С одной стороны, произошло окончательное административное оформление терского и кубанского казачества; с другой – наблюдалась социокультурная переориентация с военизированной одноукладности на культурно-хозяйственную многоукладность. Именно в данный период российское правительство наиболее активно стало вмешиваться в регулирование численности казачьих войск в северокавказском регионе.

Географические рамки определены территориями, входившими в юрисдикцию Терского и Кубанского казачьих войск к моменту их создания во второй половине XIX в. Основной акцент был сделан не на пространственно-территориальном факторе, а понятии регионального социокультурного пространства. При этом учитывали ведущий, определяющий фактор самообразования социокультурных пространств – относительно устойчивую способность к воспроизводству определенного ментального типа, социального опыта и информации о специфическом характере разнообразных сторон жизни и общения людей, позволяющих идентифицировать в повседневности индивидуальную или групповую принадлежность в категориях «свой – чужой»<sup>1</sup>.

Казачество явление многомерное, развивающееся во времени и пространстве, поэтому наиболее результативным рассмотрением его нам представляется при помощи системного подхода и общей теории систем. Конкретизируя системный подход к объекту нашего исследования, мы используем в качестве инструмента анализа понятие «казачество как историческая система».

---

<sup>1</sup> Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект / под. ред. А.И. Шаповалова. – Армавир, 2001. – С. 8.

Исследование казачества как «живой исторической системы» позволяет снять устойчивое противопоставление этнического и сословного. Исследователи постоянно подчеркивают синтез этнического и сословного в казачестве. Не возражая против взаимосвязи этих элементов, необходимо сделать некоторые уточнения. Во-первых, подходить к проблеме следует конкретно исторически, строго придерживаясь хронологического принципа, так как соотношенность этих компонентов изменялась. Во-вторых, этничность рассматривалась как внутренняя характеристика системы, а сословность как внешняя оболочка, через которую шел процесс «вживления» в российскую историческую систему. Именно через сословность, на наш взгляд, происходил процесс государственного регулирования социокультурными и демографическими процессами в казачьей среде, что в конечном итоге привело к корпоративной замкнутости и «повышенной этничности».

В системном подходе существует такая категория как защитный пояс системы. На наш взгляд, именно этничность стала тем защитным поясом, который привел к доминированию этнообразующих элементов, определял общественное поведение и социализацию личности и помог сохраниться казачеству на протяжении длительного периода «расказачивания».

Казачество как историческая система имеет свою этническую базу, процесс социогенеза в рамках которой растянулся во времени и протекал на обширных территориях Юга России. При этнической характеристике казачества, большинство исследователей подчеркивает его полиэтничность и ярко выраженную тенденцию славянизации и русификации.

Особенности системного функционирования казачества заключаются во взаимообусловленности таких факторов как демографический, миграционный и адаптационный. Своеобразие геополитического пространства Северного Кавказа поставило казачество в особое положение, сделав его пограничной структурной единицей, которой, чтобы самосохраниться, приходилось вступать во взаимодействие с двумя историческими системами – северокавказской и российской. На раннем этапе адаптация к северокавказской системе обуславливалась малым миграционным потоком, доминированием аборигенного населения, мужским составом ранних казачьих сообществ. В таких условиях, чтобы оказаться жизнестойким социальным организмом, необходимо было адаптироваться, прежде всего, к иной этносреде. Раннее казачество представляло собой открытое сообщество, включавшее в свою среду свободных представителей независимо от этнической принадлежности. На данном этапе определяющим фактором выступал религиозный – христианство. Пожалуй, это самый устойчивый фактор на всех этапах истории казачества.

Формирование казачества и северокавказской исторических систем во многом совпало по времени, и процессы, проходившие в них, были доста-

точно близки. Российская историческая система соприкоснулась с казачеством тогда, когда основные процессы формирования системы были завершены. Взаимодействие с Россией означало с одной стороны, включение казачества в российскую историческую систему и адаптацию к ней, а с другой стороны, через казачество идет геополитическое освоение северокавказского региона. На наш взгляд, как это не парадоксально звучит, Российское государство выполнило функции своеобразного катализатора, активизировавшего процессы этногенеза, вопреки существующему мнению о его завершении к XVIII в. Об этом свидетельствуют, во-первых, создание единого этнокультурного пространства и закрепление территорий за казачьими войсками; во-вторых, окончательное оформление самосознания у терского и кубанского казачества. Вмешательство государства в демографическую ситуацию (государство было заинтересовано в увеличении численности казачьего населения и его участии в освоении вновь приобретенного пространства), приводит к процессу, который ряд исследователей называют русификацией. Она действительно укрепила этническое ядро казачества за счет русских, но вместе с тем, ускорила формирование образа «мы» и «они». Причем сюда следует включать не только противопоставление «казак – иногородний», но к концу XIX в. четко прослеживается и новая линия противопоставлений: «казак природный» – «казак новообращенный» (приписной), «казак – казак-инородец».

Научный интерес к истории казачества проявился уже с конца XVIII в. Имеется большой массив работ историков, посвященных проблемам происхождения казачества, формирования казачьих войск, государственной политики по отношению к казакам, вопросам административного устройства и управления Терским и Кубанским казачьими войсками, военной, политической и культурной истории и т.д. Однако мы не ставили перед собой цель скрупулезного анализа научной литературы или сопоставления позиций исследователей по тем или иным проблемам казачьей истории. Вместе с тем, анализ литературы показал, одним из актуальных направлений современной локальной истории является изучение этнической истории казачества Юга России. В дореволюционной, советской историографии неоднократно обращали внимание на полиэтничность казачества и переход в его состав представителей иных сословий, но только в постсоветский период эти вопросы становятся объектом самостоятельных исследований.

Одной из первых работ, посвященной проблемам этнической истории казачества стал сборник «Казаки России»<sup>2</sup>, опубликованный в 1992 г. Рассматривая казачество и как историко-культурную общность, и как социальный феномен, авторы выделяли три зоны этнического образования казачества, стержнем которых стали украинцы, русские и тюрки. Этническая

---

<sup>2</sup> Казаки России (информационно-справочные материалы). – Ростов н/Д, 2001.

история прослежена на протяжении XVI – начала XX вв. Основной акцент сделан на зону, давшую начало непосредственно российскому вольному казачеству. Отмечая сложность изучения этнического состава вольного казачества XVI в., авторы пришли к заключению, что «их состав в основном был восточнославянский и православный»<sup>3</sup>.

Ряд работ посвящен калмыцкому казачеству как культурно-историческому феномену<sup>4</sup>, этническому составу оренбургского казачества в XVIII в.<sup>5</sup>. В.И. Колесов и Б.И. Фролов рассмотрели вопросы о составе черноморского войска, показав в его составе представителей разных словесных групп русского населения. Особое внимание уделили документам о поступлении в казаки адыгов, евреев, армян, греков и представителей других этносов<sup>6</sup>. С.Е. Сазонова раскрыла основные проблемы переселения украинцев и их адаптацию в ином социокультурном пространстве Северного Кавказа в конце XVIII-XIX вв.<sup>7</sup>

Н.Н. Великая, Е.М. Белецкая, А.Ф. Григорьев, опираясь на архивные и полевые материалы, убедительно показали, что гребенское и терское казачество пополнялось за счет представителей северокавказских народов<sup>8</sup>. В частности Н.Н. Великая отмечает, что «в наиболее ранних письменных источниках встречаются имена казаков явно тюркского происхождения (Агрыжан, Евлаш, Кардавал, Яхлаш, Бормата и др.). Возможно, что это были представители тюркских народов (ногайцев, брагунцев, кумыков и др.), отрывавшихся от своего этнического ядра по ряду причин (кровная месть, нарушение обычаев, бегство «ясырей» и т.п.) и пополнявших ряды казачества, принимая крещение, они сливались с русскоязычным ядром казачества»<sup>9</sup>.

<sup>3</sup> Казаки России (информационно-справочные материалы). – Ростов н/Д, 2001. – С. 35.

<sup>4</sup> Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (XVII-XIX вв.). – Элиста, 1992; Бадмаева Е.Н. Донские калмыки казаки в период голода 1933 г. // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д, 2010. – С. 160-163; Омакаева Э.У. Калмыцкое казачество как культурно-исторический феномен // Там же. – С. 288-290; Орлова К.В. Социокультурная интеграция калмыков-казаков Дона в российское общество: опыт христианизации // Там же. – С. 21-24; Джунджузов С.В. Образование и административное устройство калмыцкого казачьего поселения на Средней Волге (30-40-е годы XVIII в.) // Казачество России: прошлое настоящее. Сборник научных статей. Вып.3. – Ростов н/Д, 2010. – С. 23-38

<sup>5</sup> Кортунов А.И., Косяков В.И. Этнический состав оренбургского казачества в XVIII в. // Казачество России: прошлое настоящее. Сборник научных статей. Вып. 3. – Ростов н/Д, 2010. – С. 39-48.

<sup>6</sup> Колесов В.И., Фролов Б.Е. Вопросы формирования черноморского казачества (случай армянского рода Гаджановых) // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития ... С. 298-301.

<sup>7</sup> Сазонова С.Е. Переселение украинцев на северный Кавказа и их социокультурная адаптация (конец XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2010.

<sup>8</sup> Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. – Ростов н/Д, 2001; Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. – Ставрополь, 2012; Григорьев А.Ф. Этническая картина мира гребенских казаков (на примере ритуально-обрядовых традиций и песенного фольклора). – Ставрополь, 2011.

<sup>9</sup> Великая Н.Н. О тюркском наследии в культуре гребенского казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития... – С. 264.

Ряд интересных работ В.А. Колесников посвятил проблеме однодворцев, как одной из источников пополнения рядов казачества<sup>10</sup>. Научная гипотеза автора заключается в идее, что в формировании линейного казачества Кубани определяющая роль и количественное преимущество принадлежало южнорусским однодворцам, потомкам служилых людей Московского государства. В.А. Колесников вводит понятие «однодворческая колонизация»<sup>11</sup>. О.С. Пылков, опираясь на архивные материалы, опубликованные документы и воспоминания офицеров, служивших на Кавказе, показал, что одним из компонентов увеличения численности северокавказского казачества являлись отставные российские солдаты и военные поселяне. Автор приходит к выводу, что «это являлось результатом как целенаправленной политики властей, желавших посредством водворения отставных солдат и военных поселян увеличить численность казачества в регионе и обезопасить границы империи, так и собственной инициативы военных, видевших для себя определенные выгоды в переходе в войсковое сословие и расселении в казачьих станицах»<sup>12</sup>.

Основу данной монографии составили материалы, прошедшие опробацию на научных конференциях и опубликованные в ряде научных изданий<sup>13</sup>.

Системный подход к изучению проблемы, требующий комплексного рассмотрения вопросов формирования и развития казачества на Тереке и Кубани, выявления этнических групп влившихся в их состав, предполагает и комплексное использование разнообразных источников.

Важную группу источников составили законодательные документы: царские грамоты, манифесты и сенатские указы, раскрывающие характер

---

<sup>10</sup> Колесников В.А. Исторические и этнические корни Кавказского полка Кубанского войска // Дикаревские чтения (5): Материалы региональной конференции. – Краснодар, 1999. – С. 190-195; он же. О донском начале в среде линейного казачества Кубани // Дикаревские чтения (6): Материалы региональной конференции. – Краснодар, 2000. – С. 18-23; он же. Однодворцы-казаки. – СПб., 2000.

<sup>11</sup> Колесников В.А. Однодворцы-казаки ... – С. 7.

<sup>12</sup> Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Армавир, 2011; он же. О причислении в казаки служащих и отставных российских солдат Кавказского корпуса в первой половине XIX века // История и обществознание. Научный и учебно-методический ежегодник. – Вып. VI. – Армавир, 2008. – С. 7-10.

<sup>13</sup> Голованова С.А. «Иногородцы» в этнокультурном пространстве казаков Терека // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: материалы Всероссийской научной конференции. – Москва-Ставрополь, 2001. – С. 254-256; она же. Причисление военных поселений к кавказскому линейному казачьему войску // Казачество России: история и современность: тезисы Международной конференции г. Геленджик (8-11 Октября 2002 г.). – Краснодар, 2002. – С. 42-44; она же. И.Д. Попко об увеличении служилого состава казачьих частей // Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. – Краснодар, 2003. – С. 44-48; она же. «Иногородцы» в Кавказском линейном войске (XVIII-XIX вв.) // Культурная жизнь Юга России. – 2004. – № 2(5). – С. 50-55; она же. Механизмы регулирования численности казачества на Северном Кавказе (XVIII-XIX вв.) // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. – Армавир, 2007. – № 5. – С. 151-156; она же. Северокавказские народы в среде кавказского линейного казачества (XVIII-XIX вв.) // Казачество и народы России. – Краснодар, 2008. – С. 52-64; она же. Переселение на Северный Кавказ и перевод крестьян и однодворцев в казаки (XVIII-XIX вв.) // История и обществознание. – Вып. 1. – Армавир, 20013. – С. 3-11.

взаимоотношений казаков Терека и Кубани с Российским государством, многие из которых вошли в Полное собрание законов Российской империи<sup>14</sup>. Анализ официальных документов позволил проследить, как с укреплением позиций самодержавия на Кавказе, шел процесс превращения казачества в служилое сословие. В XVIII-XIX вв. самодержавие взяло на себя регулирование миграционных потоков. Использовались сенатские указы, показавшие направления переселенческих потоков: во-первых, донских, терских, волжских, черноморских казаков внутри северокавказского региона; во-вторых, населения из Малороссии и центральных районов России. Они позволили определить состав переселенцев и места их размещения, а также рассмотреть демографические процессы в регионе.

Большую ценность как исторический источник представляют «Положение о Черноморском казачьем войске» (1842 г.)<sup>15</sup> и «Положение о Кавказском линейном казачьем войске» (1845 г.)<sup>16</sup>, разработанные на основании «Положения об управлении войском Донским» от 26 мая 1835 г. Данные репрезентативные источники свидетельствуют о законодательном утверждении государственного регулирования территориальной, административной, военной, хозяйственной жизнью казачества. Для темы данного исследования особую важность представляли параграфы, окончательно закрепляющие сословное состояние казачества, их сословные права и привилегии, а также определяющие те социальные группы, которые получали право быть зачисленными в казаки.

Важнейшим массовым источником о социально-экономическом и политическом положении казачьих войск Российской империи являлись годовые отчеты войсковых наказных атаманов, в которых помещались сведения о численности населения по сословиям. Ценным источником по демографической политике государства явились документы о бродягах, которых предполагалось причислить казакам<sup>17</sup>.

Наиболее значимыми являются архивные материалы, выявленные автором в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), Государственного архива Краснодарского края (ГАСК), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

В РГВИА автором были использованы следующие фонды. Наибольший интерес для темы исследования представляет фонд 1058 – «Войско-

---

<sup>14</sup> Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. – СПб., 1870-1917. – Т.1-52; Систематический указатель постановлений, вошедших в сборники правительственных распоряжений по казачьим войскам. За 1865-1895 гг. – СПб., 1896.

<sup>15</sup> Положение о Черноморском казачьем войске. – СПб., 1842.

<sup>16</sup> Положение о Кавказском линейном казачьем войске. – СПб., 1845.

<sup>17</sup> Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен ... – С. 457-463.

вое правление линейного казачьего войска». В делах этого фонда содержатся исторические документы о гребенском, терском казачестве, его составе и пополнении казачьих полков, переписка с наказным атаманом о зачислении в кавказское линейное войско.

В РГИА использованы материалы из фонда 1263 – Комитет министров – сохранились важнейшие документы о границах владений казаков, поселенных на Кавказской линии и проблемам переселения казачества в пределах земель войска и расселения здесь выходцев из центральных губерний России. Он включает также дела о причислении абазин, кабардинцев, грузин и «разных азиатцев» в казаки, а также переводе в «казачье состояние» жителей гражданских селений.

В фонде 1374 выявлены документы о принятии в Черноморское казачье войско бродяг из польских, малороссийских и бывших запорожских людей, уклонявшихся от службы, позволившие рассмотреть отношение к данной проблеме, как самих казаков, так и государства.

Из фонда 1268 – Дела канцелярии Кавказского комитета – извлечены материалы о военных поселениях на Кавказе. На их основе рассматриваются причины и цели создания военных поселений на землях терских казаков и условиях перевода их в казачьи станицы, а их жителей в казаки. Помещенный здесь «Всепокорнейший отчет о состоянии Терского и Кубанского войска за 1874 г.», позволил рассмотреть количественный состав по полкам Терского войска и определить, в какие из них включены «казаки-инородцы».

В фонде 1341 сохранилось «Положение о Кавказском линейном казачьем войске» и Проект дополнений положений о Кавказском и Черноморском казачьем войскам. При освещении вопросов о переселении малороссийских казаков, однодворцев и казенных поселян и переводе последних в казаки кавказского линейного казачества, привлекалось «Положение», изданное 30 сентября 1832 года.

В ГАКК исследованы: фонд 250 – Войсковое правление Черноморского казачьего войска. Материалы о переселении и зачислении в черноморское войско офицеров и казаков Усть-Дунайского и Буджакского войска; фонд 257 – Войсковое правление Кавказского линейного казачьего войска. 1836-1862. Ведомость о народонаселении Кавказского линейного казачьего войска за 1852 г.; фонд 252 – Войсковое правление Черноморского казачьего войска; фонд 318 – 1-е и 2-е казачьи отделения Кубанского казачьего войска (1820-1917); фонд 452 – «Гражданская канцелярия начальника Кубанской области. 1860-1869»; фонд 670 – Материалы о расположении полков Кавказского линейного казачьего войска на 1842 г. Фонды содержат важные сведения по истории Кавказского линейного войска за 1836-1850 гг., материалы о водворении на передовой Лабинской

линии женатых нижних чинов и о зачислении в казачье сословие выходцев из Воронежской губернии, о переселении в Кубанскую область уральских, азовских казаков. Большой пласт дел посвящен процедуре зачисления в казачье войско бывших крепостных, государственных крестьян и лиц различных сословий, а также иноэтничных представителей. Большой интерес для решения исследовательских задач имели документ об исключении из казачьего сословия.

В работе были использованы и документы, хранящиеся в ГАСК. Проработаны пять фондов: фонд 68 – Ставропольское губернское правление (1858-1888); фонд 70 – «Управляющий гражданской частью Ставропольской губернии»; фонд 79 – «Общее управление Кавказской области». Материалы переписки Кавказского областного правления о причислении в казачье сословие, как от отдельных представителей, так и жителей целых селений; фонд 101 – «Канцелярия Ставропольского губернатора» (1853-1868), а также фонд 444 – «Канцелярия Гражданского губернатора Кавказской области». Основное внимание при работе в данных фондах было обращено на дела о причислении в казаки, что позволило проследить сословный состав переводимых, условия и процедуру. Важным, на наш взгляд, является типографским способом изданное заявление о принятии в казаки в период освоения Закубанья.

Таким образом, в исследовании этнополитических и культурно-исторических особенностей развития терского и кубанского казачества, был использован широкий круг источников, позволивших более объективно рассмотреть закономерности политических, миграционных и демографических процессов в образовании единого социокультурного казачьего пространства на юге России.

Целью настоящего исследования стало выявление общих закономерностей формирования российского казачества как исторической системы на материалах тех группы, которые впоследствии вошли в состав Терского и Кубанского казачьих войск, так как они представляют собой два варианта образования казачьих сообществ. В контексте данного проблемного поля мы попытались реализовать следующие задачи: рассмотреть соотношение этнического и сословного в феномене казачества; проанализировать политику государства по регулированию численности казачьего населения в указанном регионе; раскрыть причины и основные источники пополнения рядов северокавказского казачества.

## РАЗДЕЛ 1. КАЗАЧЕСТВО – ЭТНОС ИЛИ СОСЛОВИЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В научной литературе, беллетристике, в официальных документах мы сталкиваемся с терминологическим многообразием определения статуса казачества: этнос, субэтнос, этнографическая или этносоциальная общность, сословие, квазисословие и т.д. Дискуссии по этой проблеме уже вышли за рамки науки и давно перешли в область политики. Известно, что реалистическое отношение социума или отдельного индивида к действительности наличествует всегда. Возрождение казачества состоявшийся факт и в обыденном сознании большинства четко закрепилось представление о казачестве как самостоятельном народе. А.А. Иванова, опираясь на результаты включенного наблюдения и прямых бесед с представителями кубанского казачества, пришла к выводу: «Как бы ни складывалась ситуация официального возрождения казачества в сфере политики и науки, в действительности в самосознании взрослого населения среди казачества сегодня доминирует отношение к себе как этнической общности, миссия которой состоит в возрождении традиций, в восстановлении прежнего уклада жизни»<sup>18</sup>. Это нашло отражение и в официальных документах. В постановлении и резолюции V Круга Союза казаков, опубликованных в «Казачьих ведомостях» в июле 2000 г., отмечена необходимость «продолжения работы в восстановлении исторической справедливости и воссоединению с братьями-казаками, оказавшимися временно оторванными от своих войск вместе с землей проживания на территориях бывших республик Советского Союза. **Казачество есть разделенный народ, имеющий право на воссоединение** (Выделено мной. – С.Г.)»<sup>19</sup>.

Стремление решить проблемы этнической и сословной истории – характерная черта историографии 90-х гг. XX в., в которой можно выделить три направления: первое определяет казачество как субэтнос (вариативно); второе – как сословие; третье пытается найти разумный компромисс. Например, историки Кубанской казачьей академии дали многомерное определение казачества. Во-первых, как культурно-исторической общности, народа; во-вторых, служилого сословия, формируемого тем или иным правительством для своих целей; в-третьих, административно-территориального образования, экономической общности всех народов и сословий, проживающих на казачьих землях<sup>20</sup>.

<sup>18</sup> Иванова А.А. Особенности этнического самосознания подростков-казаков в контексте межнационального общения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1995. – С. 13.

<sup>19</sup> Союз казаков России: 1990-2000. – М., 2000. – С. 64.

<sup>20</sup> Матвеев О.В. Кубанское казачество в сословной структуре Российской империи и тенденции его развития в 60-80-х гг. XIX в. // Проблемы истории казачества. – Волгоград, 1995. – С. 15.

На позиции, что казачество – субэтнос стоят А.И. Агафонов<sup>21</sup>, Л.Н. Гумилев<sup>22</sup>, Р.А. Агеева<sup>23</sup> и другие. Так, по определению В.Н. Сергеева, казачество как субэтнос, является «такой самобытной этнической общностью, которая представляет собой часть народа, является устойчивой социальной группировкой людей, отличается самобытностью культуры, землепользования, организацией самоуправления». Современное движение за возрождение казачества автор предлагает считать «одной из форм возрождения национального самосознания, в основе своей русской»<sup>24</sup>.

Л.Н. Гумилев, разрабатывая свое оригинальное социобиологическое понимание этноса, считал, что для «пограничных пассионариев были характерны объединения более высокого порядка, поскольку в ходе войны с татарами и ногайцами отношения со всеми боярами перестали иметь какое-либо значение. Например, на Дону образовался особый субэтнос, впоследствии ставший этносом»<sup>25</sup>. Далее, Л.Н. Гумилев отмечал, что «там, где этнос при рождении не был достаточно мозаичен, как, например, в Восточной Европе XIV-XV вв., он стал сам выделять субэтнические образования, иногда оформлявшиеся в виде сословий. На южной окраине выделились казаки, на северной – поморы»<sup>26</sup>. Таким образом, по Л.Н. Гумилеву, казачество субэтническое образование, оформившееся в сословие, а «назначение этих субэтнических образований – поддерживать этническое единство путем внутреннего неантагонистического соперничества»<sup>27</sup>.

А.В. Сопов предложил рассматривать казачество как метаэтническую общность, сложившуюся в начале XVII в. из групп этносов в результате этногенетической близости или длительного культурного взаимодействия<sup>28</sup>. Он выделяет несколько стадий казачьего этногенеза. На первой (базисной) речь может идти только о предках казаков, к которым он относит: славянское земледельческое население степной и лесостепной зон Северного Кавказа, Северного Причерноморья, Подонья и Южного Поволжья; славяноязычных бродников, занимавшихся различными промыслами и перевозами на территории Хазарского каганата; славяно-русское население Тмутараканского княжества; хазар-христиан, тяготевших после разгрома каганата к близким по вере и культуре славяно-русам; «черных клобуков» и половцев-кипчаков. Вторая стадия (XII-XIV вв.) это период фор-

<sup>21</sup> Агафонов А.И. История Донского края (XVI – первая половина XIX века): Исторические источники их изучение. – Ростов н/Д, 2001. – С. 23.

<sup>22</sup> Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М., 1990. – С. 201.

<sup>23</sup> Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: словарь-справочник. – М., 2000. – С. 129.

<sup>24</sup> Сергеев В.Н. Движение за возрождение казачества. – Ростов н/Д, 1993. – С. 5.

<sup>25</sup> Гумилев Л.Н. Указ. соч. – С. 201.

<sup>26</sup> Гумилев Л.Н. Указ. соч. – С. 109.

<sup>27</sup> Там же. – С. 110.

<sup>28</sup> Сопов А.В. К вопросу о происхождении казачества // Неделя науки МГТИ: Материалы научно-практической конференции. – Вып. 2. – Майкоп, 1997. – С. 44.

мирования первых «протоказачьих» общин; третья стадия наступает в XV – начале XVII в., «когда на историческую арену выходят хорошо прослеживаемые по историческим источникам, самостоятельные общества азовских, донских, гребенских и яицких казаков». Эти общества, по мнению исследователя, представляли собой уже своеобразную, складывающуюся метаэтническую общность. На четвертой стадии формируются особые казачьи войска; само казачество активно вовлекается в общерусские процессы, и продолжает развиваться уже в рамках Российского государства и русского народа, постепенно утрачивая вольность и превращаясь в специфическое полу-привилегированное военно-служилое сословие русского общества. Пятая стадия (конец XIX в.) – период «формирования особой этнической (или субэтнической) группы казаков, отличающейся от остального русского населения целым рядом особенностей народной психологии, бытового уклада, сословных отличий, диалектом и способами внутренней организации»<sup>29</sup>.

Р.А. Нелепин определяет казачество как сословие, признавая в его становлении действие механизмов этнического характера<sup>30</sup>.

И.Х. Тхамокова более категорична в своих выводах, считая, что казачество в XIX – начале XX в. являлось особым сословием, несшим военную службу и в качестве платы за нее получавшим землю и некоторые привилегии. Отличительные же черты культуры, которыми оно обладало (например, казачья форма) были сословными, а не этническими, сословным было также и казачье самосознание<sup>31</sup>. Р.Г. Маршаев в социальном статусе казачества отмечал сочетание черт, свойственных и эксплуатируемым трудящимся массам, и привилегированной военной касте. Этот дуализм, по его мнению, в разные периоды истории, на разных территориях проживания казаков проявлялся по-разному, но всегда присутствовал в той или иной форме<sup>32</sup>.

Происхождение понятия о казаках как о сословии восходит к российской историографии, преимущественно XIX в. Все официальные документы именовали казаков исключительно как военно-служилое сословие и в таком состоянии их воспринимала отечественная наука.

Современная этимология определяет сословие как «социальную группу многих докапиталистических обществ, обладающую закрепленными в обычае или законе и передаваемыми по наследству правами и обязанностями»<sup>33</sup>. О.В. Матвеев отмечает, что с точки зрения формально-

<sup>29</sup> Сопов А.В. К вопросу о происхождении казачества ... – С. 43-45.

<sup>30</sup> Нелепин Р.А. История казачества. – СПб., 1995. – Т.1. – С. 20.

<sup>31</sup> Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 2000. – С. 235.

<sup>32</sup> Маршаев Р.Г. Казачество в системе российской государственности // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – С. 208.

<sup>33</sup> Советский энциклопедический словарь. – М., 1979. – С. 1247.

юридического отношения государства к казачеству, «здесь все ясно, и если вопрос рассматривать только в этом плане, то сословная характеристика не вызывает сомнений»<sup>34</sup>. Однако кубанское казачество, также как и донское, по его мнению, с этих позиций рассматривать нельзя, так как в них присутствовала четкая внутренняя дифференциация. Вместе с тем, «кубанское казачество ... владело собственной территорией, имевшей соответствующие границы, имело ограниченное, но самоуправление, атамана, совмещавшего функции начальника Кубанской области, свой бюджет, войсковой капитал, свое хозяйственное управление...»<sup>35</sup>. Исследователь пришел к выводу, что кубанское казачество – этносоциальная общность.

В материалах, опубликованных в сборнике «Казачьи России», отмечается, что «основные внешние признаки сословной организации присутствуют и у казачества. При этом, не следует упускать из виду и того очевидного обстоятельства, что и собственно внутренняя организации казачества, и система его взаимоотношений с государством выходили далеко за рамки границ, определяемых понятием «сословие», поэтому казачество «историко-культурная общность, возникшая в силу своего многовекового существования, как особого рода войсковое сословие (состояние), созданное и развивавшееся из соображения государственной, общенародной необходимости»<sup>36</sup>.

В.П. Трут исходит из того, что казачество одновременно входило в социально-этническую (принадлежало к самостоятельной этнической социальной группе, являлось субэтносом) и социально-классовую (представляло специфическое служилое сословие) структуры общества. Это позволило автору определить казачество как «сложное саморазвивающееся этносоциальное явление»<sup>37</sup>.

М.Ю. Унарокова считает, что «казаки – это этносословные группы русского и украинского (в меньшей степени и других) народов... Со временем казачество обретает четко выраженную сословность, в первой половине XIX века за ним устанавливается статус военного сословия с целой системой экономических и политических привилегий». Тенденция же к обретению казаками псевдосубэтнических признаков – «не результат внутреннего эволюционного развития казачества, а следствие влияния внешних факторов: иноэтнической среды, социального и политического статуса в прошлом, создавшего атмосферу изолированности, военизированного быта и т.д.». М.Ю. Унарокова приходит к выводу, что казачья

---

<sup>34</sup> Матвеев О.В. Военно-сословный фактор в этнодемографических процессах в этнодемографических процессах на Северо-Кавказской окраине России накануне революции 1917 г. // Проблемы истории казачества: Сборник научных трудов. – Волгоград, 1995. – С. 33.

<sup>35</sup> Там же. – С. 39.

<sup>36</sup> Казачьи России (информационно-справочные материалы). – Ростов н/Д, 1992. – С. 9.

<sup>37</sup> Трут В.П. Явление казачества в истории и культуре России // Дикаревские чтения (V). – Краснодар, 1999. – С. 9; он же. Кто они казаки? – Ростов н/Д, 1995. – С. 14-15.

вольница – изначально явление социальное, а не этническое, и у нее не было определенного места расселения, которое могло бы классифицироваться как этническая территория<sup>38</sup>.

Определить казачество по этническим и социальным признакам столь сложно, что Н.Ю. Селищев, например, относительно России XVIII – начала XX в., говорит о казачестве, как о военном сословии, признавая его как отдельный народ, и одновременно характеризуя как своего рода религиозное братство<sup>39</sup>.

П.Н. Лукичев и А.П. Скорик считают, что донское казачество, как и казачество ряда областей России, «шло по пути этнического становления, превращаясь в самостоятельный этнос, но эта тенденция была прервана государственным вмешательством и фиксированным юридически сословным состоянием»<sup>40</sup>. В результате казачество можно рассматривать как субэтнос, «имевший тенденцию превращения в некоторую этническую целостность, тенденцию, которая была прервана попыткой закрепления в виде сословия»<sup>41</sup>. Однако однозначно фиксировать сословное состояние казачества, по мнению авторов, нельзя и они предлагают использовать по отношению к казачеству термин квазисословие, «так как его территориальное распыление и сосуществование с другими сословиями, развитие сложной социальной структуры было остановлено Октябрьской революцией 1917 года и последующей политикой «расказачивания»<sup>42</sup>.

В энциклопедическом издании «Русские: этнотерритория, численность и исторические судьбы (XII-XX вв.)» казачество рассматривается И.А. Авериним как этнографическая группа, особая, но составная часть русского народа<sup>43</sup>. Однако, решая проблему этнической истории казачества, автором выделяются три зоны образования казачества, сложившиеся к XV в.: «1) имеющая стержнем этнообразования украинцев (бассейн Днепра); 2) имеющая стержнем этнообразования русских (верховья Дона); 3) имеющая стержнем этнообразования тюрок (Приазовье, степи центрального и юго-восточного современного Казахстана и северные районы современного Узбекистана)»<sup>44</sup>. Таким образом, с одной стороны речь идет об этнографической группе русского народа, с другой, о процессах этнообразования, т.е. об образовании нового этноса.

---

<sup>38</sup> Унарокова М.Ю. Адыги и казаки: Северо-западный Кавказ как этногеополитическое пространство // Неделя науки МГТИ: Материалы научно-практической конференции. – Вып. 2. – Майкоп, 1997. – С. 36-37.

<sup>39</sup> Селищев Н.Ю. Казаки и Россия. Дорогами прошлого. – М., 1992. – С. 5.

<sup>40</sup> Лукичев П.Н., Скорик А.П. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность. – Новочеркасск, 1995. – С. 48.

<sup>41</sup> Там же. – С. 49.

<sup>42</sup> Там же. – С. 49.

<sup>43</sup> Русские: этнотерритория, численность и исторические судьбы (XII-XX вв.). – М., 2000. – С. 15.

<sup>44</sup> Там же. – С. 35.

Вся не разработанность проблемы наглядно просматривается в труде В.Д. Батырева, А.И. Изюмова, О.В. Матвеева «Союз казаков России: 1990-2000», получившего широкое распространение в казачьей среде, и, наполненного взаимоисключающими определениями казачества. Прежде всего, по мнению авторов, «казачество олицетворяло собой **классический этнос** (здесь и далее выделено мной. – С.Г.), то есть «коллектив особей, противопоставляющих себя всем прочим коллективам и имеющий оригинальную внутреннюю структуру», со ссылкой на Л.Н. Гумилева<sup>45</sup>. Вместе с тем, казачество, как «классический этнос», «не было однородным, оно дифференцировалось регионально-политически, этнически, хозяйственно, конфессионально, юридически, особенно на первых этапах становления казачьих войск (областей) на территории России и в разные исторические отрезки», поэтому «казаки не составляют единого субэтнуса, а представляют собой рельефные этнографические группы»<sup>46</sup>. На другой странице авторы отмечают: «Наука давно с полным на то основанием закрепила за казачеством статус субэтнуса, то есть территориального, культурного подразделения русского народа»<sup>47</sup>.

В информационно-справочных материалах, подготовленных к научно-практической конференции «Казачество Юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве», вновь сталкиваемся с тем, что в одном месте отмечается полиэтничность казачества, так как есть казаки-русские, казаки-калмыки, казаки-татары, казаки-осетины<sup>48</sup>. В другом констатируется, что «к началу нынешнего столетия у него (казачества. – С.Г.) отчетливо прослеживается безусловное присутствие не только всех признаков субэтнуса, но и целого ряда основных признаков этноса. При этом у казаков наблюдается заметное выделение определяющего этнического признака – осознание ими единства и четкого различия по отношению к другим народам. Это находило свое отражение во множестве проявлений, из которых наиболее заметным и распространенным являлось постоянное стремление подчеркивать самими казаками своего отличия от остального населения страны в социально-этническом плане»<sup>49</sup>. Подводя итог, составители информационно-справочного материала приходят к выводу: «Казачество представляло собой сложное саморазвивающееся этносоциальное явление. Одновременно входя и в социально-этническую и в социально-классовую группы, казаки являлись полноправными представителями сформировавшегося этноса, оформившегося в специфическое сословие»<sup>50</sup>.

<sup>45</sup> Союз казаков России: 1990-2000. – М., 2000. – С. 107.

<sup>46</sup> Там же. – С. 111.

<sup>47</sup> Там же. – С. 112.

<sup>48</sup> Казачество Юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Доклады и сообщения научно-практической конференции. – Ростов н/Д, 2001. – С. 4.

<sup>49</sup> Там же. – С. 17.

<sup>50</sup> Там же. – С. 18.

Б.М. Боук справедливо писал, что «многочисленные споры о том, является ли казачество этносом или сословием, по своей постановке неудачно, потому что исключает то, что казачество было и этносом и сословием»<sup>51</sup>, а многие исследователи указывают на то, что сословные и этнические черты казачества нельзя противопоставлять друг другу. Например, А.В. Баранов считал, что эта многовековая общность обладала самобытным этническим самосознанием, устойчивыми особенностями культуры и образа жизни. Для казачества характерна двойственность самооценки как своеобразной обособленной группы и как части русского народа. Казаки одновременно были военно-служилым сословием и частью русского народа<sup>52</sup>.

А.И. Козлов выделил характерную для многих исследований закономерность, заключающуюся в том, что, «когда речь идет о сословии, преимущественно подразумевается казачество конца XIX – начала XX века». Отрицание и опровержение этого тезиса строится «на фактах, почерпнутых из далекой истории казачества, когда оно действительно еще не было сословием и существовало самостоятельно как субъект. Происходит, таким образом, явная подмена понятий, ибо факты, обосновывающие отрицание казачества как сословия, – суть измерители совершенно других порядков и отношений досословного времени»<sup>53</sup>.

Сословное или этническое доминирует в казачестве? Этот вопрос далеко не праздный, особенно в современных условиях, когда, по мнению С.А. Арутюнова, «этнографические группы в рамках нации постепенно теряют свои различия, сливаются воедино, в особенности в новейшее время. В России примером того может служить потеря своей специфики... казаками и др.»<sup>54</sup>. Если признать за рабочую гипотезу, что этничность и сословность универсальные категории, характеризующие казачество как систему, то необходимо учитывать их историчность и соподчиненность. Мера этничности определяет степень консолидации, которая может колебаться в очень широких пределах. На практике этничность определяется той степенью культурного единства данного социума, которая не зависит от характера социальной стратификации<sup>55</sup>. Этничность является определяющей характеристикой у казачества, образовавшегося естественно-историческим путем в геополитически активных зонах (донское, запорож-

---

<sup>51</sup> Боук Б.М. Проблемы этнических и сословных различий на Кубани во второй половине XIX века (по воспоминаниям Ф.А. Щербины) // Кубань: проблемы культуры и цивилизации. – Краснодар, 1999. – № 1 (12). – С. 41.

<sup>52</sup> Баранов А.В. Этническое самосознание казачества северного Кавказа в 1920-х гг. // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность. – Краснодар, 1999. – С. 50-51.

<sup>53</sup> Козлов А.И. Казаки – этнос или сословие? // Возрождение казачества: история и современность. – Воронеж, 1995. – С. 14.

<sup>54</sup> Арутюнов С.А. Народы и культура. Развитие и взаимодействие. – М., 1989. – С. 28.

<sup>55</sup> Анфертьев А.Н. Прологомены к изучению этнической истории // Этнос и этнические процессы. – М., 1993. – С. 68.

ское, гребенское, волжское, яицкое). Сословное преобладало у Азовского, Астраханского, Забайкальского и других казачьих войск, созданных по инициативе правительства, но их формирование происходило с привлечением казаков других регионов с уже сложившимся этническим сознанием.

В решении указанного вопроса переплетаются два момента: терминологический и содержательный (казак – и его содержание, казачество – как этнос или сословие). Первое, что необходимо признать, казак – казачество это первоначально не самоназвание групп, расселившихся, прежде всего в районе Днепра, Дона и Терека, как мы уже отмечали, а название, перенесенное на них по аналогии с подобного рода явления в татарской среде. Во всяком случае, единственными источниками являются официальные документа Русского государства, тогда как «казачьи источники» никак не проясняют историю происхождения своего имени. Следовательно, для российского казачества правомернее говорить не об этнониме-самоназвании (эндоэтнониме), а об экзоэтнониме или этниконе – имени, данном этнической группе извне<sup>56</sup>, и затем ею усвоенном.

Нелишне заметить, что вопрос о том, является ли казачество этносом или сословием решается в двух научных плоскостях: проблемами этноса занимается этнология, а проблемами сословности история. Историками за основу берутся определение этноса, предложенное Ю.В. Бромлеем<sup>57</sup> и выделенные им уровни этнической иерархии. Как мы видим, большинство исследователей рассматривают казачество как субэтническое подразделение, у которого свойства выражены с меньшей интенсивностью, чем у основной этнической единицы, составной частью которой оно является<sup>58</sup>. Сам Ю.В. Бромлей отнес донских казаков к третьей группе субэтнических подразделений, названной им «социальной общностью, обладающей специфическими чертами культуры»<sup>59</sup>.

Историки испытывают серьезные трудности в выборе методологии исследования этнической составляющей казачества, так как в отечественной этнологии серьезной критике подвергнута «теория этноса» как таковая и на сегодняшний день фактически отсутствуют общепризнанные концепции по самым фундаментальным категориям этнологического знания – этносу и этничности. Симптоматичной тенденцией современной этнологии, как считает С.Е. Рыбаков, является перенесение акцента с понятия «этнос» сначала на термин «этничность», научной модели, которая возникла в западной этнологии в результате иных взглядов на обществен-

---

<sup>56</sup> Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – С. 45.

<sup>57</sup> Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М., 1987. – С. 14.

<sup>58</sup> Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса ... – С. 82.

<sup>59</sup> Там же. – С. 83.

ное устройство мира, а затем на «культурную идентичность»; в конечном итоге предпочтение было отдано просто «идентичности»<sup>60</sup>.

Теоретическая этнология ведет научные дискуссии по методологическим проблемам в изучении этнических феноменов, тогда как историки казачества опираются на устоявшиеся положения «теории этноса». Анализ исследований Ю.В. Бромлея и В.И. Козлова показывали, что по формальным признакам казачество подпадает под характеристику субэтноса<sup>61</sup>. Однако закономерно возникает вопрос, если в единый субэтнос входят казаки-русские, казаки-татары, казаки-осетины, казаки-калмыки<sup>62</sup>, то каковы критерии осознания этнического единства и по отношению к каким другим народам они ощущают свое отличие. В данном случае, было бы справедливо рассматривать казачество не как субэтнос вообще, а как субэтнотипы русского, татарского, осетинского, калмыцкого народов, но тогда разрывается целостное восприятие казачества как единого исторического явления в рамках российской действительности. Ни национальные, ни религиозные различия не препятствовали формированию у казачества осознания своей общности. Говоря об этнических характеристиках казачества, нельзя делать обобщающих выводов без учета временных, географических и исторических факторов его развития.

Без внимания историков осталось проведенное Ю.В. Бромлеем разграничение между разными проявлениями существования этноса, а именно между этникосом и этносоциальным организмом. Именно последний в различных интерпретациях используется при характеристике казачества. В избранном нами системном анализе, казачество более соответствует определению этникоса, хотя само понятие так и не утвердилось в этнологии. Между тем, этот термин, по мнению С.Е. Рыбакова, сыграл некоторую роль в формировании русского понятия «этничность»<sup>63</sup>.

Этникос предстает как результат совместной исторической практики ряда поколений людей, воплощенной в специфических материальных и духовных атрибутах этой общности и фиксированной в сознании ее членов. Именно поэтому для существования этникоса важнейшее значение имеют межпоколенные (диахронные) связи, а также самосознание составляющих его людей, включающее в той или иной форме представление об общности исторических судеб их предков<sup>64</sup>. Этникос рассматривается как явление, основанное всецело на совокупности диахронных связей, то есть этникос

---

<sup>60</sup> Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 5. – С. 6.

<sup>61</sup> Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса...; Он же. Этносоциальные процессы...; Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в истории этноса // Советская этнография. – 1974. – № 2. – С. 30; Он же. Этнос. Нация. Национализм. – М., 1999.

<sup>62</sup> Казаки России (информационно-справочные материалы). – Ростов н/Дону, 2001. – С. 4.

<sup>63</sup> Рыбакова С.Е. Указ соч. – С. 11.

<sup>64</sup> Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса ... – С. 15.

включает и индивидов, вообще лишенных синхронных связей с какими-либо группами своих соотечественников<sup>65</sup>.

Механизм образования ранних вольных казачьих общин был всецело основан на включение в их состав представителей, разорвавших связи с основным «ядром» этноса, а впоследствии пополнение их осуществлялось также за счет представителей, лишенных синхронных связей.

Для этникоса территориальная общность не обязательна и он нередко наряду с основной своей частью (материнским этносом) включает в себя сравнительно небольшие обособленные от нее в пространственном отношении ячейки – этнические группы<sup>66</sup>. Казачество как система также не представляло территориальной целостности. Историческая локализация, однако, не привела к абсолютной территориальной «изоляции», и расчленение территорий, населенных казаками, не сыграло роль дезинтегрирующего фактора. Единые механизмы образования ранних казачьих обществ, единый хозяйственно-культурный тип, а также специфика миграционных процессов, формировали осознание единства, то есть групповое сознание, а территориальная локализация определяла самосознание отдельных региональных групп.

Необходимо также иметь в виду, что этникос может и не представлять собой полностью однородную в этническом отношении целостность. Особенно это относится к тем случаям, когда он состоит из территориально разобщенных частей. Здесь отдельные части этникоса нередко приобретают черты, характерные для окружающих их этнических образований. В результате возникают так называемые пограничные группы, у представителей которых прежняя этническая принадлежность утрачивается или уже утрачена, а новая еще не укрепилась<sup>67</sup>.

Российское казачество, формировавшееся, как правило, в пограничных районах (или контактных зонах), при доминировании славяно-русского ядра, было этнически неоднородно. Это особенно характерно для восточных районов страны. В Уральском казачьем войске свыше 6 % составляли татары и калмыки; в Оренбургском свыше 6 % – татары, калмыки и башкиры; среди сибирских казаков было до 6 % мордвы и татар<sup>68</sup>. В Донское войско в разное время вливались ногайцы, татары и турки<sup>69</sup>. В Черноморском войске представители горских народов составили отдельную станицу Гринев-

---

<sup>65</sup> Арутюнов С.А. Указ. соч. – С. 34.

<sup>66</sup> Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса ... – С. 15.

<sup>67</sup> Там же.

<sup>68</sup> История казачества Азиатской России. – Екатеринбург, 1995. – Т.1. – С. 20.

<sup>69</sup> Черницын С.В. Некоторые аспекты этнических процессов в Войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. – Ростов н/Д, 1990. – С. 72-82.

скую<sup>70</sup>. Среди терских казаков отмечены грузины, армяне, калмыки, татары, представители вайнахских народов<sup>71</sup>.

Непосредственное вхождение неславянского населения в состав Войск осуществлялось двояко. Во-первых, «инородец» мог принять христианство и влиться в преобладающую восточно-славянскую, русскую часть казачества, что вело к их ассимиляции. Подобные процессы наблюдались у запорожцев и гребенских казаков. Во-вторых, консолидируясь в среду казаков, они сохраняли свою этническую и религиозную обособленность, приобретая формальную сословную принадлежность, и достаточно условно, признавая особенности хозяйства и быта.

Немаловажной характеристикой этникоса является и то, что в целом он имеет «полную» социальную структуру<sup>72</sup>. Проблема сословий это, прежде всего, проблема социальной дифференциации общества.

Определенная социальная дифференциация была свойственна и для ранних казачьих сообществ. Главную роль в принятии решений на Кругу играли так называемые «старые казаки», из числа которых выбирали атаманов. В источниках есть данные, согласно которым атаманы опирались на «домовитую» часть казачества и на «атаманову станицу»<sup>73</sup>.

С другой стороны упоминаются «сиромы» и «голутвенное» казачество. Но отношения между отдельными группами внутри казачьей общины строились не на основе эксплуатации, а скорее, напротив, в условиях типичного для первобытных общин разделения их членов по возрасту, профессиональным навыкам<sup>74</sup>. Огромное значение имел и личный авторитет члена сообщества.

Процесс образования сословий в России проходил в XVIII в. под влиянием сословного строя, существовавшего в странах Западной Европы. Б.Н. Миронов считает, что одним из факторов развития сословности служило ограничение социальной мобильности, наследственное прикрепление социальных групп к занятию, службе, месту жительства. В результате приобретаемые ими права превращались в наследственные<sup>75</sup>.

Превращение казачества в сословие относится к XVIII – первой половине XIX в. Связано это с включением казачьих войск в общую систему государственного управления России, с законодательным оформлением

---

<sup>70</sup> Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. – В 2-х ч. – СПб., 1858. – С. 40.

<sup>71</sup> Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). – Владикавказ, 1912. – Т.1. – С. 38; Писарев С. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577-1877. – Владикавказ, 1881. – С. 44; Омельченко И.Л. Указ соч. – С. 90-100.

<sup>72</sup> Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса ... – С. 18.

<sup>73</sup> Даренко В.Н. Община на Яике в XVII – первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. – Вып. 6. – Вологда, 1976. – С. 54.

<sup>74</sup> Никитин Н.И. О формационной природе ранних казачьих обществ (К постановке проблемы) // Феодализм в России. – М., 1987. – С. 239.

<sup>75</sup> Миронов Б.Н. Социальная история России. – СПб., 2003. – Т.1. – С. 80.

обязанностей и прав казаков, их особой социальной функции в государстве. Сословное состояние казачества было обозначено и закреплено Положениями о войсках. В 1835 г. казачьи формирования были отнесены к департаменту военных поселений с введением специального отделения иррегулярных войск. В период с 1836 по 1840 г. управление казаками окончательно было подчинено военному министерству. 14 февраля 1845 г. Кавказскому линейному войску по примеру Донского и Черноморского было определено особое положение о военном и гражданском устройстве. В административном отношении войско отделилось от Кавказской области, получив свое внутреннее управление с высшим и низшим учреждениями. По военной части всем единицам войска как новым, так и старым была придана единообразная организация. Каждый полк составлял свой территориальный округ, а станицы в округе подразделялись на сотни<sup>76</sup>.

Казачество не только законодательно стало сословием, но и внутри него возникает сословное деление, характерное в целом для страны. Происходит выделение офицерско-чиновничьего слоя. Согласно актам 14 февраля 1775 г., 22 сентября 1798 г., 29 сентября и 13 ноября 1802 г., 9 июня 1812 г., 26 мая 1835 г., 11 июня 1845 г., 23 февраля 1848 г. казачьи офицеры в Донском, Уральском, Черноморском, Астраханском, Оренбургском, Сибирском линейном и Кавказском линейном войсках были не только уравнены с армейскими, но и получили права потомственного и личного дворянства. По указу 9 декабря 1856 г. в связи с общей политикой правительства по ограничению дворянского сословия звание потомственного дворянина казаку стал давать лишь чин полковника.

Среди казаков появляются представители духовенства, купечества. Положениями 26 мая 1835 г., 14 февраля 1845 г., а также актами конца 50-х – начала 60-х гг. были узаконены «торговые общества» и «сотни мастеровых». Освобожденные от всякой службы, их члены в течение 30 лет обязаны были вести торговлю и изготавливать обмундирование, вооружение и амуницию для казаков всего войска. При этом торговцы вносили в войско ежегодно по 200 рублей каждый на военные надобности, а мастеровые работали за «умеренную» плату. Представители духовенства казачьего происхождения увольнялись из войскового сословия только на время – пока имели духовную должность, а, потеряв ее, вновь становились казаками.

Таким образом, возникает своеобразная ситуация, когда казачество одновременно выступает и в качестве особого сословия, и имеет в свою очередь, общероссийскую сословную структуру. Следует отметить социальную открытость казачества, так как оно пополнялось выходцами из различных сословных групп<sup>77</sup>, терявших прежнюю сословную специфику

<sup>76</sup> Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1845. – Т.20. – С. 191.

<sup>77</sup> РГВИА, ф.1058, оп.1, д.24, 27, 28,29,41,44,68,98.

в казачьей среде. Однако со второй четверти XIX в. казачество становиться более замкнутым. Это проявилось в запрещении в ряде мест (особенно для помещичьих крестьян) или ограничении зачисления в казаки, в не разрешении выхода из войскового сословия. Казачки не имели права вступать в брак с представителями других сословий, а сами казаки не могли переходить на службу в другие ведомства и войска.

Казачество как военно-служилое сословие отличалось от других кругом обязанностей по отношению к государству и своему войску. Главной обязанностью казаков была военная служба, при этом обмундирование, воинское снаряжение и конь приобретались за свой счет. Кроме того, казаки выполняли многочисленные натуральные повинности в своей станице и на территории станичного юрта. Казаки платили также различные денежные сборы для нужд своего войска. К льготам и привилегиям казачества относились освобождение от уплаты налогов (в том числе подушной подати, государственного земского сбора), право беспошлинной торговли в пределах войсковой территории, особые права на пользование государственными землями и другими угодьями. Главной льготой казаков являлось обеспечение их землей, превосходившей крестьянские наделы.

В 1868 г. был принят закон о праве выхода казаков из войскового сословия. Главный комитет, разъясняя условия выхода из войскового сословия, признал необходимым «предоставить казакам беспрепятственное право перечисления в другие сословия на том основании, как это дозволяется вообще городским и сельским обывателям». Однако местные войсковые комитеты могли вводить ограничения: право выхода из сословия казаки имели только по окончании войсковой службы или полной непригодности к ней, получив при этом разрешение начальства. Заявив о выходе из войскового сословия, казак не мог порвать с ним навсегда, так как данное решение не распространялось на его сыновей, и они подлежали призыву на службу. Но самое главное – казак лишался земельного надела и фактически должен был выселиться с войсковой территории. Правом выхода из казачьего сословия воспользовались немногие и в первую очередь те, кто не считал себя «природным казаком». Военный министр Д.А. Милютин утверждал: «Действительно, настоящие, так называемые старые казаки никогда не перейдут добровольно в гражданское состояние; но главную роль играют здесь не экономические, а чисто нравственные причины. Казак дорожит своим званием потому, что с ним связана память о славном прошлом, боевые предания и обычаи, воспоминания об опасностях и подвигах». Он приводил пример с обращением в гражданское состояние в 1871 г. 12 станиц Кубанского войска: «Жители этих станиц не принадлежали к старым казакам и жили перемешано с гражданским населением, то переход совершился не только без всякого противодействия со

стороны казаков, но и без всякого сожаления, несмотря на то, что поземельный надел их при этом был обрезан»<sup>78</sup>. Интересна переписка урядника Терского казачьего войска Дорохина об исключении его сына, так как он «зачислен в то сословие, вследствие недоразумения станичных властей и без согласия на то меня и сына»<sup>79</sup>.

Таким образом, казачество начинает переходить в сословное состояние с XVIII в., ко второй половине XIX в. оно стало безусловной реальностью. Казачество находилось под безраздельным правлением военного ведомства, жестко регламентировавшего все стороны его повседневной жизни.

Следует также учитывать, что именно этникос корни своего существования имеет в диахронной информации, т.е. в наличии своего рода этнической памяти, комплекса этнических представлений. Эти традиции не всегда находят реализацию в повседневной жизни. Существенно в данном случае то, что память о характерности для этноса всех этих явлений сохраняется и передается в праздничной, обрядовой, ритуальной ситуации, в разных, даже отдаленных друг от друга группах данного этникоса. В этникосе, по мнению С.А. Арутюнова, минимальным выражением самоидентификации является сохранение самоназвания и самосознания<sup>80</sup>.

Этникос предполагает и некоторую незавершенность этнических процессов. В Кубанское казачье войско вошли четыре этнообразующие элемента: запорожские казаки, которые не идентифицировали себя как часть украинского этноса, переселенцы из южно-русских земель, из Черниговской и Полтавской губерний, уже идентифицировавших себя как украинцев, и кавказские линейные казаки, среди которых преобладали великорусские элементы. Терское казачье войско, формировалось в основном из гребенских, донских, волжских казаков, среди которых преобладали великорусы, но присутствовали горские и украинские элементы. Следует учитывать, что к моменту территориального и административного размежевания терского и кубанского казачества, не была преодолена внутренняя локально-территориальная обособленность запорожских, гребенских, терских, волжских и донских казаков. На наш взгляд, к 60-м гг. XIX в. только завершился процесс консолидации региональных казачьих групп степного Предкавказья и были созданы все необходимые условия для их дальнейшей этнической интеграции, с учетом усилившегося процесса русификации. Однако завершиться этому процессу суждено не было.

---

<sup>78</sup> См.: Куценко И.Я. Кубанское казачество. – Краснодар, 1993. – С. 93-94.

<sup>79</sup> ГАСК, ф.101, оп.4, д.358, л.1-18.

<sup>80</sup> Арутюнов С.А. Указ. соч. – С. 29.

## **РАЗДЕЛ 2. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ ЮЖНОРОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА В 20-Е ГГ. XVIII В. – КОНЦЕ XIX В.**

В XVIII в. начался этап интегрирования казачества в систему российской государственности, в течение которого оно становится объектом и участником геополитических преобразований на Юге России.

Геополитический вектор интересов Османской империи сменил свое направление с Запада на Восток. В 1700 г. состоялось подписание Константинопольского мирного договора с Россией, по которому Порты признала переход своих бывших территорий от реки Миус до устья Дона, а также Азова и его окрестностей к России.

Но Османская империя продолжала вынашивать планы укрепления своих позиций на Северо-Западном Кавказе и покорения Грузии. В этих целях она, с одной стороны, усиливала дипломатическое давление на Россию; с другой – любыми способами пыталась привлечь кавказские народы на свою сторону. Турция отправила эмиссаров в Ширван, Дагестан, Кабарду и Черкессию, подталкивала Крымское ханство, своего основного внешнеполитического союзника, к военным набегам. В 1703 г. Османская империя дала убежище казакам-староверам, получившим от султана разрешение основать ряд поселений на правом берегу Кубани от Лабы до Азовского моря<sup>81</sup>. С 1707 г. крымский хан несколько раз предпринимал походы на Кабарду, а закубанский Наиб-Султан напал на казаков Терека. В 1709 г. крымский хан Давлет-Гирей разослал на Северный Кавказ эмиссаров с заданием организовать антирусские выступления.

Таким образом, перед Россией в начале XVIII в. стояла непростая задача безопасности южных границ. Политика российского правительства носила несколько иной характер. Накануне русско-турецкой войны, в марте 1711 г. Петр I в грамоте кабардинским владельцам писал: «Только желаем, дабы вы показали к нам ныне свою дружбу и верность против султана турецкого и хана крымского, которые против нас войну начали, наруша мир несправедно против данных многих обещаний. И ежели будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалованье давать определим»<sup>82</sup>.

Используя сложное внутреннее и международное положение России (1707-1708 – восстание казаков, 1700-1721 гг. – Северная война), в период с 1710 г. по 1713 г. Порты трижды объявляла войну России. 12 июля 1711 г. Россия подписала очень невыгодный для себя договор, по условиям кото-

<sup>81</sup> Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки, соседи ... – С. 73.

<sup>82</sup> История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. ... – С. 408.

рого она обязалась передать туркам Азов, разорить Таганрог, а также вернуть все приазовские земли, завоеванные ею у Порты в 1696 г. Окрыленная успехами, Турция начала подготовку к вторжению на Кавказ<sup>83</sup>.

В 1711-1712 гг. вспыхнуло восстание в Ширване и Дагестане, возглавляемое Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом Казикумухским. Крепость Терки выступала единственным опорным пунктом на Юге России. Ожидая османского вторжения, Россия предприняла меры по укреплению своих юго-восточных границ. Первый шаг был сделан в 1712 г. генералом П.М. Апраксиным, сумевшим договориться с гребенскими казаками о переселении на левый берег. Станицы Червленая, Щедринская, Новогладковская, Старогладковская, Курдюковская<sup>84</sup> образовали первую линию казачьих укреплений вдоль Терека, ставшую прототипом оформления южных границ в дальнейшем.

Очевидно, гребенские казаки взяли на себя обязательства защиты терской линии при условии, что за ними закреплялось право собственности на землю по обоим берегам реки. «В памяти старожилых», сохранилось, «что все хозяйственные обзаведения казаков долгое время находились по-прежнему в их владении на правом берегу Терека», где они занимались сенокосом и хлебопашеством. Между старшинами гребенских казаков и кабардинским князем Баматом Бековичем Черкасским, переселившимся на плоскость, был заключен контракт, позволивший кабардинцам строить на землях казаков кутаны и пасти баранов<sup>85</sup>. При этом он нес «ответственность за все хищения», должен был выручать пленных, не рубить лес, а «в приближении сенокоса удаляться». По мере упрочения позиций России на Кавказе, казачьи интересы начинали ущемляться и уже «генерал-майор Энгельгард отдал в собственное владение заречных поселян и земли, и воды, заслуженные казачьей кровью в продолжение столетий». Казаки подали прошение на имя бывшего главнокомандующего в Грузии генерал-адмирала графа Паскевича, через доверенного их хорунжего Сергеева. Примечателен ответ на него: «...Основываясь на мнении генерал-майора Энгельгарда, в котором, между прочим, сказано, что хотя земли правого берега суть собственность казаков, но отнять их теперь у чеченцев нельзя, дабы не вселять в них пренебрежения к законам собственности ...»<sup>86</sup>. В просьбе казакам было отказано.

В XVIII в. казачество, ранее пользовавшееся автономией и полным самоуправлением, постепенно включалось в военную структуру России.

<sup>83</sup> История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. ... – С. 409.

<sup>84</sup> Потто В.А. Указ. соч. – С. 12; Голованова С.А. Географический фактор в саиоидентификации гребенского казачества // Вопросы северокавказской истории. – Вып.6. – Ч.1. – Армавир, 2001. – С. 31.

<sup>85</sup> Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в. – Владикавказ, 1992. – С. 47.

<sup>86</sup> См.: Дегов В.В. Указ.соч. – С. 48.

Если ранее связь с Московским правительством осуществлялась через Посольский приказ, в ведении которого находилась внешняя политика государства, то при Петре I управление казаками перешло коллегии Иностранных дел, при которой были созданы особые отделения Донское и Яицкое. В 1721 г. они были переданы Военной коллегии, а Указом Сената от 3 марта 1721 г. Военной коллегии было подчинено и Терское казачье войско, с жалованием «по строевому составу в 500 человек»<sup>87</sup>. Предписанием от 8 июля 1721 года астраханскому губернатору Волынскому и командующему в Терках Дмитриеву было определено гребенским казакам жалование денежное и хлебное<sup>88</sup>. С этого периода просматривается и четкая закономерность: как только территории, заселенные казаками теряли значение государственной границы, русское правительство принимало решение о переселении их на вновь созданные пограничные линии. Таким образом, казачество Юга России использовалось как основная сила в обустройстве границ, а миграционные процессы, санкционированные государством, приводившие к перемещению казаков с Дона, Волги, Урала и Терека в границах северокавказского региона, способствовали формированию особого системного пространства.

В начале XVIII в. Терек потерял значение государственной границы, которая переместилась на реку Сулак. Центром вновь созданной линии стала крепость Святого Креста. Основная тяжесть по ее строительству пала на плечи гребенских казаков. После завершения ее строительства начался процесс ликвидации терской кордонной линии. В крепость Святого Креста перевели всех жителей из крепости Терки, и в первую очередь, терских казаков с семьями.

29 августа 1723 г. Петр I издал специальный указ «О населении гребенских казаков у кр. Святого Креста». Если терцы беспрекословно выполнили повеление, то гребенцы отказались переселяться и среди них начались волнения. По мнению С.А. Козлова, они стали покидать родные места и уходить к некрасовским казакам на Кубань. Это заключение основывается на сообщении гарнизонного капрала Щербатова в Астрахань о том, что он «слышал будто гребенские казаки хотели бежать на Кубань». Хотя вывод исследователей категоричен и явно указывает на массовый характер, с ним вряд ли можно полностью согласиться. В приводимых документах, капрал Щербатов только слышал «будто гребенские казаки хотели бежать на Кубань»<sup>89</sup>. В войске крымского хана Бахты-Гирея, которое он привел в Кабарду, были некрасовские казаки и беглые гребенцы: но видели только двух Василия Басманова и Сидора Васильева, которые «в

<sup>87</sup> Омельченко Л.И. Терские казаки ... - С.65.

<sup>88</sup> Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. – Ч.2. – СПб., 1869. – С.14-15; Потто В.А. Два века терского казачества ... – С. 24-25.

<sup>89</sup> Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества ... – С. 57-58.

казачьи городки идти опасаются. Возникает вопрос – почему? Опасались ли они царского правительства, или же самих гребенских казаков, перед которыми они чем-то провинились. Следует также учитывать, что они планировали только уговорить казаков идти на Кубань.

Причина бунта, на наш взгляд, вполне понятна – гребенцы должны были в четвертый раз поменять место жительства. Этим недовольством попытались воспользоваться крымские ханы, привлекая к своим замыслам некрасовских казаков. Отношения между этими группами казаков складывались неоднозначно. С одной стороны, как отметил И. Потто, «гребенцы до сих пор никогда не яшались с Игнаткой Некрасовым», но с другой, когда раненный И. Некрасов был взят в плен кабардинцами, гребенцы, «почитая в нем храброго казака, тайно вызволили его из неволи и дали возможность бежать на Кубань»<sup>90</sup>.

Царское правительство было вынуждено отказаться от планов переселение гребенских казаков в крепость Святого Креста. Более того, казакам, «которые ушли с Гребней», дали прощение и позволили возвратиться в свои городки «с женами и детьми ... без всякого опасения и боязни»<sup>91</sup>. Петр I лично рассмотрел жалобу гребенских казаков и разрешил остаться на Тереке в своих городках.

Проблему людских ресурсов решили, предприняв крупномасштабное переселение казаков с Дона. Царскими указами от 3 декабря 1723 г. и 24 января 1724 г. «велено донских казаков и из запольных рек переселить пять сот семейств на Аграхань, пять сот же семейств на гребни ... Оных казаков откомандировать из все войска донских, хоперских, бузулукских и медведецких городков по переписным ведомостям ...»<sup>92</sup>. Гребенские казаки продемонстрировали полное нежелание принять в свои городки «верных донцов». 500 семей расселили по Сулаку от крепости Святого Креста до моря и столько же по Аграхани на «вечное житье».

Из терских и донских казаков, расселившихся вдоль сулакской линии, было создано Аграханское казачье войско, численность которого составила 500 человек конных и 300 пеших. По определению В.А. Потто, это был первый опыт принудительной колонизации Кавказа русским элементом, опыт весьма печальный по результатам<sup>93</sup>.

Из пяти городков, построенных донскими казаками в 1724 г., к апрелю 1725 г. осталось только два: Кузьмин и Прорвинь, а «прочие были разорены неприятелем»<sup>94</sup>. Кроме того, места поселения Аграханского вой-

<sup>90</sup> Потто В.А. Два века терского казачества ... – С. 24.

<sup>91</sup> Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества ... – С. 58.

<sup>92</sup> РГВИА, ф.1058, оп.1, д.503, л.15.

<sup>93</sup> Потто В.А. Два века терского казачества ... – С. 174.

<sup>94</sup> Юдин П. Материалы Кизлярского архива // СОЛКС. Приложение к «Терским ведомостям». – 1912. – № 6. – С. 4.

ска, выбранные Петром I, оказались непригодными для постоянного жительства, так как часто затоплялись водой и не имели естественной защиты. Все это усугублялось свирепствовавшими в крае частыми эпидемиями. В 1727 г. в прикаспийских областях началась «морозная язва». В результате к концу 1730 г. из гарнизона терских казаков, переселившихся в крепость Святого Креста, осталось 145, из них «шестеро больных», из 1000 донских казаков в 1735 г. насчитывалось 452, остальные «померли, бесследно пропали и бежали»<sup>95</sup>.

Чтобы обеспечить надежную защиту пограничной линии русское правительство применяло практику временного привлечения казаков с других рек на сроки от одного до двух лет. Так, с 1723 г. в крепости Святого Креста находились 729 малороссийских казаков, с 1728 г. по решению Верховного тайного совета – 1000 конных донских казаков, 200 калмыков, 500 конных яицких казаков, менявшихся ежегодно, а также 1000 пеших донских казаков «со сменой их через каждые два года»<sup>96</sup>. Более того, для пополнения 18 пехотных батальонов и двух драгунских полков, с 1722 по 1725 г. включительно было отправлено в низовой корпус из Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода, Казани, Астрахани, Киева и Глухова свыше 20 тысяч солдат и рекрутов, то есть более тысячи человек в каждую часть<sup>97</sup>.

По условиям Гянджинского трактата 1735 г., была определена новая граница русских владений на Кавказе по реке Койсу. Крепость Святого Креста упразднена, а вместо нее на левом берегу Терека заложена крепость Кизляр, которая заселялась казаками, армянами и грузинами, новокрещеными<sup>98</sup>. В район крепости перевели и Аграханское войско, реорганизовав на новом месте в Терско-Кизлярское и Терско-Семейное казачьи войска. Кроме того, в крепости разместился военный гарнизон, состоящий из двух тысяч донских казаков во главе с походным атаманом И.М. Иловайским, а также небольшая команда гребенских казаков, менявшиеся через год или два<sup>99</sup>.

Терско-Кизлярское войско представляло собой явление уникальное. В него вошли представители кавказских народов, принявших христианство и вступивших в казаки, так называемые новокрещены. В отдельный список были включены «окоченские казаки», исповедовавшие ислам. Самым значительным был отряд терских низовых казаков, переселившихся из крепости Святого Креста. Количество их С.А. Козлов определил в 78 че-

---

<sup>95</sup> Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказ с 1722 по 1803 год. – Ч.1. – СПб., 1869. – С. 78.

<sup>96</sup> Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества ... – С. 59.

<sup>97</sup> Юдин П. Материалы Кизлярского архива ... – С. 6.

<sup>98</sup> Бутков П.Г. Материалы Кизлярского архива ... – С. 154; Маршаев Г. Указ. соч. – С. 15.

<sup>99</sup> Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества ... – С. 75.

ловек. Довести их численность до 100 предлагалось за счет оставшихся при Кизляре донских, яицких казаков, но только по их желанию<sup>100</sup>.

И.Л. Омельченко отметил своеобразие устройства Терско-Кизлярского войска: с одной стороны, признавалась организационно-хозяйственная структура казачьих войск, а с другой – сохранялась сословность, основанная на принесенном с собой праве на наследственное, привилегированное положение<sup>101</sup>. Для этого в войске были составлены особые штаты с учетом их социального и национального происхождения. Оно делилось на ряд подразделений, отличавшихся друг от друга по религиозному и национальному признакам. Жалование устанавливалось как по должности, так и по социальному признаку. Для привилегированных лиц, не получивших должностей, вводились специальные подразделения, где они числились на положении военных чиновников, вместе с тем, упразднялась всякая выборность должностных лиц. Долгое время оно находилось под командованием генерал-майора князя Эль-Мурзы Бековича Черкасского. Его сыновья служили: Давлет-Гирей в чине ротмистра, а Темир-Булат – майора<sup>102</sup>. Новокрещены и окоченские казаки подчинялись только ротмистрам и майорам, терские казаки имели еще есаулов Кондратия Артамонова и Гаврилу Артамонова, казачьего происхождения<sup>103</sup>.

Основу Терского Семейного войска составили донские (семейные) казаки, обосновавшиеся по реке Терек тремя станицами – Бороздинской, Дубовской и Каргалинской. Места, выбранные для их поселения, оказались непригодными как для жительства, так и для выпаса скота.

Царская администрация попыталась решить возникшие проблемы, повысив казакам размер жалования и довольствия, а также рассмотрела возможности переселения терских семейных казаков на новое место «выше гребенского Червленного городка», где было много пашенных земель и сенных угодий. Однако доводы кизлярского коменданта и наказного атамана гребенских казаков, убедили правительство в бесперспективности данного шага. Следующее решение, также оказалось в итоге нереализованным. Указ о слиянии Терского Семейного войска с Гребенским, более рельефно высветил замкнутость гребенского казачества и стремление сохранить свою обособленность не только по отношению к государству, но и другим группам казаков.

По штату войско имело погодно выбираемых войскового атамана, старшину, дьяка, есаула, сотника, хорунжего и комиссара<sup>104</sup>. Бесконтроль-

---

<sup>100</sup> Там же. – С. 78.

<sup>101</sup> Омельченко И.Л. Указ.соч. – С.71.

<sup>102</sup> Юдин П. Состав казачьих войск на Кавказе в 1767 году (по донесению кизлярского коменданта генерал-майора Потапова) // ЗТОЛКС. – 1914. – № 4. – С. 7.

<sup>103</sup> Там же. – С. 9.

<sup>104</sup> Омельченко И.Л. Указ. соч. – С. 72.

ным правом выбора войскового атамана они пользовались до 1746 г., когда Военная коллегия отменила эту привилегию, и атаманы и старшины стали утверждаться правительством<sup>105</sup>.

Гребенское казачество долгое время оставалось, пожалуй, самой непокорной по отношению к государству группой, сохранявшей сложившиеся веками представления о власти и личной свободе. Астраханский губернатор в 1744 г. с тревогой докладывал в Петербург, что «оныя гребенские, хотя могут из всех казаков из лучших воинов почитаться, только от того, что атаманов погодно переменяют и старших против прочих не имеют, в великом беспорядке находятся ...»<sup>106</sup>. В 1745 г. Канцелярия Главной артиллерии и фортификации издала указ, согласно которому по 10 человек от каждой станицы должны были обучаться «пушечной и мортирцовой пальбе и метанию ручных гранат». Гребенские казаки отказались от «такого несвойственного их духу новшества». Указом Сената от 21 июня 1745 г. им пошли на уступки и распорядились заметить их гарнизонными солдатами<sup>107</sup>. Экологическая и экономическая адаптация к местным условиям способствовала успешному хозяйственному освоению терско-сунженского бассейна, в результате сложилась и их относительная экономическая независимость.

Стремясь усилить административную и военную власть над ними, в 1745 г. было принято решение объединить Терское семейное и Гребенское казачьи войска. Это решение сопровождалось наступлением на казачье самоуправление. По решению Сената, во вновь созданном объединенном Гребенском войске общевойсковой атаман избирался на кругу в присутствии Кизлярского коменданта, а с 1746 г. атаман и старшины войска утверждались Военной коллегией<sup>108</sup>. Однако вскоре стали очевидны неразрешимые противоречия, возникшие между терскими семейными и гребенскими казаками. 11 ноября 1754 г. Сенат вынужден был издать указ, по которому, «чтоб впредь никаких по тамошней пограничности между ими непорядков и непристойностей не произошло, в прекращение того и по общему прошению и желанию обоих войск, а притом ... ради добропорядочнаго службы ... исправления, оным Гребенскому и Семейному войскам быть порознь каждому в своем ведомстве, как оныя и напредь сего до соединения их состояния, и именоваться по-прежнему одним старинным званием – Гребенскими, а другим – Терскими Семейными». Таким образом, неудачно завершилась попытка слить воедино не просто два казачьих войска, а две древнейшие группы казачества – гребенскую и донскую.

<sup>105</sup> Юдин П. Состав казачьих войск на Кавказе ... – С. 10.

<sup>106</sup> Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества... – С. 65.

<sup>107</sup> Юдин П. Из-за власти (Очерки из прошлого соединенного гребенского казачества) // ЗТОЛКС. – 1914. – № 9. – С. 38.

<sup>108</sup> РГВИА, ф.13, оп.107, св.122, л.77; Омельченко И.Л. Указ соч. – С. 74; Юдин П. Из-за власти ... – С. 11-12.

В июле 1763 г. начиналось строительство крепости Моздок. На постоянное местожительство в новой крепости приглашались «осетины, киштынцы, кабардинцы, а также всякой нации люди, как то: чеченцы, кумыки и другие горцы, ногайцы, желающие принять святое крещение, а притом и христианской науки люди, как то грузины и армяне и другие, кроме русских»<sup>109</sup>. В 1765 г. была создана Моздокская горская казачья команда, имевшая по штату ротмистра, сотника, есаула, хорунжего и 100 рядовых казаков.

В 1770 г. Моздокская крепость была переименована в город и сюда переведены из Астрахани один гарнизонный батальон, «из ближайших мест 40 орудий с служителями» и переселено 100 семей донских сказочных казаков «для употребления их вместо канониров»<sup>110</sup>. Кроме того, земли между Моздоком и гребенской станицей Червленной, на протяжении 100 верст, заняли 517 семей Волгского полка, основавших между Моздоком и Червленной пять станиц: Галюгаевскую, Ищерскую, Наурскую, Мекенскую и Калиновскую. Организационно они составили самостоятельную единицу, не включенную ни в одно из существовавших в данном регионе казачьих войск, подчиненную военным властям, получившую статус казачьего Моздокского полка, под командой полковника И.Д. Савельева. Это был первый опыт иной формы организации и управления казачьими общинами, ставший основой при комплектовании кавказского линейного казачества.

Переселение волжский казаков на Северный Кавказ было вторым в их истории. По жалованной грамоте от 20 января 1734 г. для укрепления Царицынской линии были переведены 1057 семей донских казаков, которые стали именоваться волжскими. Они быстро освоили новый регион, построив добротные дома «с прочным строением», мельницы, обзавелись садами. Адаптация же к условиям Северного Кавказа проходила сложно. Из-за нехватки фуража, часть казаков отправлялась зимовать на Волгу. В 1773 г. был массовый падеж скота. В 1774 г. казаки Моздокской линии отразили нападение крымского хана Шабаз-Гирея, но большинство построек выгорели. Для восстановления станиц и хозяйства нужны были средства и время, поэтому они обратились с просьбой о «даче льготных лет» и освобождения хотя бы на небольшой срок от несения службы.

Кроме Моздокского полка в 1770 г. для усиления станиц на Северный Кавказ были направлены «сказочные казаки» с Дона по 50 семей в каждую и 100 семей в Моздок (всего 350 семей) «для употребеления вместо канониров». В 1771 г. в крепость Моздок переведены артиллерийская команда из 100 донских сказочных казаков и 214 человек новокрещенов кабардин-

<sup>109</sup> См.: Омельченко И.Л. Указ. соч. – С. 83.

<sup>110</sup> Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа... – Ч.2. – СПб., 1869. – С. 6.

цев и осетин<sup>111</sup>, а в 1799 г. в состав гранизова под названием «московской легионной казачьей команды» вошли 335 бывший саратовских милиционеров с семьями.

Таким образом, сплошная линия казачьих поселений протянулась по Тереку от Кизляра до Моздока.

Во второй половине XVIII в. на первый план внешней политики России выдвигается черноморская проблема, звеньями которой являлись крымский и кавказский вопросы. Османская империя искала выхода из внутреннего кризиса во внешних войнах. По-прежнему, Северо-Западный Кавказ был для нее плацдармом для нападения на Россию с юга, и далее для продвижения на Кавказ. Сохранял свои притязания и шахский Иран.

Очередная русско-турецкая война (1768-1774 гг.) завершилась подписанием Кючук-Кайнарджийского договора. По условиям этого договора Крым был признан «вольным и совершенно независимым от всякой посторонней власти». К России отходили участки Азовского побережья, а также крепости Керчь и Ени-кале, территория между Днестром и Бугом. За османами остался полуостров Тамань, крепость и порт Очаков. Юридически было оформлено присоединение Кабарды к России<sup>112</sup>. Таким образом, к концу 70-х гг. XVIII в. сферы влияния держав на Кавказе были разделены следующим образом: в состав Османской империи входили земли Северо-Западного Кавказа от Черного моря до Кабарды, северной границей турецких владений являлась река Кубань, правый берег принадлежал Крымскому ханству. Проблема Крыма оставалась причиной упорной борьбы между Россией и Портой. По-прежнему, правобережье Кубани входило в состав Крымского ханства и имело важное географическое и военно-стратегическое положение.

Ситуация на российской границе, как следует из донесения князя Г.А. Потемкина, выглядела следующим образом: от Кизляра до Каргалинской в трех станицах размещались терские семейные казаки (500 человек); от Каргалинской до Червленной в пяти станицах – Гребенское войско (373 человека); от Червленной до Моздока в пяти станицах – Моздокский полк (787 человек); от Моздока до Азова на протяжении 500 верст граница была не прикрыта; в Кизляре – Терское войско (109 человек)<sup>113</sup>.

В апреле 1777 г. российским правительством был утвержден проект создания укрепленной линии Терек-Моздок-Азов. Линия намечалась по рекам: Малке, Куре, Золке, Подкумку, Карамысу и Калаусу, далее по землям Войска Донского через крепость Святого Креста до Азова. Пространство между Моздоком и Азовом предполагалось заселить остатками

<sup>111</sup> РГВИА, ф.644, оп.1, д.117, л.39 об.

<sup>112</sup> История народов Северного Кавказа ... – С. 441.

<sup>113</sup> Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества ... – С. 97.

Волжского полка. По представлению князя Потемкина волжские казаки, живя по Волге, «занимали не охранную, а внутреннюю линию»<sup>114</sup>.

Переселение их происходило в 1777-1778 гг., всего в край прибыло 2962 человека<sup>115</sup>. Волжские казаки основали пять станиц при крепостях: у слияния Малки и Терека возникла Екатеринодарская, на реке Куре, для прикрытия главной дороги из Кабарды к соляным озерам, станица Павловская, на реке Золке – Мариинская, на р. Подкумок – Георгиевская, и далее Андреевская станица. По подсчетам П.Л. Юдина, первоначально на Северный Кавказ было переселено в станицы: Екатеринодарскую – 720 казаков, Павловскую – 637, Мариинскую – 654, Георгиевскую – 762<sup>116</sup>. Кавказская администрация мало считалась с интересами казаков, порой принуждая их силой осваивать новые территории. Сохранив часть старых привилегий, изменила организационную структуру по штату обычных регулярных войск, создав Волжский казачий полк. По штату в нем полагался командир полка – полковник, в каждой станице по одному атаману, есаулу, сотнику и хорунжему.

Одновременно с волжскими казаками началось переселение и хоперских казаков, входивших в состав Войска Донского и живших четырьмя слободами в пределах Воронежского края. В 1775 г., получив отдельное управление, они образовали особый Хоперский казачий полк. А.Г. Потемкин предложил переселить его, так как станицы в «ненужном месте расположенные»<sup>117</sup>. Движение на Северный Кавказ началось в 1778 г. В течение 2-3-х лет по Азово-Моздокской линии были основаны станицы: Александровская, Ставропольская, Московская, Донская и Северная, по 100 человек в каждой. Они также образовали особый Хоперский казачий полк.

Россия предприняла ряд мер по усилению контроля государства над казачьими войсками, расположенными на Северном Кавказе, проведя реорганизацию, направленную на усиление централизации управления. 5 мая 1776 г. Волгское, Гребенское, Терское Кизлярское, Терское Семейное казачьи войска, Моздокский и Астраханский казачьи полки были объединены в одно Астраханское казачье войско, в апреле 1777 г. в его состав вошел Хоперский полк<sup>118</sup>.

После ликвидации в 1783 г. Крымского ханства и перехода по Георгиевскому трактату Грузии под покровительство России, царская администрация осуществила административно-территориальную реформу. В 1785 г. российские владения на Северном Кавказе были объединены в Кавказскую область, составившую вместе с Астраханской, особое Кавказское намест-

<sup>114</sup> Бирюков И. Несколько глав из истории Волжского казачьего войска //СОЛКС. – 1912. – № 4. – С. 4-5.

<sup>115</sup> Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества ... – С. 98.

<sup>116</sup> Юдин П. Волжцы – прародители терцев // Терские ведомости. – 1912. – № 4.

<sup>117</sup> Материалы для истории ... – С. 6.

<sup>118</sup> Казачьи войска ... – С. 173.

ничество. Кавказская область состояла из 6 уездов: Екатериноградского, Моздокского, Кизлярского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского. Вместе с тем, как замечает С.А. Козлов, территория и границы Кавказского наместничества еще четко не определялись в силу их постоянной подвижности<sup>119</sup>.

11 апреля 1786 г. Волгское, Гребенское, Терское Кизлярское, Терское Семейное казачьи войска, Моздокский и Хоперский полки были выведены из Астраханского казачьего войска и «составили, так называемых, поселенных Кавказской линии казаков»<sup>120</sup>. С этого времени еще более усиливается контроль гражданской администрации, которая проникала во все сферы их хозяйственной и бытовой жизни. Регламентировались права казаков на земли и угодья, рыбные ловли и морские промыслы, добычу соли, продажу вина. Казаки облагались дополнительными повинностями, натуральными и денежными сборами на содержание полиции.

В начале 80-х гг. XVIII в. наблюдалось новое обострение русско-турецких отношений. Турки укрепили береговую линию, построив здесь крепость Анапу, которая стала важным опорным пунктом. Россия, воспользовавшись восстанием ногайцев против крымского хана Шагин-Гирея, осенью 1782 г. вводит войска в Крым и Прикубанье. Учитывая благоприятную международную обстановку и внутреннюю слабость Турции, 8 апреля 1783 г. Екатерина II подписала манифест о присоединении к Российской империи Крыма, Тамани и правобережья Кубани. Как отметила Т.М. Феофилактова, «если до 1783 г. кавказский вопрос занимал положение, подчиненное крымскому вопросу, то после присоединения Крыма к России он приобрел самостоятельное значение»<sup>121</sup>. О возросшей его роли во внешней политике царской России свидетельствовало поручение всех кавказских дел Г.А. Потемкину. В том же рескрипте от 8 апреля 1783 г. Екатерина II повелела: «... Учредить надежную и кратчайшую границу от Каспийского моря ... к Черному.., и внутреннее правление тех народов, которые могут быть присоединены к Российской империи»<sup>122</sup>. Позиции России на Кавказе укрепил, подписанный в Георгиевске «Дружественный договор» (1783 г.), оформивший протекторат России над Картли-Кახетинским царством<sup>123</sup>. В 1784 г. строится ряд укрепленных пунктов, в том числе и крепость Владикавказ, по линии от Моздока до входа в Дарьяльское ущелье. Ясский договор 1791 г. подтвердил присоединение Крыма к России и территорий между Бугом и Днестром, признал протекторат

<sup>119</sup> Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества ... - С. 101.

<sup>120</sup> Казачьи войска ... - С. 173.

<sup>121</sup> Феофилактова Т. Политические отношения России с народами Северо-Западного Кавказа в период подготовки второй русско-турецкой войны II пол.XIX в. (1783-1787 г.) // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. – XIX в.). – Майкоп, 1995. – С. 63.

<sup>122</sup> Феофилактова Т. Указ. соч. – С. 63.

<sup>123</sup> История народов Северного Кавказа... – С. 449.

России над Молдавией и Валахией. Договор также закрепил новую границу России по р. Кубань.

С этого момента освоение новых территорий России осуществлялось двумя сближающимися векторами от побережья вглубь, за счет перевода сюда Черноморского казачьего войска, и от Дона – переселения донских и волжских казаков. Черноморское казачество получило от царского правительства четко очерченное пространство, имеющее границы, внутри которого располагались казачьи станицы, а границу-линию охраняли временные кордоны; будущее кавказское линейное казачество четкого представления о войсковом пространстве не имело, оно ограничивалось линией-границей, на которой и были расположены их станицы. Если для Черноморского войска понятие «своего» пространства было стабильным, то для линейного казачества общего представления о пространстве не существовало. Даже «свое» пространство в рамках станицы было не стабильным, так как по объективным и субъективным причинам некоторым станицам приходилось ни раз менять место своего расположения. Только окончание Кавказской войны, и завершение включения Кавказа в геополитическое пространство России, пространственно-географический фактор в истории казачества становится категорией постоянной, земли закрепляются за отдельными казачьими войсками.

После заключения 29 декабря 1791 года Ясского мира, генералом Гудовичем был разработан план по укреплению Кавказской линии, предусматривающий строительство 12 крепостей по линии Белая Мечеть и Усть-Лаба, гарнизоны которых предполагалось комплектовать казаками Волгского и Хоперского кавказских полков<sup>124</sup>. Екатерина II проект в основном одобрила, но переселение хоперских и волжских казаков не признала «полезным». Все 12 станиц приказала заселить казаками Войска Донского, по 200 семей в каждую, а в Усть-Лабинскую – 400. В целом на заселение требовалось 3 тысячи семей. Государство попыталось использовать шесть донских полков, которые находились на Кавказской линии на трехлетней службе<sup>125</sup>. Весной 1792 года они должны были строить избы, а осенью вывести из донских станиц семьи. Вернуться на Дон, они могли лишь в том случае, если найдут желающих переселиться на Кубань.

Узнав о «монаршем повелении», донские казаки в том же 1792 г. взбунтовались и вернулись на Дон. Причиной неповиновения С.М. Маркедонов считал особое понимание казаками службы государству: донцы не приносили московским государям присяги, а потому считали для себя возможным оставлять службу, тогда когда ее несение противоречило традициям донских вольностей<sup>126</sup>. «Беспокойства» продолжались с 1792 по

<sup>124</sup> Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа ... – Ч.2. – С. 246.

<sup>125</sup> Там же. – С. 247.

<sup>126</sup> Маркедонов С.М. К вопросу о характеристике восстания донских казаков 1792-1794 гг.// Из истории и культуры линейного казачества на Северном Кавказе. – Армавир-Железноводск, 1998. – С. 21-22.

1795 год. Царское правительство вынуждено было пойти на уступки и согласиться на переселение семей по жеребьевке, сократить число семей с трех тысяч до одной, а само переселение отложить до весны 1794 г.

В августе 1794 г. на поселение с Дона прибыла 1 тысяча семей, расселившихся при Усть-Лабинской крепости – 300; Кавказской – 150; Григориополисской – 150; Прочноокопской – 150; Темнолесском ретраншаменте – 150; Воровсколесском редуте – 150 семей<sup>127</sup>. П.Г. Бутков замечал: «Переселенцы донские казаки составили полк под названием Кубанского. Скоро почувствовали они здесь выгоды жизни, и многие уклоняясь с Дону, присоединились к ним под предлогом родства и по другим причинам. Так что надобно было дать запрещение на прием сих охотников к переселению»<sup>128</sup>.

Создание Кубанского казачьего полка положило начало формированию так называемой Старой линии, которая изначально являлась военной демаркационной линией между российскими территориями и землями северокавказских народов. Полковое устройство стало основной формой управления у линейных казаков.

Одновременно с заселением правобережных степных пространств, находившихся восточнее впадения реки Лабы, шла колонизация северо-западных районов Кубани, казаками Черноморского войска, ядро которого составили бывшие казаки-запорожцы.

30 июня 1792 года войсковому судье полковнику Головатому была вручена грамота, подписанная Екатериной II, согласно которой вновь учрежденному Черноморскому казачьему войску пожалован в вечное владение «состоящий в области Таврической остров Фанагория со всею землею, лежащею по правой стороне реки Кубани от устья ее к устью Лабинскому и Редуту, так чтобы с одной стороны река Кубань, с другой же Азовское море до Ейского городка, служила границею войсковой земли ...»<sup>129</sup>. Главная задача войска – «бдение и старая пограничная от набегов народов закубанских»<sup>130</sup>. Ф.А. Щербина отмечал: «Таким образом, государственным актом сразу же устанавливается факт права собственности казаков на пожалованные земли: земли эти, во-первых, отдаются в вечное владение; во-вторых, казакам предоставляется право не только владения ..., но и распоряжения, «точного и полного», ...из каковых ... само собой вытекает и третье – право пользования»<sup>131</sup>.

До получения грамоты войсковой атаман Захарий Чепега отправил Черным морем 4000 старшин и казаков к острову Фанагория, два пеших

<sup>127</sup> Бутков П.Г. Указ. соч. – С. 247.

<sup>128</sup> Там же. – С. 245.

<sup>129</sup> Материалы по истории Кубанского казачьего войска ... – С. 3.

<sup>130</sup> Там же. – С. 4.

<sup>131</sup> Щербина Ф.А. Земельная община кубанский казаков // Кубанский сборник. – Т.2. – Екатеринбург, 1891. – С. 31.

полка к Темрюку. 2 сентября сам кошевой атаман-бригадир Чепега с войсковым писарем Котляревским и 3000 старшин и конных казаков, перейдя реку Ею, остались зимовать на Ейской косе.

Перезимовав, 10 мая 1792 г. они выступили к Кубани и подошли к устью Лабы. По приказу командира Кавказского корпуса генерал-аншефа Гудовича, была организована пограничная линия, состоявшая из кордонов: Александровский, Елизаветин, Елинский, Марьянский, Ново-Екатеринославский, Ольгинский, Славянский, Проточный, Копыльский, Петровский, Андреевский, Георгиевский, Платогорский, Фанагорийский. В каждом из этих постов предполагалось поселить по 100 казаков. Первую цепь над Кубанью заняли «бывшие в войске бездомные (сиромы), более привыкшие к военным трудам, презиравшие самую жизнь, алкавшие одних битв и добычи, отличнейшие стрелки ...»<sup>132</sup>.

К 15 августа 1792 г. завершилось переселение казаков с семьями. На общем совете, где присутствовал кошевой атаман с войсковым правительством, было решено «устроить при кордонах военные куренные селения и дать им названия куреней по бывшим некогда в Сечи Запорожской: Воронежский, Константиновский, Александровский, Павлодовский, Великомарьяновский, г. Екатеринодар, Елинский, Елизаветинский, Марьяновский, Ново-Екатериновский, Ольгинский, Славянский, Протоцкий, Копыловский, Петровский, Андреевский, Грегорьевский, Платоногорский, Фанагорийский, при р. Ее у Сладкого Лимана, при Горьком Бурлацком бросе, при устье Когусы. В Фанагорийском округе был построен город Тамань»<sup>133</sup>.

Со стороны Кавказского наместничества селений не было. Здесь старшины и казаки заводили хутора. Приняв решение о заселении земель, закрепленных за Россией по Ясскому договору, «верными черноморскими казаками» необходимо было решить и вопрос о размежевании земель между Черноморским войском и Кавказской губернией, заселенной кавказским линейным казачеством, до пределов Войска Донского. По проекту командующего Кавказской линией графа Гудовича, «отмежевание границ войсковой территории черноморского казачества на Кубани началось «не от Усть-Лабинского редута, как значится в Высочайшей грамоте, а на 16 верст к низу от того укрепления, где строилась крепость, и от устья Лабы за 18 ... Далее приказано вести межу не на вершину р. Кирпилей, как просил Головатый, а на пункт расстоянием от Усть-Лабинской крепости в прямой линии по крайней мере в 20 верстах, оттуда через р. Кирпили, поворотить на устье реки Камышеватой при впадении ее в Челбас, а оттуда уже на старую заставу и на вершины Плоской, Кавалерки, Грязной и Ку-

<sup>132</sup> Материалы по истории кубанского казачества ... – С. 7-8.

<sup>133</sup> Там же. – С. 9.

чи-Ейки»<sup>134</sup>. Границы территории Черноморского войска не менялись до 1860 г. Указ императора Александра II о переименовании Черноморского казачьего войска в Кубанское войско и присоединение к нему шести бригад линейного кавказского казачьего войска, территориальных изменений не повлек. Как заметил П.П. Короленко, «формально размежевание земли линейных казаков, поступивших в Кубанское и Терское казачьи войска, не проводилось и было известно в натуре по тем линиям, которые обозначались старыми землями этих казаков, издавна селившихся на казенных землях Северного Кавказа»<sup>135</sup>.

С переходом черноморцев на Кубань сразу же обнаружилась малочисленность войска, как для заселения местности, так и для охраны ее границы со стороны черкесов<sup>136</sup>. Черноморское войско пополнялось различными способами и разными элементами. В феврале 1802 года малороссийская казенная палата уведомила Черноморское войсковое правление о желании переселиться в Екатеринодар 57 д.муж. и 56 д.жен. пола крестьян Конотопского уезда. В апреле того же года войсковая канцелярия постановила принять в войско 150 д.м. и 134 д.ж. пола жителей села Спасского и деревни Лебитиной Черниговской губернии. В мае 1803 г. черниговское губернское правление отправило 48 д.м. и 49 д.ж. пола крестьян, пожелавших переселиться к казакам в Черноморию, а в августе зачислено было в курень Джерелевский несколько семей пришлого люда, и этим переселенцам даны двухлетние льготы по отбыванию повинностей. В архивных документах за 1810 г. встречается целый ряд случаев зачисления в войско разночинцев, вольноотпущенных из крепостных крестьян, лиц уволенных из духовного звания, детей бывших черноморских старшин, переселившихся по преклонному возрасту из войска в Россию, свободных выходцев из Слободской Украины<sup>137</sup>. Но самую большую группу переселенцев составляли бывшие запорожцы, уходившие из Турции или прямо в Черноморию, или же в Буджакское или Бугское войско, из которых потом переходили в Черноморское войско<sup>138</sup>.

Для обеспечения надежной и безопасной связи с Закавказьем принимается решение улучшить путь, проходивший через Кабарду и Главный Кавказский хребет, получившей название «Военно-Грузинской дороги». Для ее защиты от Моздока и до входа в Дарьяльское ущелье были заложены три редута – Григориполисский, Камбилеевский и Потемкинский на реке Терек у Татартупа. У входа в Дарьяльское ущелье в 1784 году зало-

<sup>134</sup> Короленко П.П. Кубанские казаки. Материалы по истории Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. – Т.3. – Екатеринодар, 1894. – С. 227.

<sup>135</sup> Там же. – С. 228.

<sup>136</sup> Щербина Ф.И. История Кубанского казачьего войска... – С. 39.

<sup>137</sup> Там же. – С. 40.

<sup>138</sup> Там же. – С. 43.

жили крепость под названием Владикавказ<sup>139</sup>. После подавления военного выступления кабардинских князей, было подписано соглашение, по которому кабардинцы отказались от всяких притязаний на земли, занятые под русские укрепления, признали реку Малку границей своих владений, а территория от станицы Екатериноградской и до входа в Дарьяльское ущелье по Тереку, ранее принадлежавшая владельцам Большой Кабарды, теперь отходила России.

К концу первой трети XIX в. завершился длительный процесс присоединения Кавказа к России, отразившийся в целой системе международно-правовых документов. Адрианопольский договор 1829 г. закрепил «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая включительно» за Российской империей<sup>140</sup>. В.В. Дегоев отмечал, что «с 30-х гг. XIX в. начался новый этап – установление российской администрации в этом регионе. Из проблемы внешнеполитической Кавказ превращается в часть внутренней политики России...»<sup>141</sup>. Однако в первой половине XIX в. значение этого региона в системе международных отношений того времени не уменьшилось. Новые задачи России на Кавказе привели к изменению методов, с помощью которых они достигались. России нужен был не просто дружественный и лояльный Кавказ, а Кавказ как часть Российской империи<sup>142</sup>. Возросла роль правительства, как регулирующего центра по отношению к казачеству. Основное содержание политики было направлено на включение их в общую систему государственного управления и законодательного оформления их прав и обязанностей, но уже как служилого сословия. По-прежнему, наблюдается движение российских границ на Северном Кавказе и первоочередной задачей оставалась необходимость их обустройства и укрепления.

В этих целях предполагалось поселить на кавказской линии в звании казачьем 3300 душ из числа бывшего Екатеринославского войска (Указ 29 октября 1801 г.). Следует отметить особенность данного войска. В 1787 г. по приказу Г.А. Потемкина было сформировано Екатеринославское казачье войско. Первыми к нему были причислены однодворцы, ранее поселенные на бывшей Украинской линии Екатеринославской губернии. Затем включены жители Чугуева с окружающими селениями, старообрядцы-раскольники, вышедшие из Польши и поселившиеся на правом берегу Днепра, часть мещан и однодворцев Воронежской и Харьковской губерний, Бугский полк,

<sup>139</sup> Потто В.А. Два века терского казачества ... – С. 143.

<sup>140</sup> Чирг А. Черкесы в русско-османских отношениях второй половины XVIII в. // Россия и Черкессия (вторая половина XVIII в.-XIX в.). – Майкоп, 1995. – С. 57.

<sup>141</sup> Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х годов XIX в. – Владикавказ, 1992. – С. 234.

<sup>142</sup> Герман Р.Э. К вопросу о решении Россией геополитических задач Кавказа в последней трети XVIII в. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов. – Ставрополь, 2001. – С. 147.

пополненный крестьянами, выкупленными царским правительством у помещиков ряда селений между Бугом и Днестром. Г.А. Потемкин добился передачи казне ряда монастырских селений в Курской, Воронежской и Харьковской губерниях, крестьяне которых также вошли в комплектовавшийся казачий корпус. Всего в войско зачислили более 50 тысяч человек, среди которых только 13,5 тысяч были казаками<sup>143</sup>. Служба определялась по Донскому положению, под командованием полковника Платова.

После окончания русско-турецкой войны в 1792-1793 гг. Екатеринославское казачье войско постепенно расформировывалось. Учитывая желание казаков «вернуться в первобытное состояние», Екатерина II, по представлению гетмана П. Зубова, приказала перевести их в разряд сельского и городского населения, за исключением Бугского и Чугуевского полков<sup>144</sup>. В 1800 г. доверенный от бывших Екатеринославских казаков Кузьма Рудов просил правительство о переводе 3300 душ мужского пола на Кавказскую линию с восстановлением в прежнем звании казака.

В сентябре и октябре 1802 г. началось переселение на Кубань. Они основали на отведенных им на Кубани землях четыре станицы: Ладожскую (232 семейства), Тифлисскую (181), Казанскую (223) и Темижбековскую (226)<sup>145</sup>. Эти поселения стали основой созданного Кавказского казачьего полка. В 1804 г. к нему присоединилась станица Воронежская, образованная однодворцами Слободско-Украинской губернии<sup>146</sup>.

Второй этап заселения пустующих территорий Черноморского казачьего войска пришелся на начало XIX в. Позиция российской администрации по комплектованию состава казачьих войск не перестает удивлять. Генерал Ришелье предложил переселять преступников, отбывавших наказание. Победили здравый смысл и старания атамана Бурсака. По Высочайшему повелению от 17 марта 1808 г. из малоземельных Полтавской и Черниговской губерний переселили семьи бывших реестровых казаков, которые «вели уже некогда род жизни», близкий для черноморца. 17 августа 1808 г. Бурсак сообщил генералу Ришелье, что, при водворении 25 тысяч казаков из Малороссии, им было предоставлено право селиться и пользоваться войсковыми землями на общих со всеми казаками основаниях. Земли, места для мельниц, пашни, рыбные ловли, соленые озера и пр. угодья и «выгоды» будут общим их достоянием наравне с черноморским казачеством<sup>147</sup>.

<sup>143</sup> Анцунов И.А. Казаки и военные поселяне на Днестре и Буге XVII-XIX веков // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 1997. – № 1. – С. 34.

<sup>144</sup> Анцунов И.А. Указ. соч. – С. 35.

<sup>145</sup> ГАКК, ф.670, оп.1, д.35, л.158.

<sup>146</sup> Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896. (Исторический очерк) / сост. П.П. Короленко. – Екатеринодар, 1896. – С. 19

<sup>147</sup> Там же. – С. 50.

Переселенцам была дана полная свобода в выборе места поселения. Ф.А. Щербина отмечал неравномерность расселения их по куреням. Выбор их пал на курени, находившиеся вдали от Кубани, у северных границ Черноморья, тем самым они были застрахованы от набегов черкесов<sup>148</sup>. В куренях Каневском, Минском, Уманском, Роговском, Кисляковском, Щербиновском и Переясловском разместилось 16203 душ обоего пола, от 2026 до 2724 в каждом, тогда как в Динском осело только 101 душа, в Платнировском – 72, Вышестеблевском – 86, Старотиторовском – 51<sup>149</sup>.

Если войсковые земли черноморских казаков на Кубани были четко зафиксированы царскими указами, то расположение самих куреней, как и станиц кавказских линейных казаков, оказалось нестабильной. 23 марта 1800 г. войсковое правительство доносило генералу Менхельсону, что куренные селения, расположенные по реке Кубань, начиная от Усть-Лабинской крепости и до Тамани, «имели желание переселиться во внутренние земли»<sup>150</sup>. Причины – плохие земли, отсутствие воды, сенокосов и близость к черкесам. В 1803 г. курень Переяславский перенесен с вершины реки Сасыки на реку Бейсуг к плотине Екатерино-Лебяженского монастыря; курень Медведовский на реку Кирпили; курень Брюхановский от вершины р. Малого Бейсужка к устью р. Бейсужка к Великому кургану; курень Деревянковский с р. Еи на р. Челбасы; селение Титаровское перенесено с Дубового рынка на Ахтанизовский лиман. Как замечает Ф.А. Щербина, чаще всего курени переносились на новые места, чтобы избавиться от близости черкесов. Ришелье 9 ноября 1807 г. разрешил жителям куреней Пластновского и Динского перейти на новые места, а также и тем селениям, расселенным по Кубани, которые испытывали частые набег черкесов<sup>151</sup>. Многие селения переселялись на новые места с дальних расстояний. Курени Каневской, Джерелевский и Медведовский с реки Курки перешли на реки Челбасы и Кирпили, курени Брюхановский и Ирклиевский расположены были рядом в вершине незначительной реки Албаши, а перемещены на Бейсужек и т.п. Судя по списку селений за 1807 г. с обозначением расстояний их от Екатеринодара, курень Величковский отстоял в 7 верстах от Екатеринодара, а ныне станица Старо-Величковская находится в 50 верстах от него. Тимошевский был в 14 верстах от Екатеринодара, а после переселения в 60 верстах севернее в степи, курень Динской был в 11 верстах и перешел на 28 севернее<sup>152</sup>.

После перемещения правого фланга Кавказской линии с р. Кубань на р. Лабу в 1840 г., под командой генерала Г.Х. Засса создается новая Лабин-

<sup>148</sup> Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. – С. 54.

<sup>149</sup> Там же. – С. 53-54.

<sup>150</sup> Щербина А.Ф. Указ. соч. – С. 56.

<sup>151</sup> Там же. – С. 57.

<sup>152</sup> Там же. – С. 58.

ская кордонная линия. В период с 1841 г. по 1860 г. на ней возникли 26 станиц, заселенных казаками Кавказского казачьего линейного войска, женатыми солдатами и унтер-офицерами регулярных войск, государственными крестьянами Харьковской, Полтавской, Воронежской и других губерний, зачисленных в казачье сословие.

Ф.Г. Чернозубов замечал, что такой прилив населения вызвал необходимость серьезных мероприятий «по переделке переселенцев в казаки»<sup>153</sup>, однако руководство ничего в этом направлении не предприняло. П.С. Верзилин издал следующее указание: «Так как некоторые из поселенцев обзавелись на первый случай мелкими постройками, довольно сухими для помещения своего же семейства... в коих без нужды перезимовали, и теперь, с открытием весны, стараются огораживать и делать разные пристройки, а станичные начальники отрывают их от работ, вынуждая выводить дома под фасады, то предлагаю начальству наблюсти, чтобы станичное начальство отнюдь не отрывало от занятий домашним устройством переселенцев»<sup>154</sup>.

В 1823 г. в целях укрепления границы по линии Военно-Грузинской дороги, которая начиналась от Екатеринодара и шла по территории Кабарды и Осетии, было решено перенести ее на левый берег Терека. С 1823 по 1830 гг. на территории Осетии построили поселения Архонское, Ардонское, Дур-Дурское, Минаретское и Урухское; на территории Кабарды – Аргуданское, Пришибское, Заречное и Нальчикское. Осенью 1837 г. Николай I посетил полки, расположенные вдоль Военно-Грузинской дороги, после чего последовало распоряжение восстановить и укрепить поселения Константиновское и Елизаветинское на правом берегу Терека, обратив военные поселения в станицы, численный состав их дополнить женатыми казаками малороссийских полков.

История двух малороссийских полков достаточно показательна. В 1832 г., после подавления восстания в Польше, 2 казачьих полка, сформированные из малороссийского населения, по приказу были отправлены на Кавказ. Это распоряжение правительства вызвало крестьянские мятежи в Полтавской и Черниговской губерниях. Правительство вынуждено было пойти на уступки, сократив срок службы до 15 лет, пообещав пополнять их только жителями этих губерний, а офицерский состав комплектовать из украинцев<sup>155</sup>. Всего в состав полков вошло 800 человек, в возрасте от 19 до 20 лет, половина из них семейные. В январе 1833 г. первый полк под командованием А.Я. Рашевского был расквартирован на Кубанской линии, а второй – во главе с полковником И.Г. Стоцким направлен на территорию Кабарды. Но уже в ноябре 1838 г. они вновь поменяли место дис-

<sup>153</sup> Чернозубов Ф. Самашкинское зверство // ЗТОЛКС. – 1914. – № 12. – С. 65.

<sup>154</sup> Цит. по: Попко И. Терское казачество... – С. 29.

<sup>155</sup> Берозов Б.П. Из истории русского (казачьего) населения в Осетии // Роль России в истории Осетии. – Орджоникидзе, 1989. – С. 182.

локации. 1-й Малороссийский полк перевели в крепость Владикавказ, где он сменил пятый Донской казачий полк. Поселены они были в Константиновском и Елизаветинском укреплениях, а также заняли посты Редантский, Балтинский, Ларский, Дарьяльский, Казбекский и Кобанский. 2-й Малороссийский полк разместился в укреплениях Архонском, Ардонском, Дур-Дурском, Минаретском, Урухском, Пришибском и других. Вместе они составили 1-й Владикавказский казачий полк<sup>156</sup>.

Таким образом, все нижние чины Владикавказского полка оказались бывшими малороссийскими крепостными крестьянами. Правительство освободило их от крепостной зависимости, «семейства их исключались из ревизских сказок в Малороссии», им предоставлялось право продавать свои наделы земли, а холостые казаки имели право вернуться на родину. Б.П. Берозов привел данные Северо-Осетинского архива, согласно которым Военное министерство на благоустройство этих станиц выделило 35 тысяч рублей. Более того, всем поселенным казакам выдавались от казны ружья, шашки, пистолеты и порох, а также строевая лошадь<sup>157</sup>.

Для усиления 1-го Владикавказского казачьего полка русская военная администрация включила в штатное расписание полка четыре селения военных поселян: Владикавказское, Александровское, Николаевское и Погорелодубское (переименованное затем в Котляровское). Приказом военного министра от 23 ноября 1842 г. военные поселяне были присоединены к Владикавказскому казачьему полку с переименованием их в казаки, а сами поселения в станицы тех же названий. Таким образом, в состав Владикавказского казачьего полка вошли малороссийские казаки и казаки из военных поселян. При этом расселены они были в станицах территориально обособленных. Станица Змейская, созданная в 1848 г., была заселена крестьянами, прибывшими из Харьковской, Черниговской и Воронежской губерний. В первые годы своего поселения казаки из-за непривычного для них климата страдали от различных болезней и несли большие потери.

С образованием новых станиц связана проблема расширения пространства, освоенного казачеством с одной стороны, с другой – формирование своего пространства. Мы уже отмечали, что и в XIX в. пространство еще было понятием подвижным. Образование кордонных линий, сопряжено с процессом переселения горских народов на плоскость под защиту царских властей. Как справедливо замечал И.Л. Омельченко, «в процессе стихийного переселения горцев на равнину ... размежевание земель не производилось, и аулы занимали земли по праву захвата. Царское правительство, поощряя переселение осетин, практически не занималось регулированием и размещением и, более того, оставляя их на местах избран-

---

<sup>156</sup> Омельченко И.Л. Указ. соч. – С. 103.

<sup>157</sup> Берозов В.П. Указ. соч. – С. 191.

ных под поселение, признавало полное и законное право на владение этими землями»<sup>158</sup>. Нехватка земли под казачьи наделы, заставило правительство принять решение о переселении осетин. Чтобы избежать недовольства поселенцев-осетин, им были отведены лучшие земли между Тереком и Кабардинским хребтом, являвшихся частью владений князя Бековича Черкасского, а также пространство между Тереком, Камбилеевкой и предложенной границей Владикавказского казачьего полка. Еще раз вернулись к этому вопросу в связи со строительством Сунженской линии. Владикавказский комендант полковник Нестеров в записке «Об устройстве границ Сунженской линии», настоятельно предлагал, что «прежде чем начать строительство новой Линии, решить вопрос о наделении землями назрановцев (ингушей) и осетин, а также жителей и гарнизона г. Владикавказ»<sup>159</sup>. Границы ингушских, осетинских владений, земель Владикавказского казачьего полка и войск, расположенных во Владикавказе, были одобрены Государем Императором.

Строительство Сунженской кордонной линии началось с крепости Грозной в 1818 г., в которой разместилась штаб-квартира полковника Пулло. Линия проходила по бассейну реки Сунжи до впадения ее в реку Терек, таким образом, должны были быть соединены две крепости Грозная и Владикавказ. Заселение предполагалось осуществить за счет терских, донских, ставропольских и кубанских казаков, направляемых по желанию или по жребию. Командующим новой линии назначили Н.П. Слепцова. В мае 1845 г. Слепцов прибыл в укрепление Волынское с офицерами и урядниками Моздокского полка и приступил к приему прибывающих казаков «Ставропольского полка, Кубани и части Войска Донского, а всего должно прибыть из станиц Кавказского линейного войска – 2273 и из Войска Донского – 637 семей».

В новые станицы, как заметил Ф. Чернозубов, пошли казаки-поселенцы двух родов: «охочие люди, то есть сильные и предприимчивые, энергия которых искала выхода на новых местах», и поселенцы (а их было большинство) по жребию<sup>160</sup>. Донским казакам, вытянувшим жребий, разрешалось нанять вместо себя бедняков, снабжая их скотом и деньгами. Расселившись по новым сунженским станицам, эти переселенцы, не привыкшие к хозяйству и домовитости, быстро растратили привезенное с собой имущество и превратились в таких же бедняков, какими были и прежде<sup>161</sup>.

21 ноября 1845 г. закончилось строительство первых трех страниц – Михайловской, Троицкой и Сунженской (переименованной впоследствии в Слепцовскую). Штаб-квартирой полка была определена станица Сунжен-

<sup>158</sup> Берозов В.П. Указ. соч. – С. 108.

<sup>159</sup> Омельченко И.Л. Указ соч. – С. 109.

<sup>160</sup> Чернозубов Ф. Указ. соч. – С. 61.

<sup>161</sup> Чернозубов Ф. Указ. соч. – С. 61.

ская. В дальнейшем строительство станиц происходило в такой последовательности: в 1847 г. – станицы Ассинская и Магомет-Юртовская; в 1859 г. – Сунженская (вторая), Карабулакская, Тарская и Камбилеевская; в 1860 г. – Фельдмаршальская, Галащевская и Алкунская; в 1861 г. – Аки-Юртовская и Нестеровская. Станица Аки-Юртовская заселена казаками Горско-Моздокского полка и Линейного терского казачьего войска, а также бывшими жителями Курской губернии, которые были приписаны к казачьему сословию. К концу XIX в. в ней проживало 577 душ казаков и 5 душ постороннего сословия<sup>162</sup>. Из числа этих станиц было сформировано три новых казачьих полка: один занял верховья реки Камбилеевки, берега Сунжи и ее притока Ассы и получил название 2-го Владикавказского, другой – среднее течение Сунжи, был назван 1-м Сунженским и третий – занявший своими станицами нижнее течение Сунжи до Брагунов и Горячих вод – 2-м Сунженским казачьим полком». Увеличение численности населения станиц происходило по-прежнему за счет казаков-переселенцев и крестьян. Так, в 1861 году дополнительно было переселено 100 семей терских казаков и 400 семей государственных крестьян, которых обратили в казачье сословие и расселили по станицам<sup>163</sup>.

Алхан-Юртовская (Ермоловская), а также Ассиновская на реке Ассе были укомплектованы казаками, вызванными с Терека, Кубани и Дона.

Следует учитывать, что линейное казачество «не могла удивить чисто боевая обстановка на Сунже; но донские переселенцы попали в необычные условия существования. Им пришлось столкнуться с совершенно новым миром по понятиям и воззрениям. Ближайшими соседями их явились горские аулы так называемых мирных горцев, за которыми дальше находились уже поселения чеченцев, открыто воевавших с нами. И те и другие отличались храбростью, жестокостью, ловкостью, находчивостью, хитростью, корыстолюбием и коварством. Прямо русскому человеку трудно было ужиться с людьми, которые всегда готовы предать, и на обещания и клятвы которых нельзя положиться».

По условиям Адрианопольского мира (2 сентября 1829 г.) Порты признала, что «весь берег Черного моря от Устья Кубани до крепости Св. Николая (южнее Поти) включительно» на «вечные времена» переходят Российской империи<sup>164</sup>. Перед российским правительством стояла задача укрепления береговой линии, чтобы предотвратить нежелательные связи черкесских племен с Турцией и другими иностранными державами, чьи агенты проводили антирусскую агитацию и оказывали им военную помощь<sup>165</sup>.

<sup>162</sup> Статистические материалы для изучения станичного быта Терского казачьего войска... – С. 21.

<sup>163</sup> Омельченко И.Л. Указ. соч. – С. 115.

<sup>164</sup> История народов Северного Кавказа конец XVIII в. – 1917 г. – М., 1988. – С. 48.

<sup>165</sup> Клычников Ю.Ю. Указ. соч. – С. 459.

Первоначально блокада проводилась силами Черноморского флота. Однако контроля с моря оказалось недостаточно, и возникла необходимость укрепления береговой линии цепью крепостей и фортов. По плану, разработанному графом Паскевичем, кордонная линия должна была соединить Ольгинский кордон на Кубани и крепость Геледжик на Черноморском побережье. Выбор месторасположения данной линии, по мнению Ф.А. Щербины, был обоснован политическими и военными причинами, так как ею разделялись два самых многочисленных и враждебных России черкесских народа – натухайцы и шапсуги<sup>166</sup>. На Черноморской кордонной линии в разное время были основаны форд Александровский, севернее Анапы казачьи станицы – Баговещенская, Николаевская и Витязевская. В период с 1830 по 1842 г. было построено еще 17 укреплений.

Комитет министров считал возможным осуществлять заселение Черноморского побережья только из числа добровольцев, с полным освобождением от податей и повинностей. Предпочтение отдавалось черноморским и донским казакам. Однако не исключались «мирные обыватели» и даже каторжники, «лишь бы они не боялись жить в этом невозможном для мирной жизни крае».

Сообщение по побережью осуществлялось в основном морем. Кроме судов Черноморской эскадры привлекались лодки Азовского казачьего войска. Всего на побережье их было 30, в команду которых входили 15 казаков и гребцы из солдат. Кавказское командование применяло общую практику: азовские казаки служили во флотилии по очереди, сменяя друг друга через два года.

Царствование Александра I началось с коренных преобразований центрального управления Российской империи, затронувшее организацию управления казачьими войсками. В сентябре 1802 г. был издан манифест об образовании министерств. Высшее управление казачьими войсками возлагалось на Военное министерство, в рамках которого была создана казачья экспедиция Военной коллегии, просуществовавшая до 1812 г. В 1815 г., после создания при Генеральном штабе департамента Военных поселений, казачьи войска были переданы в его ведение.

В разгар Кавказской войны российскому правительству необходимо было более эффективно построить оборону Кавказской линии. Возможны были два варианта: усиление войска за счет переброски частей регулярной армии из центральных регионов страны или создание нового казачьего войска с подчинением его армейскому командованию. Правительство остановило свой выбор на втором варианте.

Генерал А.П. Ермолов, имевший дело со строго дисциплинированными солдатами, не понял казачьи идеалы. Как отмечал Ф.Г. Чернозубов, он

---

<sup>166</sup> Щербина Ф.А. Указ.соч. – Т.2. – С. 304.

обратил внимание, прежде всего, на отрицательные стороны их жизни: распри и драки при обсуждении станичных дел, злоупотребление отжившим правом убежища для людей беглых, бесшабашный разгул, который доводил многих хозяев до разорения, шаткость брачных союзов, при отсутствии у старообрядцев церковного освящения, слабое уважение к выборным властям и т.д.<sup>167</sup>.

А.П. Ермолов решил «покончить с отжившими, по его мнению, учреждениями беспорядочного самоуправления». Действуя осторожно, он вызвал к себе «лучших людей из старо-гребенской семьи» и смог убедить их в необходимости реформирования управления казачьего войска. В 1819 г. он окончательно упразднил выборность как институт самоуправления и придал Терскому войску полковую организацию<sup>168</sup>. Командирами войск и линейных полков были назначены офицеры регулярной кавалерии<sup>169</sup>. За ними закреплялось право заменять и выборных станичных атаманов, и ответственных станичных начальников. Первым наказным атаманом Кавказского линейного войска стал генерал-майор П.С. Верзилин. В 1824 г. А.П. Ермолов предлагал соединить все поселенные на кавказской линии казачьи войска в одно целое под названием Кавказского линейного, учредив для управления должность войскового атамана и войсковую организацию.

Реализовать замыслы А.П. Ермолова удалось только в 1832 г.: все казачьи полки, поселенные в Кавказской области на пространстве от реки Кумы до Кубани (Хоперский, Кубанский, Кавказский), а также по реке Тереку (Гребенской, Терско-Семейный, Кизлярский и Моздокский), были объединены в единое Кавказское линейное казачье войско. Следует заметить, что по сравнению с Донским войском, линейные кавказские полки формировались как подразделения русской регулярной армии.

С конца XVIII в. военные власти приступили к выработке правового положения казачьих войск. Но до 1835 г. удалось разработать лишь разовые юридические акты о порядке управления и их внутреннем устройстве. Важным шагом стала разработка и утверждение в 1835 г. Положения об управлении Войском Донским. Оно легло в основу, принятого в 1842 г. «Положения о Черноморском казачьем войске», которое закрепило подчинение войска главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом и командующему войсками по Кавказской линии и Черномории, а в высшем отношении, по военной и гражданской части – Военному министерству по департаменту военных поселений<sup>170</sup>.

<sup>167</sup> Чернозубов Ф. Указ соч. – С. 297-288.

<sup>168</sup> Омельченко И.Л. Указ соч. – С. 78.

<sup>169</sup> РГВИА, ф.644, оп.1, д.117, л.8.

<sup>170</sup> Основные территориально-административные преобразования на Кубани (1793-1985 гг.). – Краснодар, 1986. – С. 13

14 февраля 1845 г. было издано «Положение о Кавказском линейном войске», определявшее его военное и гражданское устройство. В гражданском отношении Войско отделялось от Кавказской области и получало свое внутреннее управление с высшими и низшими учреждениями, а по военной части войсковым единицам была придана однообразная организация с равным распределением населения. Поместное военное устройство составляло основу организации войска: каждый полк составлял свой территориальный округ, а станицы в округе делились на сотни. Полки были разделены на бригады, счет которых шел от Кубани к Тереку<sup>171</sup>.

В обязанности войска входила охрана Кавказской линии от набегов и вторжений горских народов, охрана Военно-Грузинской дороги. К 1842 г. Кавказская линия простиралась от Черного моря до берегов Каспийского моря и делилась на Черноморскую береговую линию, Черноморскую кордонную линию, правый фланг, центр, управление Владикавказского коменданта и левый фланг. Первые две части охранялись черноморскими казаками, остальные – линейными. Некоторые из главных частей, в свою очередь, делились на составные: центр - на Кисловодскую, внутреннюю и передовую линии, Кабардинскую линию и линию Военно-Грузинской дороги. Левый фланг – Сунженскую и Терскую линии<sup>172</sup>.

Очередная административная реформа была проведена в 1860 г.: Кавказская линия по предложению князя Барятинского была разделена на две части: правая – Кубанская и левая – Терская области. Управление в этих областях передавалось областным начальникам, которые были одновременно и командующими войсками. Находящиеся на этой территории казачьи войска сводились в обособленные организации, получившие название Терского и Кубанского. В 1861 г. казачество Терской области было обособлено и получило название Терского казачьего войска. В его состав вошли: 1-й и 2-й Волжские полки, составившие 1-ю бригаду; Горский и Владикавказский – 2-ю бригаду; Моздокский и 1-й Сунженский – 3-ю бригаду; Гребенской и Кизлярский – 4-ю бригаду. В 1870 г. в Терской области вводится губернаторское правление, и сама область объединила не только земли Терского казачьего войска, но и земли крестьян и горских округов.

В XIX в. особенно активно правительство вмешивалось в процесс регулирования численности казаков на Северном Кавказе. Во многом это объясняется внешнеполитическими интересами самой России. «Колонизаторскую политику» государства разделяют на два этапа: первый принято

---

<sup>171</sup> РГИА, ф.131, оп.59, д.242.

<sup>172</sup> Никольский А.Н., Черношеков Н.А., Исполатов Б.А., Абрамов О.Н. К столетию Военного министерства. 1802-1902. Главное управление казачьими войсками. Исторический очерк. – СПб., 1902. – С. 234; Ермаков Е.П., Николаенко Н.Д. Линейное казачье войско на защите южных рубежей Российской империи // Российская история: Актуальные вопросы (общенациональный и региональный аспекты): ученые записки. – Вып.2. – Пятигорск, 2003. – С. 148.

считать военным, а с 60-х гг. XIX в. – миграционным, периодом «гражданской колонизации». В этот период наблюдался активный приток русского населения из внутренних губерний России и пополнение за их счет казачества. З.В. Канукова, опубликовала выдержку из документа Осетинского архива, в которой Министерство внутренних дел рекомендует кавказской администрации развивать заселение края русскими людьми «в общих интересах государства»<sup>173</sup>.

В XIX в. правительство активно регулировало колонизацию и освоение региона казаками. В сентябре 1832 г. было опубликовано новое «Положение о переселении малороссийских казаков-однодворцев и прочих казенных крестьян-поселян, 2 кавказских казачьих линейных войска», согласно которому право на переселение получали те, «у коих по числу ревизских душ состояли на владении, кроме лесов, менее пяти десятин на душу»<sup>174</sup>.

24 июня 1861 г. Александр II издал рескрипт о преобразовании казачьих войск на Кавказе, по сути, это было серьезное последнее государственное преобразование казачьих войск. В рескрипте говорилось: «...В продолжение почти целого столетия казачьи войска бывшая – Черноморское и Кавказское Линейное, с помощью Донских и Малороссийских казаков, дружно действовали для покорения враждебных племен; в особенности в последнее время они оказали большие заслуги, постепенно оттесняя неприятеля далее в горы и заселяя оставленные ими земли. Дабы увековечить доблестные подвиги их на реках Кубани и Тереке, а также соображаясь с новым разделением Кавказского края, Я признал за благо образовать из Черноморского и Линейного кавказского, два войска Кубанское и Терское по названиям рек, прославленным вековыми их подвигами»<sup>175</sup>.

В ходе Крымской войны союзникам не удалось реализовать намеченные ими планы территориального передела. Далее последовал разгром имамата Шамиля, в результате которого был ликвидирован важнейший очаг организованного сопротивления российской политике на Северном Кавказе. После поражения адыгов в 1864 г. кавказский вопрос был надолго снят с повестки дня. Россия в борьбе за Кавказ вышла победителем<sup>176</sup>.

Идея «замирения» Кавказа путем замены антироссийски настроенных горцев на какой-нибудь лояльный и желателен православный этнос возникла еще в 40-х гг. XIX в. В правительственных кругах обсуждался проект переселения адыгов Северо-Западного Кавказа на территорию Турции, на оставленных ими территориях Россия хотела разместить черногорцев,

<sup>173</sup> Канукова З.В. Русское население в этнической структуре Северной Осетии (2-я половина XIX – начало XX в.) // Роль России в истории Осетии. – Орджоникидзе, 1989. – С. 124.

<sup>174</sup> ПСЗ. – Т.7. – № 15630. – С. 641.

<sup>175</sup> Кубанский сборник. – Т.8. – 1901. – С. 308.

<sup>176</sup> Н.Ю. Силаев Миграционная политика Российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского университета. – Сер.8. История. – 2002. – № 3. – С. 85.

вывезенных с Балкан. Другой, отклоненный проект Д.А. Милютина 1858 г., предполагал переселение 7,5 тыс. семейств донских казаков на Кавказ и адыгов – на Дон<sup>177</sup>. Первая попытка такого переселения была предпринята начальником Левого крыла Кавказской линии Н.И. Евдокимовым. Полагая, что контроль чеченцев над выходами из ущелий Черных гор и их непосредственный контакт с Дагестаном через «горные трущобы» Аргунского и Ичкеринского округов, представляет угрозу российской власти на Кавказе, он предлагал отделить Чеченскую равнину от горных районов, расположив в предгорьях цепь казачьих станиц и укреплений. Переселение чеченцев на плоскость началось в 1857 г., а в 1860 г. на освобожденной территории в предгорьях Малой Чечни расселились казаки 2-й Владикавказского полка. Более полно этот план был реализован в ходе казачьей колонизации Закубанья.

Рескриптом императора Александра II от 24 июня 1861 г., данным на имя атамана Кубанского казачьего войска генерал-адъютанта Евдокимова, закубанские земли «были предоставлены этому войску для занятия казачьими станицами с целью окончательного покорения горских племен»<sup>178</sup>, остававшимися враждебными России. Первоначальный план графа Евдокимова переместить за Кубань шесть станиц из 5-й и 6-й бригад Кубанского казачьего войска и две из Черноморского, вызвал сопротивление казаков. Систему колонизации изменили. По Положению от 10 мая 1862 года большинство переселявшихся должны были составить казаки Кубанского, Азовского и Донского казачьих войск, а также 2000 крестьян и 600 женатых нижних чинов Кавказской армии. Назначение к переселению делалось по желанию, в случае их недостатка – по жребию. Переселявшимся казакам предоставлялись денежные пособия, льготы по службе, за исключением защиты своих станиц, провиант, порционные деньги и т.д. Им отводился земельный участок «в частную, вечную и потомственную собственность». При этом казаки-переселенцы за свои усадьбы должны были получить деньги из сумм Кубанского казачьего войска или получали право лично продавать свои земельные участки. В дальнейшем войсковое начальство имело право продавать эти усадьбы не только лицам казачьего сословия, но и иногородним. Причем последние, приобретшие землю на войсковой территории на правах собственности, могли сохранить прежние сословные права. Представители податных сословий, пожелавшие поселиться в новых станицах, законом 1862 г. получали право за-

---

<sup>177</sup> Н.Ю. Силаев Миграционная политика Российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского университета. – Сер.8. История. – 2002. – № 3. – С.86.

<sup>178</sup> Маленко Л. Азовское козацкое войско (1828-1866). – Запорожье, 2000. – С. 183.

числения в Кубанское казачье войско. Они должны были лично или по почте обратиться к командующему войсками<sup>179</sup>.

Штаб Войска Кубанской области издал типографским способом бланк заявления, с просьбой о зачислении с «потомством в Кубанское казачье войско и водворении в одной из новых станиц передовой линии»<sup>180</sup>. Главным стимулом стали экономические выгоды, так как они получали право «пользоваться на праве общинного владения участками земли не менее 20 десятин на душу», приобретать «по выслуге определенного положением числа лет ... в частную и потомственную собственность по утвержденным казенным ценам поземельные участки на свободных войсковых землях, назначенных в продажу». Впоследствии, когда надел составит не менее 30 десятин, они имели право выйти из казачьего сословия.

Границы пространства, назначенные для новых казачьих поселений, включали: к югу и западу гребень Кавказского хребта от верховьев Малой Лабы до истоков р. Пшиша, а далее берегом Черного моря от устья реки Мокупсе до устья реки Кубани; к северу низовья реки Кубани и Адамагу-ма, и далее прямая линия до укрепления Дмитриевского, а от сего последнего до реки Большой Лабы против станицы Родниковской; к востоку Большая и Малая Лаба.

Для колонизации Закубанского края создается 26 полк, первым командиром которого стал полковник Пастолькор. Предполагалось создать станицы Курджинская, Дагестанская, Нижегородская, Пшехская, Бжедуховская, Габукаевская (ныне Рязанская), места их размещения отводились между реками Белой, Пшехой и Пшишем<sup>181</sup>.

К водворению в эти станицы намечены: 16 офицерских семей, 249 – семей черноморских казаков, 117 – 1-й Кавказской бригады, 453 – Донского войска, до 600 государственных крестьян, по назначению начальства, 49 охотников из государственных крестьян, 60 – временно-обязанных крестьян войска Донского, 143 нижних чинов Кавказской армии, и, наконец, 49 охотников Терского казачьего войска; всего – 1710 семейств<sup>182</sup>. Расселение по станицам производилось следующим образом: черноморские казаки в станицы Бжедуховскую и Габукаевскую; 1-я Кавказская бригада, донские казаки и государственные крестьяне в станицы Пшехскую, Кубанскую, Апшеронскую, Бжедуховскую, Габукаевскую, Прусскую, Самурскую, Нижегородскую, Дагестанскую, Курджипскую, из 49 семей государственных крестьян, 38 водворялись в станице Пшихской, 143 семейств женатых нижних чинов размещались в станицах Бжедуховской, Курджинской, Пшехской, затем еще 110 нижних чинов будут расселены по станицам Кубанской, Пшехской,

<sup>179</sup> Маленко Л. Азовское козацкое войско (1828-1866). – Запорожье, 2000. – С.413-414.

<sup>180</sup> ГАСК, ф.101, оп.1, д.4369

<sup>181</sup> К истории колонизации Закубанского края // Кубанский сборник. – Т.9. – Екатеринодар, 1903. – С. 77.

<sup>182</sup> К истории колонизации Закубанского края... – С. 78.

Курджинской, Дагестанской и Нижегородской<sup>183</sup>. Всего, на отводимой территории, было создано 111 станиц.

На их расположение и на состав переселенцев огромное влияние оказали военные потребности. Руководившие колонизацией смотрели на кубанские станицы, прежде всего, как на стратегический пункт, как на опорную точку при вытеснении горцев из самых крайних и неприступных уголков их местожительства. Поэтому, одни из станиц, как Хакметинская, Белореченская, Новодмитроваская, Абинская и пр., возникали на месте бывших уже здесь укреплений; при расположении других стратегическим соображениям часто отдавалось предпочтение перед выгодами и расчетами экономическими. Точно так, и сам состав переселенцев, как нельзя лучше, соответствовал все тем же военным целям. Казаки и вообще служило-военные элементы составили подавляющее большинство. Так из общей массы переселенцев 58,9 %, приходилось на долю Кубанских казаков, 25,3 % на долю казаков других войск и отставных солдат и только 15,8 % на долю государственных крестьян и других сословий<sup>184</sup>.

Подполковник Пистолькор в 1863 г. проехал по вновь созданным станицам. Обращает на себя внимание временность создаваемых казаками жилищ. «Замечено мною, – писал он, – что жители Апшеронской станицы, поселяясь в ней, в прошлом году, порыли землянки и удовольствовались тем, что устроили себе хоть какое-то помещение на зиму, и вовсе не заботились о дальнейшей постройке ...»<sup>185</sup>. В станице Самурской «дома ... построены в высшей степени незначительно и неаккуратно. Видно, что построены более для счета, чем для действительной потребности жителей ... Казаки, которым отведены места на площади, занимаются устройством временных помещений для духанов, а не капитальными постройками, которые могли бы предохранить их семейства от болезненностей, сопряженных всегда с дурным помещением. «Станицу Нижегородскую, – отмечал в приказе подполковник Пистолькор, – я нашел еще в худшем состоянии, чем Самурскую: постройки в ней весьма плохи, жители на сбору показали мне претензии, что в течение трех недель, командированные в этой станице войска подполковника Бугрева, они ходили в лес только два раза ... Станицу Пшишскую я нашел в самом жалком положении: усадьбы казаков не расчищены, лес не навожен, постройки почти не начинались, казаки не знают ни в каком порядке, ни в каком месте строить дома ...»<sup>186</sup>.

При Александре III грамотой от 28 декабря 1889 г. за Кубанским войском закреплены в вечную собственность, «находящиеся в его пользова-

<sup>183</sup> К истории колонизации Закубанского края... – С. 79.

<sup>184</sup> Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское войско. 1696-1888. / Репринтное издание. – Краснодар, 1996. – С. 224-227

<sup>185</sup> К истории колонизации Закубанского края ... – С. 82.

<sup>186</sup> Там же. – С. 84-86.

нии земли за р. Кубанью, занятые ими на основании Положения 10 мая 1862 г.», кроме того пожалованы «в такую же собственность, расположенные среди его земель, две казенные лесные дачи Махошевскую и Белореченскую, а также лежащую на северном склоне Кавказского хребта вдоль границы Черноморского округа так называемую Нагорную полосу, ограниченную с севера землями Кубанского войска и казенной Даховскою лесною дачею, а с востока верховьями Малой Лабь»<sup>187</sup>.

Однако эти Высочайшие рескрипты выполнялись не полностью, в действительности войсковые территории имели несколько иные границы. Прежде всего, в войсковую территорию не вошла часть береговой полосы Черного моря, заселенная казачьими станицами. По Положению от 10 марта 1866 г. они были обращены в гражданское ведомство, а затем по указу 30 декабря 1866 г. отошли от Кубанского войска. Положением 10 марта 1862 г. часть территории на северном склоне этого хребта под лесными дачами Даховскою и Андрюковскою (Фарская) остались за казной. Одновременно в 1869 г. 12 станиц из бывших линейных бригад отчислены в гражданское состояние Ставропольской губернии, с землей, бывшей в юртовом владении тех станиц<sup>188</sup>. Это были последние территориальные изменения в казачьих войсках Северного Кавказа.

В обыденном сознании казака существовало четко сформулированное основное понятие об общеказачьей или войсковой земле, как о коллективной собственности. Наиболее четко понятие «свое пространство» было оформлено у Черноморского казачества, так как право владения землей было закреплено грамотами Екатерины II (30 июня 1792 г.), императоров Павла I (16 февраля 1801 г.) и Александра II (31 мая 1803 г.). Ф.А Щербина отмечал: «В сущности, законодательная власть в этом случае только официально констатировала то, что существовало на самом деле в действительности. Установление его для казака коллективной земельной собственности было лишь юридическим оформлением факта войсковой земельной собственности, без чего немислимо было и существование самого войска»<sup>189</sup>.

Однако в истории Черноморского казачьего войска наблюдается борьба общественного и индивидуального. Уже начиная с положения 1842 г., войсковая земля продолжала считаться «de jure» общеказачьей коллективной собственностью, но фактически пользование ею уже не подчинялось принципу казачьего равноправия на землю, тому самому принципу, который является естественным, логическим следствием самого института войсковой земельной собственности. Вместо того, чтобы установить для пользования одну общую для всех казаков норму, в положении определяется для рядовых казаков 30 десятин, для обер-офицера – 200, для штаб-

<sup>187</sup> Короленко П.П. Территория Кубанского казачества ... – С. 229-230.

<sup>188</sup> Короленко П.П. Указ. соч. – С. 231.

<sup>189</sup> Щербина Ф.А. Земельная община ... – С. 32.

офицера – 400 и для генерала 1500 дес. Земля отдавалась в таком размере в пожизненное пользование. В новом положении 1870 г. пожизненное пользование офицерскими участками было заменено потомственным, из войсковой собственности была сделана собственность частная. А еще через 12 лет часть этой частной собственности успела перейти в руки других владельцев неказаков.

В Кавказском казачьем линейном войске не было юридически оформлено единой войсковой территории. Линейцы не представляли однородного компактного целого, разделенные на полки имели полковые земли. Неопределенность территориальных границ отразилась в Положении о Кавказском линейном войске 1845 г. В § 1-ом сказано: «Кавказское линейное казачье войско занимает земли всемилостивейше ему пожалованные в Кавказской области. От границ Черноморского войска до Каспийского моря» и в § 4-м – «границы земель Кавказского линейного казачьего войска вообще и каждого полкового округа в особенности, на основании высочайших указаний, утвердятся особою, учрежденною в войсках межевою комиссией»<sup>190</sup>.

С 1861 г. начинается колонизация Закубанского края на совершенно новых началах, выраженных юридически в утвержденном в 1862 г. «Положении о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». В нем говорилось лишь о границах пространства, назначаемого для новых казачьих поселений Кубанского войска. И затем каждое поселение рассматривалось в земельном отношении как самостоятельное целое, как отдельная независимая от других община. Каждая такая община должна была получить, от 20 до 30 десятин на каждую душу мужского пола казачьего семейства и по 200 – офицерскую семью.

Законами 1868 и 1870 гг. позволялось лицам невойсковго сословия приобретать недвижимость в казачьих землях. По закону от 23 апреля 1870 г. все казачьи земли распадаются на три различные формы казачьей собственности: войсковую, общинную и частную<sup>191</sup>.

Тем же рескриптом Александр II предоставил «в пользование войска освобождаемые от горских племен в предгорьях Западного Кавказского хребта, новые, в особо указанных пределах, щедро наделенные дарами природы земли, которые и имеют быть постепенно заселены казаками сего войска»<sup>192</sup>. Этот документ имел важное значение, так как в нем разрушалось веками сложившееся представление казака о собственности, как общей, коллективной. Александр II закрепил исключительные преимущества казакам Кубанского войска: «1) Те офицеры и казацкие семейства, которые добровольно вызвались на переселение в предгорные простран-

<sup>190</sup> РГИА, ф.131, оп.59, д.242, л.6.

<sup>191</sup> Щербина Ф.А. Земельная община ... – С. 46.

<sup>192</sup> Кубанский сборник. – Т.8. – 1901. – С. 308.

ства Западного Кавказа, составят первых основателей этого нового и важного русского поселения, будут наделены участком земли в частную собственность вечную и потомственную, в таком размере, в каком окажется на местности возможным.

2) Беспорочно прослужившим 22-х летний термин потомственным дворянином и отставным казакам дозволяется приобретать в полную частную собственность свободные участки войсковой земли в назначенных для сего районах и по устанавливаемой ежегодно оценке, с уплатой в войсковой капитал. Таковым дворянам и отставным казакам будет дозволено *даже исключиться из войскового сословия* (выделено мной. – С.Г.), если только приобретут: потомственные дворяне не менее 200 десятин, а отставные казаки не менее 30 десятин»<sup>193</sup>.

Таким образом, войсковые земли, являвшиеся общей собственностью казачьего мира, с этого момента перешли в собственность отдельных лиц, хотя и доход от продажи шел в войсковую казну, но начался процесс разрушения коллективного землевладения у казаков. Другой момент, как заслуга перед отечеством, при приобретении 30 десятин земли, отставные казаки могли подать прошение о выходе из казачьего сословия.

В заключение отметим, что формирование региональных групп казачества Юга России проходило несколько этапов – открытые общества на начальном этапе, замкнувшиеся к моменту становления географической фиксации, с включением их в сферу государственной политики Российского государства вновь разрывается замкнутость, и, наконец, в первой половине XIX в. вновь оформляется сословная замкнутость.

---

<sup>193</sup> Кубанский сборник. – Т.8. – 1901. – С. 309.

### РАЗДЕЛ 3. МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ КАЗАЧЕСТВА

Вопрос об источниках пополнения и степени интеграции вновь включенных элементов в казачью среду в XVIII-XIX вв. остается недостаточно разработанным в современной историографии. Как нами уже было отмечено, особенность системного функционирования казачества заключалась во взаимообусловленности трех факторов: демографического, миграционного и адаптивного. Динамика численности казачьего населения в северокавказском регионе показывала, что «механический» (за счет внешних источников) прирост долгое время преобладал над естественным, и зависел от уровня межсословной мобильности, во многом обусловленном государственной политикой.

Определяющим условием естественного прироста населения является сложившийся институт брака. Общеизвестен факт, что ранние казачьи общины включали в основном мужское население, и долгое время безбрачие было их характерной чертой. Бессемейность, отсутствие естественного прироста и, главное, традиционной нравственной семейной устойчивости, по мнению Ф.А. Щербины, явились основными причинами падения Запорожской Сечи<sup>194</sup>. Хотя в самом Запорожье по так называемым паланкам жили семейные казаки, и многие со стороны приезжали в Сечь с детьми – «молодниками» и «хлопцами», и такими образом имели семьи на стороне. Вместе с тем, считал ученый, победившее семейное начало дало возможность жить и развиваться донскому, уральскому и терскому казачеству, ибо семья это этическое условие, которое приобщало казаков к «широкой гражданской жизни и развитию»<sup>195</sup>.

Длительное время численность казачьих сообществ колебалась на самой низкой отметке. Казачьи общины, испытывая крайнюю нехватку в людской силе, были открыты для пришельцев. Только со второй четверти XVIII в. рост численности казачьего населения можно связывать с рождаемостью, что во многом объяснялось укреплением семейных отношений. Вместе с тем, статистические материалы показывают значительный перевес в казачьей среде мужчин.

М. Шамрай приводил данные, согласно которым у черноморцев в 1792 г. на 13 тыс. казаков приходилось 5 тыс. женщин. Разрыв этот еще более увеличился к 1802 г., достигнув соотношения 23579 мужчин и 9144 женщины. Войсковое правление приняло меры по нормализации демографической ситуации. Ряд постановлений запрещал казачкам выходить замуж за лиц не войскового сословия, и даже за казаков других войск, живущих за пределами

<sup>194</sup> Щербина А.Ф. История Кубанского казачьего войска. – Т.2. – Екатеринодар, 1910-193. – С. 437.

<sup>195</sup> Там же. – С. 123.

войсковой территории. Только в 1857 г. Сенат разрешил вдовам нижних чинов, имеющим прочную оседлость, и девицам богатых отцов выходить замуж «за посторонних войску лиц», при обязательном условии зачисления последних в казаки<sup>196</sup>. С 1859 г. казачки могли выходить замуж за иногородних. Однако духовные лица венчали иногородних с «казачьими вдовами и девицами» только после уведомления войскового начальства. При этом обязательным условием была продажа доставшего ей в приданое имения на земле войска в шестимесячный срок<sup>197</sup>.

При переводе на Кавказ двух Малороссийских казачьих полков оговаривалось, что холостые казаки имели право вернуться на Родину. Начальство старалось, чтобы как можно больше из них обзавелись семьями на Кавказе, но найти себе здесь невесту было делом не из легких<sup>198</sup> из-за этнических и сословных ограничений.

Численный перевес мужского населения наблюдался и в среде линейного казачества. В Ведомости о народонаселении Кавказского линейного казачьего войска за 1859 г. соотношение мужского и женского населения было таковым – 129496 и 124034<sup>199</sup>. Не изменилась ситуация и к 1874 г., но уже в Терском казачьем войске: 64142 и 61558<sup>200</sup>.

Редким исключением оставались браки между казаками и иногородними. Казак женился на иногородней часто с хозяйственным расчетом. Юридически она становилась казачкой, но ее положение в семье было бесправным. Выход замуж девушки-казачки за представителя другого сословия рассматривался на государственном уровне. 11 октября 1857 г. Военный Совет подготовил, а Император утвердил положение по Кавказскому линейному казачьему войску:

«1) Вдовам и девицам нижних чинов Кавказского линейного казачьего войска, имеющим в войске прочную оседлость и детей мужского пола, равно как и девицам зажиточных отцов, позволять вступать в брак с посторонними лицами не иначе, как с зачислением мужей их в казачье сословие навсегда и с потомством.

2) Бездетным вдовам и девицам, круглым сиротам, у которых нет никакого имущества и хозяйства и которые до 25-летнего возраста не прищут себе мужей, позволять выходить замуж за посторонних, хотя бы те мужья и не изъявили желания поступить в казаки.

<sup>196</sup> Шамрай В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового архива // Кубанский сборник. – Т.7. – Екатеринодар, 1900. – С. 86.

<sup>197</sup> Исторические документы, относящиеся к положению иногородних в Черноморском (ныне Кубанском) казачьем войске // Кубанский сборник. – Т.7. – Краснодар, 1900. – С. 123.

<sup>198</sup> Берозов Б.П. Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии. – Орджоникидзе, 1989. – С. 191.

<sup>199</sup> ГАКК, ф.257, оп.1, д.16, л.25.

<sup>200</sup> РГИА. Ф.1268, оп.19, д.187, л.3 об.

3) Выход казачек замуж не за казака дозволять не иначе, как с разрешения наказного атамана, который должен наблюдать, чтобы представления делались осмотрительно»<sup>201</sup>.

Характерной особенностью культуры казачества был традиционализм, возникновение которого А.Г. Дружинин объяснял многолетним вооруженным противостоянием, консервировавшим поведенческие стереотипы казачества, способствуя его самосохранению в едином цивилизационном пространстве»<sup>202</sup>. Достаточно четко, как мы убедились, это прослеживается в семейно-брачных отношениях. Интенсивность контактов обусловила необходимость регулировать выбор брачного партнера через утверждение этнических и социальных стереотипов. Об основных тенденциях в развитии регулирующих норм можно судить по запретам на брак между представителями семей, принадлежащих к различным конфессиям, между казаками и представителями иных сословий, между казачьими семьями различных войск и ряде других<sup>203</sup>. Только со второй половины XIX в. начался процесс разрушения традиционного казачьего уклада. О.В. Матвеев обратил внимание, что с этого времени «линейцы стали чаще сватать жен в черноморских станицах, а черноморцы в линейных. В подобных семьях молодые женщины со временем утрачивали особенности говора и воспринимали черты окружающей среды»<sup>204</sup>.

Однако к концу XIX в. многие ограничения уже не исполнялись столь строго, вступление в брачные отношения казаков или казачек с представителями других народов и сословных групп, становилось одним из вариантов перехода в казачество даже тогда, когда правительство и местная администрация сознательно ограничивали переход в казачье состояние.

Таким образом, семейно-брачные отношения выступали, своего рода, хранителями «чистоты» казачьего этникоса. И, как показывают источники, процент перехода в казачье сословие через установление брачных отношений был мал в сравнении с внешними источниками пополнения.

В этносоциологии допустима классификация миграций на внешние и внутренние, вертикальные и горизонтальные<sup>205</sup>. Это деление достаточно условно, что позволяет нам под миграционными процессами внутри системы рассматривать перемещения казаков с Дона, Волги, Урала и Терека в границах северокавказского региона. Внешние миграции обуславливались, в первую очередь, колониционной политикой государства, сопряженной с переселением русского и украинского населения на Северный

<sup>201</sup> Исторические документы ... – С. 151-152.

<sup>202</sup> Дружинин А.Г. Южно-Российский регионогенез // Научная мысль Кавказа. – № 2. – 2000. – С. 78.

<sup>203</sup> Мануйлов А.Н. Статус женщины в общеправовой системе казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX – 20-е годы XX века). – Армавир-Краснодар, 1998. – С. 8-9.

<sup>204</sup> Матвеев О.В. Слово о Кубанском казачестве. – Краснодар, 1990. – С. 222.

<sup>205</sup> Арутюнов Ю.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. – М., 1998. – С. 87.

Кавказ, и находились во взаимосвязи с вертикальными, так как приводили не только к смене места жительства переселенцев, но и к изменению социального положения. Одни получали статус иногородних в казачьих регионах, другие – переходили в казачье сословие.

В массовом сознании крестьян XVIII-XIX вв. Б.Н. Миронов выделил особую миграционную парадигму, которая делала крестьянина психологически подготовленным для переселений и служила весьма существенной предпосылкой массовых миграций. Крестьяне идеализировали акт миграций, рассматривая его как уход от несправедливой «новизны» и перенесение на новое место справедливой «старины», как поиск рая на земле, где человека ожидает полное благополучие и свобода<sup>206</sup>. Главным мотивом массовых миграций являлся поиск благополучной жизни, а благополучие имеет два аспекта: материальное благополучие и безопасность.

Однако русские и украинские крестьяне, оказавшись на землях казаков, попадали в чужой не только природный, но и социальный мир. Они оттеняли самобытность населения, говорившего с ними на одном языке. Если до XVIII в. казачья среда «растворяла» вновь обретенных «братьев», то впоследствии естественный процесс их ассимиляции был во многом затруднен тем, что сознание пришельцев и на новом месте, и в новой среде определялось их связью с прежним состоянием, лежащим за пределами казачьей этнопсихологии, что нередко становилось источником конфликтов. Для казачьей общины они являлись чужеродным элементом, который сознательно или бессознательно общество стремилось отторгнуть, чаще всего изолировать и, как правило, заставить служить своим интересам, вынуждая «иногороднего» действовать так, а не иначе.

В сознании казака сложился устойчивый этнический стереотип в рамках линии «сопоставление – противопоставление» – «мы – они». На внешнем уровне шло противопоставление казака, как русскому – россиянину, так и отдельным северокавказским народам. Причем казачество Предкавказья от северокавказских народов долгое время отделяла граница, ставшая контактной зоной, где наблюдались и военные столкновения, и культурное взаимодействие. Оппозиция казак – иногородний (русский) стала особенно актуальной с началом гражданской колонизации края, и была достаточно острой, так как существовала в границах казачьих земель.

С другой стороны, именно русский и северокавказские народы продолжали оставаться основными источниками пополнения казачества. На этапе формирования этнической основы казачьего этника народно-стихийная колонизация сопровождалась естественными ассимиляционными процессами.

---

<sup>206</sup> Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 28.

Правительственный курс на утверждение численного преобладания казачества, которое рассматривалось в качестве одной из важнейших опор российской государственности в сложном многонациональном регионе, осуществлялся за счет перевода в казачье состояние других этнических и социальных слоев. Функционирование любой живой системы направлено на самосохранение. Казачество продемонстрировало устойчивость к внешним воздействиям появлением второго (внутреннего) уровня противопоставлений: «казак природный» – «приписной казак», «казак инородец», «салдоказак».

Для выявления особенностей формирования системного единства казачества степного Предкавказья немаловажно проследить закономерности изменения не только его численности, но и былой социальной принадлежности вновь включаемых элементов, так как степень сплоченности и темпы адаптации зависят, в частности, от наличия общего в шкале ценностей, в культурных и политических традициях.

Количество гребенских и терских казаков в XVI-XVII вв. было небольшим, а имеющиеся о них сведения не вполне точны. Грузинские источники определяли дружины вольных казаков в 500 человек, такую же цифру давал окоцкий князь Ших Ишеримов, а Уздемир Оман в 1583 г. зафиксировал 1000 человек. Есть известия, что их было в главном притоке по устью Сунжи, у брошенных прежних царских городков, до 2000 человек<sup>207</sup>.

В Архиве бывшего Кизлярского комендантского управления, сохранились три копии с грамот 1694 г. о принятии в подданство брагунского князя Кучук-Мурзы Росланбекова и его подданных, об отводе им земли по реке «Сюючь» (т.е. Сунжи) «под защитой гребенских казаков». П. Юдин дал численность гребенских казаков в 500 человек, проживавших в четырех городках<sup>208</sup>. Опираясь на данные Кизлярского архива, он приводил следующие цифры по терским казакам: «В Терках насчитывалось 500 терских казаков конных и 300 пеших, «гварнизонный» солдатский полк 8-ротного состава, около 500 человек, несколько дворян, служилых татарских мурз, окоченей и новокрещенов; да и в районе реки Сунжи в «гребнях» были разбросаны гребенские казаки». По его мнению, как в конце XVII в., так и в начале XVIII в., гребенцов насчитывалось более 500 человек<sup>209</sup>.

Численность терских казаков после низового похода сократилась настолько, что в 1714 г. из их остатков едва набралось две конные роты по 100 человек в каждой, а с присоединением к ним рот дворянской и мур-

<sup>207</sup> Ткачев Г.А. Терские казаки и дом Романовых // ЗТОЛКС. – 1914. – № 1. – С. 16.

<sup>208</sup> Юдин П. Материалы Кизлярского архива // СОЛКС. – Приложение к «Терским ведомостям». – 1912. – № 6. – С. 3.

<sup>209</sup> Юдин П. Указ. соч. – С. 6.

зинской, казачья команда достигла 317 человек служилых чинов (вместо 800 прежних)<sup>210</sup>.

Гребенское и терское казачество, особенно в начале XVIII в., несло серьезные потери в людских ресурсах, которые не компенсировались естественным приростом населения. На этом этапе в казачьи ряды вливались царские пушкарки и стрельцы, высылаемые правительством на Северный Кавказ пленные литовцы и немцы, раскольники, «разный вольный, гулящий люд»<sup>211</sup>.

В донесении 1757 г. от князя Эль-Мурзы Черкасского в Военную коллегию встречается указание, что будто в прежние времена в «старом городе Терке» ряды казаков пополняли из «российских бобылей» (т.е. одиноких безземельных крестьян бедняков)<sup>212</sup>. Такие же бобыли, по мнению П. Юдина, были и на гребнях, и, может быть, зачислялись в «тамошние казаки». Однако их число вряд ли могло восполнить урон<sup>213</sup>.

По ревизии 1719 г. общая численность служилых казаков – терских и гребенских – составляла всего 500 человек; мужское население – едва превышало 2 тыс., а все население вместе с женским – 4 тыс. С созданием Терского семейного войска в 1735 г. общая численность служилых казаков увеличилась до тысячи семей или примерно 3 тыс. душ м.п. и 6 тыс. человек обоего пола<sup>214</sup>. В 1763 г. в Гребенском и Терском семейном казачьих войсках значилось 952 служилых казака, в Кизлярском войске было учтено 177, а в Моздоке проживало – 156 казаков. По данным В. Кабузана, всего насчитывалось 1335 служилых казака, а с детьми и стариками – 4 тыс. душ м.п.<sup>215</sup>.

Значительный прирост казачьего населения наблюдается в период с 1763 г. по 1782 г. с 4065 до 9521 человек<sup>216</sup>. В 1792 г. в составе казачьих войск на Кавказской линии насчитывалось 11241 житель мужского пола<sup>217</sup>.

С 1792 г. началось освоение и заселение земель Западного Предкавказья Войском Черноморским. По данным на 1 января 1792 г. их число составило 3847, а к 1 января 1801 г. оно достигло 23534 душ м.п. В.М. Кабузан считал, что такое сильное увеличение численности населения могло быть вызвано только интенсивной «дикой» колонизацией этой территории беглыми людьми из Новороссии и Малороссии. 17 марта 1808 г. было

<sup>210</sup> Юдин П. Указ. соч. – С. 5.

<sup>211</sup> Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. – Владикавказ, 1890. – С. 12.

<sup>212</sup> Ожегов Е.И. Указ. соч. – С. 49.

<sup>213</sup> Юдин П. Материалы Кизлярского архива // СОЛКС. Приложение к «Терским ведомостям». – 1912. – № 6. – С. 5.

<sup>214</sup> Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках: Этностатистическое исследование. – СПб., 1996. – С. 28.

<sup>215</sup> Кабузан В.М. Указ. соч. – С. 29.

<sup>216</sup> Кабузан В.М. Указ. соч. – С. 31.

<sup>217</sup> Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII вв.). – СПб., 2002. – С. 117.

принято специальное постановление Сената о переселении 25 тыс. душ м.п. «малороссийских казаков на земли Черноморского войска», но прибыло только 22296<sup>218</sup>.

В 20-х гг. XIX в. для обороны региона от горцев и проведения военно-земледельческой колонизации вновь присоединяемых земель к России, правительство избрало путь увеличения численности за счет зачисления в казаки представителей других сословий. Статистические данные зафиксировали в 1817 г. 24313 официально зарегистрированных казаков в Кавказской губернии. В 1832 г. образовано особое Кавказское линейное казачье войско, численность которого к 1835 г. достигла 53035 человек<sup>219</sup>.

В этот период местами новой колонизации стали Ставропольский и Георгиевский уезды. Источники не содержат сведений о каких-либо переселениях казаков с Дона или других казачьих регионов в Ставрополье. Тем не менее, в данном уезде число казаков с 8012 человек в 1817 г. увеличилось до 45052 человек в 1842 г., в Георгиевском уезде – с 6832 до 15619 человек.

К моменту утверждения «Положения о Кавказском линейном казачьем войске» 1845 г., в нем насчитывалось 88 684 души м.п. К 1861 г. их число возросло до 153 712 душ м.п., из которых 25542 вошли в состав Терского казачьего войска, а 128170 – Кубанского казачьего войска<sup>220</sup>. На землях Войска Черноморского в 1849 г. проживало – 39883, а в 1859 г. – 102935 душ м.п.<sup>221</sup>

Таким образом, наблюдается резкое увеличение численного состава казачьих войск на Северном Кавказе.

Царское правительство, осознавая острую необходимость в большом количестве казачьих сил, пыталось законодательно регулировать его численность. Следует отметить существенные отличия его политики в Черноморском и Кавказском линейном казачьих войсках.

Черноморское казачье войско вплоть до объединения с линейными казаками состояло из бывших запорожцев и малороссийских казаков. Приказом по войску, изданному в сентябре 1792 г., запрещалось принимать в войско не только военных, но и не служивых людей<sup>222</sup>. Законом от 21 августа 1799 г. исключение делалось для бродяг, нигде не записанных по ревизии 1795 г., но только из Польши, Малороссии и бывшего Запорожья<sup>223</sup>. Действовало строжайшее указание не пропускать на войсковые

<sup>218</sup> Кабузан В.М. Указ. соч. – С. 52.

<sup>219</sup> Кабузан В.М. Указ. соч. – С. 162-164.

<sup>220</sup> Краснов Н. Народонаселение и территория казаков европейской и Азиатской России // Военный сборник. – 1877. – № 12. – С. 300.

<sup>221</sup> Кабузан В.М. Указ. соч. – С. 170, табл. 40.

<sup>222</sup> Шамрай В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документами, извлеченным из дел Кубанского войскового архива // Кубанский сборник. – Т.7. – Екатеринодар, 1900. – С. 75.

<sup>223</sup> Там же. – С. 76.

территории беглых крестьян и бродяг, а в случае их поимки предписывалось выдворять за ее пределы.

Полностью исключить данную категорию населения было невозможно, прежде всего потому, что сами черноморцы нуждались в пришлых рабочих, так как занятые «бдительным охранением границ», не имели возможности вести хозяйство. В редких случаях местные власти записывали их на место умерших казаков, взимая за это плату. Так, 22 мая 1833 г. в казну Черноморского приказа общественного призрения поступили деньги от казаков Григория Калмычка и Якова Ялового, «взятых ими из бродяг, не принадлежащих войску, за приписку на место умерших казаков». Более поздние попытки беглых крестьян и бродяг остаться в Черномории не имели успеха. Так, генерал-лейтенант Емануэль и генерал-от-инфантерии Ермолов вышли в Комитет Министров с предложением оставить в Черноморском войске 52 человека, «зашедших в войско с давних времен и не принадлежащих оному». Однако Комитет Министров сделал исключение только для «разночинцев азиатского происхождения», принятых в войско 22 октября 1823 г.<sup>224</sup>

В Кавказском линейном казачьем войске правительство активизирует свои усилия со второй половины 20-х гг. XIX в. Именным Высочайшим указом от 29 сентября 1827 г. разрешалось зачислять в линейные полки однодворцев и казенных крестьян по их желанию. Согласно положениям от 1 октября 1829 г. и 19 мая 1831 г. упростилась процедура зачисления в казачье сословие. Комитет министров разрешил Начальнику Кавказской области принимать по желанию в кавказские линейные казаки однодворцев и казенных крестьян без «увольнительных свидетельств от мирских обществ» по «одним плакатным пашпартам»<sup>225</sup>. Такой прием предполагалось продолжать до тех пор, пока местное начальство посчитает его нужным<sup>226</sup>.

25 июня 1832 г. был подписан высочайший указ о создании единого Кавказского линейного казачьего войска, а 30 сентября вышло «Положение о переселении малороссийских козаков, однодворцев и прочих казенных поселян для поступления в кавказские козацьи линейные войска и полки». В данном положении четко были оговорены основные условия переселения. Малороссийским казакам разрешалось переселяться всем, а однодворцам и казенным поселянам только тем, на кого приходилось менее пяти десятин земли на душу. Желаящие переселиться подавали прошение в Казенную Палату через Волостное Правление, к которому прилагалось увольнительное свидетельство от мирского общества. Казенная Палата в свою очередь представляла их Министру Финансов через Департамент Го-

<sup>224</sup> Шамрай В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документами, извлеченным из дел Кубанского войскового архива // Кубанский сборник. – Т.7. – Екатеринбург, 1900. – С. 77.

<sup>225</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.857, л.1.

<sup>226</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.1218, л.1-8; д.857, л.1.

сударственных Имуществ, и которая, если не было никаких препятствий, давала разрешение. Переселенцы освобождались от рекрутской повинности и «по поступлении в Кавказские линейные полки, подвергались всем обязанностям и повинностям, соединенными со службою в оных». С них «слагались недоимки прежних лет в государственных податях», а недоимки «по земским повинностям обязаны заплатить за них и исправить остающиеся на старом месте жительстве»<sup>227</sup>.

Начальник Кавказской области до прибытия переселенцев должен был «распорядиться о назначении им места для поселения из земель, Кавказским линейным козачьим полкам принадлежащим, надлежащего количества по существующему на сие для оных положению, наравне с прочими козаками»<sup>228</sup>. Кроме того, Начальник Кавказской области обязан был не только оказывать переселенцам «все законные пособия и ограждать их от притеснений всякого рода», но и «через полковое начальство убеждать козаков тех селений, в коих водворены будут переселенцы, к вспоможению им при водворении, но так, чтобы пособия сии, будучи единственно подвигом человеколюбия к братьям, не обращались старожилам во вред»<sup>229</sup>.

В июле 1833 г. Министерство Внутренних дел рассматривало вопрос о переселении на Кавказ двух вольноотпущенных людей Полтавской губернии и «дозволения им поступить в Кавказские линейные казаки». Возник вопрос – можно ли вообще по существующим положениям разрешать переселение вольноотпущенным. Оказалось, что Министерство финансов не нашло «на сие точных в законах размышлений, но, признавая такое дозволение не бесполезным, настоящим просителям, так и другим, по бесспорным актам отпущенным или по судебным решениям, получившим свободу людям, разрешить записку в кавказские и другие козачьи войска»<sup>230</sup>. Вместе с тем, Министерство Внутренних дел требовало, чтобы все последующие действия согласовывались с ним. Одна из причин такого решения – «неумеренный наплыв переселенцев», а так как в 1833 г. был неурожай в Кавказской области, то неизбежно должны возникнуть трудности с продовольствием<sup>231</sup>.

«Положение о Кавказском линейном козачьем войске», официально утвержденное 14 февраля 1845 г., учло опыт прошлых лет. В разделе «Народонаселение Войска» записано, что его основу составляют: «а) собственно линейные казаки; и б) люди разного звания, зачисленные в Войско до утверждения настоящего положения»<sup>232</sup>. В козачье сословие по § 7 «дозволялось» принимать:

<sup>227</sup> РГИА, ф.1341, д.2249, л.2 об.

<sup>228</sup> РГИА, ф.1341, д.2249, л.2 об.

<sup>229</sup> РГИА, ф.1341, д.2249, л.4.

<sup>230</sup> РГИА, ф.1263, оп.1, д.846, л.197 об, 198.

<sup>231</sup> Там же. - Л.197, об. 198.

<sup>232</sup> РГИА, ф.131, оп.59, д.242.

- «1) Малороссийских казаков, однодворцев и казенных крестьян...;
- 2) Мещан по увольнительным свидетельствам общества, где они записаны;
- 3) Вольноотпущенных, по узаконенным беспаспортным актам;
- 4) Получивших свободу, по окончательным разрешениям судебных мест;
- 5) Детей солдатских вдов, вышедших в замужество за казаков Кавказского линейного казачьего войска;
- 6) Отставных солдат, которые поступили на службу из казенных поселений, обращенных в состав Кавказского войска, равно и их детей, не состоящих на действительной службе;
- 7) Азиатцев разного звания».

«Лица, поступившие в Войско, распределялись по полкам (войсковым начальством, соответственно нуждам полков) в народонаселении и количеству свободных земель. Азиатцы размещались преимущественно по станицам, удаленным от передовой кордонной линии ... Лица, однажды поступившие в войсковое сословие и их потомство, остаются в войске навсегда»<sup>233</sup>.

Таким образом «Положение» 1845 г. четко обозначило тот круг лиц, которые имели право перейти в казаки. Процедура зачисления в конце XVIII – первой половине XIX в. была достаточно сложна и контролировалась как со стороны станичных обществ, так и государства. Однако постепенно она упрощалась. В 1862 г., после принятия специального «Положения о заселении предгорий Кавказского хребта кубанскими казаками и другими категориями населения», штаб Войска Кубанской области, издал типографским способом бланк заявления, с просьбой о зачислении с «потомством в Кубанское казачье войско и водворении в одной из новых станиц передовой линии»<sup>234</sup>. С 1863 г. принимать в казачьи войска лиц не войскового сословия, не имеющих военных и гражданских чинов, разрешалось главному местному начальству, но не иначе как по особо уважительным причинам; для лиц, имеющих военные или гражданские чины, требовалось сверх того, разрешение военного министра<sup>235</sup>. Однако уже 23 декабря 1865 г. было опубликовано новое постановление «о приостановлении зачисления в Кубанское казачье войско лиц всех сословий». Российский император Александра III прямо высказывался о необходимости сохранения «духа» казачества, так как не мог терпеть происходившего на Кавказе в условиях относительного мира и мощного экономического подъема размывания этого сословия. Главнокомандующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кав-

<sup>233</sup> РГИА, ф.131, оп.59, д.242. – Л.6, 6 об.

<sup>234</sup> ГАСК, ф.101, оп.1, д.4369.

<sup>235</sup> Памятная книжка Кубанской области на 1874 год, изданная от Кубанского областного правления. – Екатеринодар, 1874. – С. 11.

казского военного округа А.М. Дондуков-Корсаков «во исполнении высочайшей воли» приложил немало сил к укреплению сословной замкнутости казачества. В числе прочего это предполагало ограничение притока мигрантов из внутренних губерний и наращивание давления на иногороднее население станиц<sup>236</sup>.

Таким образом, в течение XIX в. правительство издало ряд законопроектов, определивших тот социальный круг, из которого разрешалось пополнять казачьи ряды. Для нас первостепенный интерес представляет социокультурный аспект взаимодействия казачьей общины, как общества-реципиента, и вновь включенных элементов, степень их адаптации к новым условиям жизни.

---

<sup>236</sup> Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на северном Кавказе во второй половине XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2002. – № 3. – С. 89.

## **РАЗДЕЛ 4. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И ПЕРЕВОД ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН И ОДНОДВОРЦЕВ В КАЗАКИ**

Вопросы колонизации Северного Кавказа рассмотрены в отечественной историографии достаточно разносторонне: экономическое освоение края, государственная политика, политические и экономические последствия, культурное взаимодействие и т.д. Под колонизацией мы понимаем комплекс постепенных демографических, хозяйственных, социальных и этнокультурных изменений, связанных с интеграцией неосвоенных территорий в экономическую и политическую систему России<sup>237</sup>. Неотъемлемой частью колонизационной политики было переселенческое движение – явление чрезвычайно сложное и многогранное.

Расширение российского геополитического пространства на Северном Кавказе не может быть понято вне контекста войн России с Ираном и Османской империей, с одной стороны, и проблемами северокавказского регионогенеза, с другой. Нисколько не умаляя значения внешнеполитических факторов, согласимся с мнением Б.Н. Миронова, что одной из причин колонизационной политики России стало «возникновение относительного аграрного перенаселения и вызываемого им кризиса данной – какой бы она не была – системы хозяйства...»<sup>238</sup>. Аграрное перенаселение приводило к относительному недостатку земли, выход из которого возможен либо путем перехода к более интенсивному хозяйству, либо с помощью переселения. Население России чаще обращалось именно к переселению, а не к интенсификации земледелия.

Однако в этом явлении в действительности было мало «колонизационного» в классическом значении этого понятия. В отличие от миграционных явлений, наблюдаемых в других странах, по мнению А.А. Кауфмана, «избытки русского населения переселялись не в чужестранные государства и даже не в заморские колонии, а в местности, входящие в состав русской государственной территории и составляющие как бы прямое продолжение районов, выпускающих переселенцев»<sup>239</sup>. У русского крестьянства можно отметить существование и своеобразного мировоззренческого обоснования движения «русских земель». В представлениях русских крестьян вся земля – Божья. «Своя земля» есть своеобразный центр Мира, потому что в нем сосредоточено целое, «все что есть»: это целое многомерно, не обладает однозначно закрепленными качествами, оформленной принадлежностью. «Мир» как место, или, точнее говоря, иерархия «ми-

<sup>237</sup> Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. – М., 1997. – С. 7.

<sup>238</sup> Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т.1. – С. 27.

<sup>239</sup> Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905. – С. 6.

ров»-мест, как социокультурный образ не обладает ни четкими образными границами, ни завершенностью форм, поэтому любая земля может быть потенциально русской, если на ней живут русские (православные) люди и по своим природно-климатическим и ландшафтным условиям эта земля пригодна к земледелию<sup>240</sup>.

Вместе с тем, колонизация русскими Северного Кавказа предполагала распространение новых политических институтов, в первую очередь государственности как иного способа организации социальной жизни и хозяйствования под протекторатом мощной государственной машины. Отсюда следует, что колонизация предполагает определенный институциональный приоритет пришлого народа над автохтонными народами, благодаря которому происходит закрепление носителей другой культуры на новых землях<sup>241</sup>.

Но как бы человек внутренне не был подготовлен к переселению, он попадал в необычные для него условия, лишённые привычной стабильности, и должен был приспособляться к ним. В новых условиях неизбежна адаптация бытовая, социально-экономическая, социокультурная, а иногда и структурная (интеграция в социальные структуры общества)<sup>242</sup>. На Северном Кавказе большая часть русского и украинского населения, оказавшись вкрапленной в социокультурное пространство казачьего «мира», обособливалась принимаемым обществом в особый «мир» иногородних. Меньшая часть, меняя сословный статус, становилась на путь интеграции, который в конечном итоге должен был завершиться приобретением особого казачьего менталитета, отличного от менталитета «российских» русских и украинцев.

Колонизационный процесс состоял из двух основных направлений: народно-стихийного движения и планомерного государственного переселения части населения России в регион<sup>243</sup>. Особенно интенсивное нарастание миграционных потоков наблюдалось в XVIII-XIX вв. В народно-стихийном движении сложно проследить точные цифры мигрантов и возможные районы их оседания. Второе направление дает относительно стабильные показатели числа переселяемых и географию их размещения, определенную стратегическими интересами государства.

В 1719 г. (по данным первой ревизии) общая численность русских на Северном Кавказе достигала 4 тыс. человек, в число которых российские государственные чиновники включили только служилых казаков, так как

---

<sup>240</sup> Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002. – С. 39-40.

<sup>241</sup> Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на северном Кавказе: анализ трансформации социального статуса. – Ростов н/Д, 2003. – С. 32.

<sup>242</sup> Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М., 2001. – С. 81.

<sup>243</sup> Заседателева Л.Б. Восточные славяне на северном Кавказе в середине XVI – начале XX века (динамика этнокультурных процессов): дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. – М., 1996. – С. 12; Этнокультурные проблемы... – С. 39.

гражданское население: крестьяне, купцы, мещане, здесь еще не фиксировались. С этого периода в официальных документах наметилась тенденция отождествления русских и казаков. Первые русские мигранты иных социальных слоев выделяются только после основания города Кизляра. В начале 20-х гг. XVIII в. по официальным данным удельный вес русских в регионе составлял менее 1%<sup>244</sup>.

В 60-70-е гг. XVIII в. шло активное строительство оборонительных линий и расселение здесь, прежде всего казаков. Гражданская колонизация была незначительной, население в основном размещалось в Кизлярском и Моздокском уездах. В конце 60-х гг. в Кизлярском уезде появилось помещичье землевладение. У Каспийского моря были основаны селения Черный рынок и Тарумовка. Если по ревизии в 1763 г. в Кизлярском уезде учли 15 душ м.п. помещичьих крестьян, то к моменту проведения IV ревизии это число увеличилось до 84. Возникали отдельные хутора, образованные астраханскими рыбопромышленниками; беглые крестьяне создавали первые поселения на территории Ставропольской губернии и Терской области. В 1770 г. на месте будущей слободы Владимировки разместились выходцы из России, которые не были учтены III ревизией и не несли никаких повинностей. Подобные поселения появились на месте будущих селения Подгороднего и слобод Солдатской и Приближной. Под своими окончательными названиями в 1778 г. стали известны селения саратовских колонистов Маджары и отставных солдат Александровское и Вестослав. Следует отметить, что в 60-70-е гг. XVIII в. основной поток переселенцев в Кизлярский и Моздокский уезды составили армяне и грузины<sup>245</sup>.

В 80-90 гг. XVIII в. начался период интенсивной гражданской колонизации Северного Кавказа. Толчком к переселенческому движению послужили законодательные акты российского государства. 22 декабря 1782 г. Екатерина II издала указ, по которому разрешалось раздавать земли «на Моздокской линии». Сенатский указ 17 декабря 1784 г. предписывал губернским казенным палатам России заблаговременно уведомлять «начальство Кавказской губернии» о всех желающих туда переселиться. 18 декабря 1784 г. появился новый Сенатский указ, предоставлявший право не только государственным и экономическим крестьянам, но и однодворцам переселяться в Кавказскую губернию. Податей и оброков с мигрантов не взимали «для нужного их на новых местах обзаведения» в течение полутора лет. В Кавказскую губернию в 1783-1784 гг. прибыло 4382 душ м.п., в 1785 г. – 6888, в 1786 г. – 10604, в 1787-1788 гг. – 1068, 1789 г. – 1474, в 1790-1792 гг. – 805, в 1793 г. – 352, в 1794 г. – 49<sup>246</sup>.

<sup>244</sup> Кабузан В. Указ. соч. – С. 28.

<sup>245</sup> Там же. – С. 31-32.

<sup>246</sup> Там же. – С. 131.

Начало военных действий между Россией и Турцией в сентябре 1788 г. приостановило переселенческий процесс. По указу правительства от 24 февраля 1788 г. до особого распоряжения прекращалось всякое перемещение крестьян в южные пограничные районы. Однако, как показывают статистические данные, совершенно приостановить приток населения не удалось. Среди новых мигрантов преобладал беглый люд, который шел сюда без официального предварительного согласования на свой страх и риск<sup>247</sup>.

Указом от 5 мая 1785 г. была проведена административная реформа, согласно которой образовано Кавказское наместничество, состоявшее из двух областей Кавказской и Астраханской. В первую вошли шесть вновь созданных уездов – Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Георгиевский и Ставропольский.

Кавказская область в 80-90-е гг. XVIII в. заселялась в основном выходцами из губерний Центрально-Земледельческого региона. В 1785-1786 гг. на долю переселенцев оттуда пришлось 64,7 % от общего числа всех лиц, прибывших в область, а в 1783-1794 гг. – 70,4 %<sup>248</sup>. На первом месте с большим отрывом устойчиво находилась Курская область, за ней следовала Воронежская, Орловская, Тамбовская, Рязанская и Тульская губернии<sup>249</sup>.

Среди новоселов 59,4 % составили однодворцы, проживавшие преимущественно в Курской и Воронежской губерниях. Они размещались в первую очередь в Ставропольском уезде, затем следовали Александровский, Георгиевский и Моздокский уезды. В Кизлярском уезде однодворцы не оседали. С 80-х гг. XVIII в. этот уезд оставался в стороне от основных миграционных потоков из центральных регионов Европейской России на Кавказ.

Экономические крестьяне (13,9 % всех переселенцев) из Калужской, Орловской, Московской и Курской губерний; дворцовые (уездные) крестьяне (8,4 %) из Пензенской, Нижегородской, Курской губерний, расселялись, прежде всего, в Георгиевском и, в небольшой количестве – в Александровском и Моздокском уездах. Государственные (казенные) крестьяне составили 4,8 % всех переселенцев и почти все осели в Моздокском и Георгиевском уездах<sup>250</sup>.

С 1792 г. начинают четко проявляться различия миграционных потоков на Северный Кавказ. Земли Терского казачьего войска заселялись в первую очередь мигрантами-русскими из Центрально-Земледельческого региона России, хотя удельный вес новоселов-украинцев в начале XIX в. возрастал и здесь. Черноморья вплоть до 1869 г. (когда была разрешена ее гражданская колонизация) осваивалась только украинскими переселенцами – сначала из Новороссии, а затем из малороссийских губерний – Пол-

<sup>247</sup> Кабузан В. Указ. соч. – С. 36.

<sup>248</sup> Там же. – С. 34.

<sup>249</sup> Там же. – С. 131.

<sup>250</sup> Там же. – С. 34-35.

тавской и Черниговской<sup>251</sup>.

Земли Войска Черноморского в 1796-1814 гг. были слабо заселены, что вызывало озабоченность властей. Ф.А. Щербина отмечал, что к началу XIX столетия «крестьянская колонизация края велась более успешно, чем казачья»: в 11 крестьянских селениях, расположенных на Старой Линии, проживало «населения 21 337 душ», что значительно превышало казачье население всей Черномории<sup>252</sup>. Однако, когда Черноморская войсковая администрация самостоятельно приняла решение поселить на войсковой земле 355 казенных крестьян из Черниговской, Полтавской и Слободско-Украинской губерний, 22 августа 1806 г. последовало постановление, предписывавшее казенным палатам и гражданским губернаторам немедленно прекратить переселение казенных крестьян на принадлежащие войску земли. Живущим же на землях Войска Черноморского казенным крестьянам назначить удобные пустующие земли в тех губерниях, куда оно дозволялось, и «в течение пяти лет переселить их в оныя, а земли войска очистить и далее ни под каким видом оставаться в оных не дозволять»<sup>253</sup>.

Решить демографическую проблему правительство попыталось, приняв 17 марта 1808 г. специальное постановление о размещении 25 тыс. душ м.п. «малороссийских казаков на земли Черноморского войска»<sup>254</sup>.

В период между 1795 г. и 1815 г. изменилась политика государства по отношению к переселявшимся. Казна больше не отпускала по 20 рублей на каждый двор и они должны были использовать свои средства. В период с 1799 по 1810 г. в Ставропольский, Александровский и Кизлярский уезды прибыло: из Курской губернии – 66,8 % всех мигрантов, Воронежской – 13,9 %, Орловской – 10,4 %, Смоленской – 3,4 %, Пензенской – 2,7 %, Тульской – 1,4 %<sup>255</sup>.

По-прежнему преобладали однодворцы Курской и Воронежской губерний (59,3 %), основной поток их устремился в Ставропольский уезд. Небольшим был процент государственных и помещичьих крестьян. В 80-е гг. XVIII в. большинство помещичьих крестьян расселялись в Кизлярском и Моздокском уездах. После переселения в 1796 г. и 1800 г. больших партий помещичьих крестьян на первое место выдвигается Георгиевский уезд. Однако до конца 50-х гг. XIX в. доля помещичьих крестьян не превысила 10 % всего податного населения губернии<sup>256</sup>. При этом меньший размах «дворянская колонизация» имела на Тереке, значительно больших результатов она достигла на Кубани, где имелись значительные массивы

<sup>251</sup> Кабузан В. Указ. соч. – С. 42.

<sup>252</sup> Щербина А.Ф. Указ. соч. – Т.2. – С. 186.

<sup>253</sup> Исторические документы ... – С. 95-96.

<sup>254</sup> Кабузан В. Указ. соч. – С. 52-53.

<sup>255</sup> Там же. – С. 46-47.

<sup>256</sup> Кабузан В. Указ. соч. – С. 48.

неиспользованных плодородных земель.

17 июня 1812 г. был принят указ, запрещающий переселяться в Кавказскую губернию государственным крестьянам, что сократило поток переселенцев. Однако уже в 1822 г. этот запрет был снят для государственных крестьян из малоземельных губерний, надел которых составлял 5 десятин земли и они не могли получить землю на месте.

В 1782-1813 гг. размещение подавляющей части новоселов происходило в уже существующих казачьих станицах, тогда как новых было заложено относительно немного: в Старопольском уезде – с. Пелагиада (1783 г.), с. Надежда, Михайловское (1784 г.), Марьино (1789 г.), Мареевка (1794 г.), Старая Мареевка (1795 г.), Рождественское, Новотроицкое, Богоявленское (Сангилеевка), Каменобродское, Николаевка (1797 г.), Бешинагир (1798 г.), Безопасное (1800 г.), Расшеватское, Дмитровское, Ильинское, Архангельское (1801 г.), Новомалороссийское, Александровка (1802 г.), колония Карас (1803 г.), Новорождественское (1803 г.), Среднегорлыкское, Летницкое, Медвежье, Преградное, Новоалександровское, Успенское (1804 г.), Новогорлыкское (1805 г.), Песчанокопское (1806 г.), Красная Поляна, Терновая Балка (1812 г.), Сандата, Новодонецкое (1803 г.); в Александровском уезде – Благодарное, Саблинское (1782 г.), Белый Ручей, Высоцкое (1784 г.), Медведское (1785 г.), слободы Калиновка (1786 г.) и Новоселица (1787 г.), села Донская Балка (1787 г.), Петровское, Сергиевское, Черный лес (1787 г.), Круглолесское (1797 г.), Ореховское (1798 г.), Малая Тозулмовка (1803 г.), Грушевка (из хутора Калиновка, 1811 г.), Грачевка (1812 г.); в Моздокском уезде – села Малка, Сергеевское, Покровское, Растановка (1782 г.), Прохладное, Государственное, слобода Курская (1783 г.), села Прибрежное (1785 г.), Близкое, Спасское, Павловское (1787 г.); в Георгиевском уезде – слободы Александровская (1783 г.) и Солдато-Александровская (1785 г.), села Незлобное, Покойное (1784 г.), Подгорное, Отказное, Прасковьино, Нина (Фролов Кут), Найденное, Новозаветное (1785 г.), Обильное (Карамык), Привольное (1786 г.)<sup>257</sup>.

В период с 1816 по 1835 гг. в Кавказскую губернию переселилось 32262 души м.п. крестьян и горожан. Число горожан (купцов и мещан) в этот период выросло на 1201 душу м.п., помещичьих крестьян – на 1580 душ, а государственных – только на 759 душ м.п., так как с 1825 по 1833 год 28722 человек были перечислены в состав Кавказского линейного казачьего войска (созданного в 1832 г.).

Несмотря на успехи колонизации, на Северном Кавказе оставались еще целые массивы пустующих земель. В 60-е гг. XIX в. начинается новый этап в переселенческой политике царизма, обусловленный двумя важными событиями – отменой крепостного права (1861 г.) и окончанием

<sup>257</sup> Кабузан В. Указ. соч. – С. 140, табл. 10; с. 154, табл. 26.

«Кавказской войны» (1864 г.). Как считал Н.Ю. Силаев, логика, лежащая в основе миграционной политики правительства на Кавказе, предполагала, что действия по выдавливанию нелояльного населения из стратегически важных районов, должны были дополняться русской колонизацией. Формирование «русского горского населения», по выражению великого князя Михаила Николаевича, представлялось одним из самых надежных средств добиться «благонадежности» Кавказа<sup>258</sup>.

«Положение» от 19 февраля 1861 г. предусматривало переселение бывших помещичьих крестьян, но к ним относились только крестьяне мелкопоместных дворян. Указами 1862, 1864, 1867 и 1868 гг. было разрешено также переселение горнозаводским рабочим, безземельным батракам и бобылям некоторых уездов Витебской губернии, однодворцам западных губерний и отставным нижним чинам.

В 60-е гг. еще сохранялась тенденция дореформенного периода и заселялись в основном Ставропольский край и предгорная часть Кубанской области. Переселения в Черноморскую губернию, Терскую область почти не производились.

В 70-е гг. XIX в. максимальное число мигрантов водворилось в Кубанской области – 175,4 тыс. человек, на втором месте находилась Ставропольская губерния – около 80 тыс. человек, в Терской области осели только 70 тыс. человек<sup>259</sup>.

10 мая 1862 г. правительство издало специальное «Положение о заселении предгорий Кавказского хребта кубанскими казаками и другими категориями населения». На основании этого положения на территорию Ставропольской губернии и включенной в состав России предгорной части Кубанской области, были переселены крестьяне из центральных губерний. В результате их численность возросла с 5243 человек в 1861 г. до 24 819 человек в 1869 г.<sup>260</sup> Только в Кубанской области в 1861-1870 гг. водворилось около 93 тыс. человек. Однако следует отметить, что «стихийный» поток мигрантов был направлен далеко не в те районы Северного Кавказа, куда правительство стремилось привлечь колонистов. Переселенцы-крестьяне из губерний Европейской России предпочитали, как и можно было ожидать, селиться не в горной части Закубанья, а в степных районах, лежащих к северу от Кубани и Терека. Это был естественный и привычный для русских ландшафт, который не требовал освоения принципиально новых систем земледелия. К тому же в степях Предкавказья мигранты попадали практически в родную этническую среду, а на ранних этапах колонизации конфликт между казаками и иногородними, ставший к концу XIX в. одной из главных проблем региона, практически не прояв-

<sup>258</sup> Силаев Н.Ю. Указ. соч. – С.86.

<sup>259</sup> Кабузан В. Указ. соч. – С. 96.

<sup>260</sup> Там же. – С. 75.

лялся – свободных земель хватало всем»<sup>261</sup>.

Примечательно, что по действующему положению гражданское население вообще не имело право поселяться в Кубанской области (за исключением г. Ейска), и все переселявшиеся должны были записаться в казачье войско. Однако уже 23 декабря 1865 г. было опубликовано постановление «О приостановлении зачисления в Кубанское казачье войско лиц всех сословий». Тем не менее, до 1868 г. в области расселялись лишь лица казачьего сословия (или зачисленные в казаки) и отставные солдаты. 28 апреля 1869 г. был принят закон, позволивший лицам, не приписанным к войсковому сословию, селиться и приобретать недвижимую собственность на территории Терского и Кубанского казачьих войск, не спрашивая разрешения станичных обществ<sup>262</sup>. Именно с этого времени и начинается активный процесс переселения крестьян прежде всего на Кубань.

10 мая 1868 г. правительство обнародовало новый указ о заселении кавказского побережья Черного моря от Геленджика до р.Туапсе с предоставлением переселявшимся различных льгот<sup>263</sup>.

Ослабление темпов заселения Северного Кавказа наблюдалось в 80-90-е гг. XIX в. Основной поток устремился в Сибирь, на Дальний Восток и Казахстан. В 90-х гг. XIX в., по решению министерства государственных имуществ и земледелия было проведено обследование количества земель на Кавказе с целью выявления возможностей дальнейшего заселения края и получения более достоверных сведений о количестве земельных запасов с тем, чтобы наделить местных жителей и русских переселенцев. Результаты обследования показали, что казенные запасы земли исчислялись для Кубанской области в 25,7 тыс. дес., для Ставропольской губернии – в 89,1 тыс. дес., для Черноморской губернии – 49,9 тыс. дес. В Терской области свободных казенных земель для русских переселенцев не оказалось вообще<sup>264</sup>.

Этот этап совпал с «экономическим завоеванием» и имел исключительно хозяйственный, гражданский характер. Л.Б. Зеседателева выделила следующую особенность данного этапа. Во-первых, значительная часть земельных площадей была передана в «пожизненное пользование» частным лицам, много земель перешло Удельному ведомству. Крестьяне-переселенцы в большинстве своем ничего не получали и были вынуждены селиться на землях казачьих станиц в качестве «иногородних», становясь батраками или наемными рабочими. Во-вторых, значительная часть русских, украинских и белорусских переселенцев оседала в городах. По переписи 1897 г., в Кубанской области «иногородние» составляли 42 % городского населения, а в

<sup>261</sup> Силаев Н.Ю. Указ. соч. – С. 89.

<sup>262</sup> Кабузан В. Указ. соч. – С. 95.

<sup>263</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.857.

<sup>264</sup> Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. – М., 1981. – С. 150.

Терской области – 70 %<sup>265</sup>. Небывалый размах переселенческого движения на Северном Кавказе в 80-90-е гг. XIX в. обусловлен началом железнодорожного строительства на юго-восточной окраине России.

Рост численности иногородних на казачьих территориях Северного Кавказа в XIX – начале XX в. регулировался политикой российского правительства. Говоря о целях и задачах переселенческого движения в Терской области в начале XX в., А.А. Долгушин отмечал, что правительство одобрительно относилось к явлению переселения, полагая, что приток русского земледельческого населения окажет значительное культурное влияние на туземное население, и надеялось, что «в смеси с русским населением туземное скорее забудет свое обособление от русских и взаимную враждебность»<sup>266</sup>. Но с другой стороны, принятый 13 июля 1889 г. новый переселенческий Закон негативно сказался на положении северокавказских народов. Усилился процесс оттеснения горцев на менее удобные земли в горные районы в Кубанской области, а кочующие народы Ставрополя лишились возможности свободно пользоваться землей<sup>267</sup>. Как отмечал в 80-90-х гг. XIX в. А.М. Дондуков-Корсаков, заселение края переселенцами шло не сплошь, а узкими участками, выходящими на земли, занимаемые местными народами. Юртовские наделы, а также территории для поселений крестьян выделялись при этом, исходя не из экономических условий, а из чисто военных целей<sup>268</sup>.

По официальным правительственным документам однодворцы и государственные крестьяне оказались самой многочисленной средой, которую государство переводило в казачье сословие. В действительности на местах статусных различий между государственными крестьянами и однодворцами не делали, в документах говорилось о казенных поселениях вообще. Объясняется это тем, что при Петре I в оформляющееся сословие государственных крестьян были отнесены и однодворцы. В сенатском журнале 30 октября 1723 г. записано: «Государственныя крестьяня разумеются ясачники, половники, однодворцы и протчия тем подобныя; мордва, черемиса, что в указе изъяснить»<sup>269</sup>. Потеряв былые военные функции и сословные привилегии, однодворцы постепенно «окрестьянивались». 3 мая 1783 г. вышел указ об окончательном уравнении в правах однодворцев и государственных крестьян.

Между тем, сословные характеристики однодворцев и государственных крестьян представляют для нас вполне объяснимый интерес. Известно, что ускоренная адаптация иммигрантов происходит в том обществе, где в наличии есть общее в шкале ценностей, в культурных и политических тра-

<sup>265</sup> Заседателяева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе ... – С.19.

<sup>266</sup> Долгушин А.А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. – Владикавказ, 1907. – С. 8-9.

<sup>267</sup> Куприянова Л.В. Указ. соч. – С. 149.

<sup>268</sup> См.: Куприянова Л.В. Указ. соч. – С. 149-150.

<sup>269</sup> Цит. по: Анисимов Е.В., Каменский А.Б. Россия в XVIII - первой половине XIX века. – М., 1994. – С. 35

дициях, в менталитете. Необходимо, чтобы существовали готовые механизмы для ответа на знакомые, адекватные их внутреннему состоянию, воздействия, не требующие каких-то важных изменений в представлениях и нормах поведения<sup>270</sup>.

Исследования В.А. Колесникова показали, что прошлое однодворцев непосредственно связано с созданием и эволюцией войск Московского государства и системой охраны границ<sup>271</sup>. Предками однодворцев он считал «детей боярских» и казаков, находившихся на государственной службе, которые в отличие от вольных, именовались городовыми, белопоместными или поместными и т.д.<sup>272</sup> Границы проживания предков однодворцев на юге захватили северные и центральные районы нынешней Харьковской, Сумской и Луганской областей Украины, а на севере – южные районы Тульской, Рязанской областей России. Однако максимальное количество однодворцев разместились на территории Курской, Белгородской и Воронежской губерний, откуда наблюдались самые мощные переселенческие потоки на Кавказ<sup>273</sup>.

Следует выделить некоторые сословные особенности однодворцев. В 1713 г. стали создаваться ландшафтные полки пограничной стражи, комплектовавшиеся из однодворцев. Основная часть ландшафтных полков разместилась на Украине и призвана была пресекать набеги крымских татар. Содержание данных формирований возлагалось на самих же однодворцев; срок службы ограничивался 15 годами; в ландмилиционные полки набирали молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет. Регулярную службу несли только 1/3 ландмилиции, 2/3 отправляли службу иррегулярного характера. Правительство контролировало однодворческие земли. Их владельцы не могли продавать их никому, кроме самих же однодворцев. Предпринимались меры к тому, чтобы не допускать проникновения в ряды однодворцев иных социальных элементов: беглых крестьян, проживавших в однодворческих селах и слободах, предписывалось выявлять и исключать их из числа служилых людей<sup>274</sup>.

Дальнейшее движение российских границ на юг, выразившееся в устройстве между Доном и Волгой Царицынской линии, а в начале 30-х гг. строительством от левого побережья Днепра до Северного Донца Украинской оборонительной линии, привело к тому, что слободы и села однодворцев оказались в тылу. Следовательно, отпала необходимость в выполнении им главной обязанности – «пограничной страже».

Однако полное правовое уравнение однодворцев с государственными

---

<sup>270</sup> Левин З.И. Указ. соч. – С. 91.

<sup>271</sup> Колесников В.А. Однодворцы-казаки. – СПб., 2000. – С. 26.

<sup>272</sup> Там же. – С. 28.

<sup>273</sup> Там же. – СПб., 2000. – С. 35.

<sup>274</sup> Там же. – С. 39-40.

крестьянами, не поставило их в один ряд с последними с точки зрения самого однодворческого мировоззрения. Новый социальный статус не устраивал многих потомков стражей границ. В 80-е гг. XVIII в. в своих наказах они хлопотали о том, чтобы их не смешивали с крестьянами, исключили из подушного оклада и причислили к дворянству. А. Мякинин, ревизовавший Азовскую губернию, писал в Сенат: «Однодворцев причислить к помещикам невозможно, ибо оне хотя и имеют по стольку дворовых людей, но только самое мизерство, понеже они и сами земледельцы, и потому положены в подушный оклады потому равны они тем своим людям»<sup>275</sup>. И центральные власти в начале XIX в. еще признавали отличия между однодворцами и различными категориями российского крестьянства. Достаточно обратиться к «Положению» 1845 г., где однодворцы не отождествляются с казенными крестьянами. По определению В.А. Колесникова, однодворцы представляли нечто среднее между дворянами и крестьянами, «имели с первыми общие права помещичьи, а наравне со вторыми несли рекрутские повинности»<sup>276</sup>.

По этнической принадлежности они в подавляющем большинстве были великороссами. Безусловно, что более полувековое проживание бок о бок с малороссами оставило некоторый отпечаток в языке, культуре и повседневных привычках украинских однодворцев, однако, в целом их культурно-бытовой облик был тождественным основной массе однодворцев, проживающих в более северных районах<sup>277</sup>.

Чем было вызвано столь мощное однодворческое движение в южно-российский регион? С одной стороны, растущее малоземелье послужило своего рода толчком, заставившим однодворцев оставлять насиженные места. С другой стороны, четко прослеживается государственная политика, поддерживавшая стремления однодворцев, так как правительство было заинтересовано в переселении людей, наиболее приспособленных к приграничным условиям жизни. Г. Германов отмечал: «Образ жизни, какой вели однодворцы в течение 150 лет и более лет в Воронежском крае и в прежних местах жительства, должен был образовать в них особенный характер и склонности, которые время еще не изгладило. Живя в стране степной, среди постоянных опасностей, от которых нужно было, покидая жилища, искать убежища в лесах и укрепленных городках, значительную часть времени посвящая на разъезды вдали от домов и семейств, однодворцы не могли не приобрести равнодушия ко всему, что может иметь место только при жизни мирной и спокойной, т.е. к удобствам жизни, к промышленности. Вместе с тем, на их характере должна была отпечатать-

<sup>275</sup> Цит. по: Анисимов Е.В., Каменский Б.А. Указ. соч. – С. 35.

<sup>276</sup> Колесников В.А. Однодворцы-казаки... – С. 44.

<sup>277</sup> Колесников В.А. Исторические и этнические корни Кавказского полка Кубанского войска // Дикаревские чтения. – Вып. 5. – С.192-193.

ся некоторая суровость и жестокость, переходящая от поколения к поколению»<sup>278</sup>. Поселение на Кубань в 1802 г. бывших екатеринославских казаков явилось первым массовым примером привлечения южнорусских одnodворцев к охране передовых рубежей. Ранее Указом от 3 июля 1787 г. из одnodворцев, поселенных на бывшей Украинской линии, по случаю начала очередной русско-турецкой войны предписывалось организовать Екатеринославское казачье войско. Следующим указом, от 18 января 1788 г., жителей города Чугуева «и одnodворцев, в близости оного живущих» также повелевалось приписать к корпусу Казачьему с исключением из подушного оклада. Спустя несколько лет, после окончания военных действий, в 1796 г., Екатеринославское войско было упразднено, а его казаки вновь положены в подушный оклад на правах одnodворцев<sup>279</sup>. По прошествии шести лет часть одnodворцев-казаков бывшего Екатеринославского войска, предки которых из Белгородской черты с 1732 г. переводились на Украинскую линию, добровольно переселились на Кубань, образовав Кавказский линейный полк<sup>280</sup>. На новых местах ими было основано несколько станиц: Ладожская, Казанская, Тифлисская, Темижбекская, а в 1804 г. – станица Воронежская<sup>281</sup>. В 1825 г. селение Николаевское (300 дворов, 964 души мужского пола), в котором жили курские одnodворцы, присоединено к Кубанскому полку, а его жители составили костяк двух новых станиц на Кубани – Николаевской и Убежинской<sup>282</sup>.

В 20-х гг. XIX в. генералом А.П. Ермоловым разрабатывался первый проект масштабного перевода государственных крестьян в казаки, который согласовывался с Министерством военного ведомства и с Министерством финансов. В 1819 г. генерал А.П. Ермолов подал в Военное министерство записку с предложением «перечислить в звание казаков до 2 244 казенных крестьян»<sup>283</sup>. В свою очередь, предложение Ермолова было направлено на согласование министру финансов. В ответе министра финансов говорилось: «Сорок лет наблюдаем за положением заселения южных наших областей. За это время число казенных поселян возросло до 46 тыс. Однако, темп заселения недостаточно протекает быстро». Вместе с тем, он считали нецелесообразным «отнимать от оного вдруг более 2 тыс. людей, для превращения их в звание людей, конечно полезных в отношении к защите, но все же не принадлежащих к классу производителей; и все тогда, как корпус казаков всей губернии и без того составляет 26 тыс. при числе

<sup>278</sup>Германов Г. Постепенное распространение одnodворческого населения в Воронежской губернии // ЗИРГО. – СПб., 1857. – Т.12. – С. 224.

<sup>279</sup>Казин В.Х. Казачьи войска. Репринт. – М., 1992. – С. 17.

<sup>280</sup>Могилевцев Н.М. Краткие исторические сведения о Кавказском конном полке Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1894. – Т.3. – С. 6.

<sup>281</sup>Колесников В.А. Одnodворцы-казаки ... – С. 19.

<sup>282</sup>РГВИА, ф.13454, оп.5, д.560, л.3,16.

<sup>283</sup>РГИА, ф.560, оп.1, д.256, л.2.

всех жителей не превышающих 50 тыс. платящих подати»<sup>284</sup>.

6 марта 1819 г. решением Комитета министров была создана специальная комиссия. Возглавивший ее А.П. Ермолов собрал подробные материалы и сам лично «обозрел» Кавказскую губернию, что отразил в рапорте «О наделении землями козаков на Кавказской линии», отдельные пункты которого касались и перевода в казачье звание государственных крестьян и «азиатцев»<sup>285</sup>.

План А.П. Ермолова предусматривал «присоединение к козачьим дачам некоторые излишки земель Ставропольского городка, казенных селений Дмитриевского, Разшиватского, Александровского и Николаевского, в Моздокском уезде – селения Солдатское, Прохладное и Приближное, лежащие на самой границе линии, в Кизлярском уезде – с. Александрию. Все селения предполагалось причислить к селениям казачьи, а жителей обратить в звание казаков. Всего предусматривалось перевести в звание казаков 2 244 душ крестьян и 1651 азиатца»<sup>286</sup>.

Данная докладная записка вновь была передана на рассмотрение военного министра и министра финансов. Министерство финансов высказалось неодобительно по вопросу перевода в другое сословие казенных крестьян. Обеспокоено оно было, во-первых, тем, что при огромных земельных просторах заселение идет очень медленно, а, если перечисление не будет согласовываться с собственными желаниями крестьян, то «пример сей устрашит переселенцев и надолго остановит их переход»<sup>287</sup>; во-вторых, сокращением числа лиц плативших подушную подать в казну.

Тем не менее, 27 декабря 1823 г. в казаки было обращено 911 душ м.п. государственных крестьян селений Дмитровского, Расшиватского, Александровского и Николаевского Ставропольского уезда и 1333 душ м.п. селений Павлоградского, Солдатского, Прохладного и Приближного Моздокского уезда, а также жители села Александрии Кизлярского уезда. Таким образом, в казачье звание перечислено 2 244 душ м.п. из девяти селений<sup>288</sup>.

Зачисление однодворцев и казенных крестьян в линейные казачьи полки было узаконено положениями от 29 сентября 1827 г.<sup>289</sup> и 1 октября 1829 г.<sup>290</sup> Последним постановлением Комитет Министров упростил процедуру причисления в казачье сословие однодворцев и казенных крестьян. Начальнику Кавказской области было разрешено «принимать как тамошних, так и других губерний однодворцев и казенных крестьян, по желанию

<sup>284</sup> РГИА, ф.560, оп.1, д.259, л.4.

<sup>285</sup> РГВИА, ф.1263, оп.1, д.278, л.189.

<sup>286</sup> Там же. – Л.189об, 190.

<sup>287</sup> РГВИА, ф.1263, оп.1, д.278, л.192.

<sup>288</sup> ПСЗ-1. – Т.38. – № 29682 от 11 декабря 1823 г. – С. 1301.

<sup>289</sup> Фелицын Е.Д. Материалы по истории... // КОВ. – 1897. – № 73.

<sup>290</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.1015, л.1.

их в кавказские линейные казаки, без представления им увольнительных свидетельств от мирских обществ, по одним плакатным пашпартам». При этом «такой прием сих людей продолжать до того времени, пока тамошнее начальство признает сие нужным»<sup>291</sup>. Правомочность данного указа была подтверждена 19 мая 1831 г.<sup>292</sup>

В 1830 г. из однодворческих селений Каменнобродского, Сенгилеевского, Новомарьевского, Новоалександровского и Михайловского в станицы Кубанского и Кавказского полков переселились 812 семей<sup>293</sup>. В Хоперский казачий полк в 1830-1831 гг. были зачислены 97 семей однодворцев Кавказской области и Харьковской губернии<sup>294</sup>.

22 ноября 1832 г. в Комитете Министров рассматривался вопрос об увеличении численности казаков в центре Кавказской линии, а 2 декабря 1832 г. вышел указ, который предписывал передать 31 казенное селение Кавказской области «... со всеми числящимися в оных жителями и находящимися в законном владении их землями и угодьями в военное ведомство»<sup>295</sup>: Новодонецкое, Новомалороссийское, Архангельское, Ильинское, Дмитриевское, Расшеватское, Успенское, Ново-Александровское, Ново-Троицкое, Сергеевка, Калиновка, Северное, Круглолесское, Сабля, Верхнеподгорное, Нижнеподгорное, Незлобное, Александрия, Парубачево, Шелкозаводское, Дербентское, Каржалиновское, Малахалинское, Сенгилеево или Богоявленское, Каменнобродское, Новомарьевка, Рождественское, Михайловка, Надежда, Старомарьевка, Бешпангир<sup>296</sup>. К Кавказскому линейному казачьему полку присоединили пять селений с числом жителей 3099, к Кубанскому – четыре селения с числом жителей 4 814 душ, к Хоперскому пять с 2354 душами; к Волгскому – четыре с 2 106 душами и к Кизлярскому – три с 857 душами<sup>297</sup>. Из восьми селений, расположенных близ Ставрополя, с 9860 жителями было приказано создать отдельный Ставропольский казачий линейный полк, присоединив к нему станицы Николаевскую и Темнолесскую Кубанского казачьего полка и станицу Барсуковскую Хоперского полка<sup>298</sup>. Как показал анализ В.А. Колесникова, большинство населения, присоединенного к казачьим войскам правого (кубанского) фланга линии, составляли однодворцы, затем следовали государственные крестьяне<sup>299</sup>.

<sup>291</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.857, л.1..

<sup>292</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.1218, л.1.

<sup>293</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.1218, л.1.

<sup>294</sup> КОВ. – 1897. – № 62.

<sup>295</sup> РГВИА, ф.13454, оп.5, д.593, лл.3, 35-36.

<sup>296</sup> Попко И.Д. Указ. соч. – С. 390.

<sup>297</sup> РГИА, ф.1263, оп.1, д.789, л.301.

<sup>298</sup> РГИА, ф.1263, оп.1, д.789, л.301 об.

<sup>299</sup> Колесников В.А. Однодворцы-казаки ... – С. 48-49.

В постановлении 1832 г. говорилось: «Всем означенным селениям поступить в ведение начальства войск Кавказской линии с 1 января будущего 1833 года... Порядок управления сими новыми казаками, а равно служебные и другие их обязанности имеют быть определены особым положением о Кавказских линейных казаках»<sup>300</sup>. Такой перевод, по мнению барона Розена, позволит, с одной стороны, усилить Кавказскую линию, а с другой – в течение четырех лет освободить Донские полки от несения службы на Линии. Причем предлагалось организовать перевод крестьянских селений в разряд казачьих станиц с 1834 г. таким образом, чтобы сократить срок с четырех до двух лет<sup>301</sup>.

В течение последующих нескольких лет к Кавказскому линейному войску были присоединены 3 однодворческих селения: Татарка (445 душ мужского пола), Спицевка (232 душ м.п.) и Грушевское (633 душ м.п.), которые вошли в состав Ставропольского и Хоперского полков<sup>302</sup>.

В 1833 г. линейное казачество столкнулось с наплывом людей, «определенным в Кавказскую область для поступления в сословие линейных казаков разного звания людей»<sup>303</sup>. Обращались с просьбой присылать прежде всего старших работоспособных мужчин, «с рабочим скотом и орудиями, чтобы они могли выбрать место жительства, построить дом, а затем перевести семью»<sup>304</sup>.

В 1836 г. барон Розен предложил причислить в казаки все остальное гражданское население, однако власти не решились на подобный шаг лишь потому, что это могло повлечь кризис в хозяйственной жизни Кавказской области<sup>305</sup>. Изъявляли желание быть зачисленными в казачье сословие государственные крестьяне, проживающие в казачьих станицах. В 1836 г. 28 семейств государственных крестьян Ставропольской губернии перевели в Кавказское линейное казачье войско<sup>306</sup>.

Приток однодворцев Кавказской области и южнорусских губерний в казачьи формирования правого (кубанского) фланга Линии продолжался и в дальнейшем, тем более что правительство само стремилось к этому. Так, например, Высочайше утвержденным положением от 19 апреля 1838 г. в состав Линейного войска дозволялось зачислять казенных крестьян, купцов, мещан и других свободного состояния людей, имеющих оседлость в станицах или не имеющих ее, по их желанию<sup>307</sup>. В.А. Колесников пишет о том, что сами однодворцы в данных указах не упоминались, но проанализиро-

<sup>300</sup> Попко И.Д. Указ. соч. – С. 390.

<sup>301</sup> РГИА, ф.1263, оп.1, д.789, л.302 об.,303.

<sup>302</sup> Колесников В.А. Однодворцы-казаки ... – С. 50.

<sup>303</sup> ГАСК, ф.7, оп.1, д.1454, л.1.

<sup>304</sup> Там же.

<sup>305</sup> Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). – Пятигорск, 2002. – С. 52.

<sup>306</sup> ГАСК, ф.70, оп.1, д.1187, л.9.

<sup>307</sup> ГАСК, ф.444, оп.1, д.807, л.1; ф.79, оп.1, д.759, л.6.

ванный им архивный материал, показывает наличие большого числа лиц, однодворческого происхождения, определившихся в казачье сословие<sup>308</sup>.

В.А. Колесников, помимо переселенческих потоков из Южной России, одиночных и групповых переселений из местных кавказских селений в линейные станицы, особо выделил массовый перевод в состав Кавказского полка, осуществленный 1 января 1849 г., однодворческих селений Ставропольской губернии: Новопокровского (3 400 душ м.п.), Новорождественского (2 275 душ м.п.), Терновобалковского или Терновского (1 973 души м.п.) и Тихорецкого (1891 душ м.п.), составивших целую Тихорецкую волость<sup>309</sup>. В.П. Кабузан отнес их к селениям государственных крестьян, а сам перевод к 1844 г.

По документам, хранящимся в архивах, изъявляли желание перейти в казачье сословие и помещичьи (крепостные) крестьяне<sup>310</sup>. Следует заметить, что пребывающие в Кавказскую губернию помещичьи крестьяне в основном были беглыми. Правительство, заботясь о создании на окраинных землях земледельческого населения, 12 декабря 1796 г. издало указ, позволявший им оставаться на новых местах жительства и менять сословную принадлежность, переходя в состав государственных.

Российское законодательство предусматривало денежное вознаграждение помещикам, которые разрешали своим крепостным крестьянам вступать в казачье сословие. За крепостных крестьян получил вознаграждение помещик Скаржинский: из его имения Бургон-Мамар Ставропольской губернии семь человек были зачислены в казачье сословие<sup>311</sup>. Обер Егермейстеру Нарышкину выплатили вознаграждение за 104 души крестьян обоего пола, зачисленных в Кавказское линейного казачье войско, по 400 рублей за мужчину и 200 рублей за женщину<sup>312</sup>. Вместе с тем, в 1839 г. был признан незаконным перевод в казачье сословие 152 душ крестьян того же помещика Нарышкина<sup>313</sup>.

Анализ миграционных потоков в XVIII-XIX вв. выявил основные категории переселявшихся крестьян: государственные, экономические, дворцовые (уездные), помещичьи.

<sup>308</sup> Колесников В.А. Однодворцы-казаки ... – С. 49.

<sup>309</sup> ГАКК, ф.670, оп.1, д.34, л.39.

<sup>310</sup> РГИА, ф.1058, оп.1, д.24, 34, 47; ГАКК, ф.252, оп.2, д.262, 265, 832, 1081, 1945 (всего 64 дела); ГАКК, ф.252, оп.1, д. 163, 2297, 2440, 1442.

<sup>311</sup> ГАСК, ф.101, оп.1, д.3353, л.1-4.

<sup>312</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.2010.

<sup>313</sup> ГАСК, ф.444, оп.1, д.1185, л.1-6; ф.79, оп.1, д.1392, л.1-7.

## РАЗДЕЛ 5. УСЛОВИЯ ПЕРЕВОДА В КАЗАКИ БРОДЯГ

В стихийное народное движение всегда были вовлечены массы людей, ищущих свободу в казачьих землях, среди которых можно выделить особую категорию населения, названную в источниках бродягами.

Впервые упоминание о бродягах появилось в сенатском Указе Его Императорского Величества от 15 ноября 1797 г., в котором предписывалось отсылать «бродяг» в ближайшие регулярные полки «для отдачи их в рекруты». На землях Черноморского казачьего войска бродягами считались представители польских, малоросских и бывших запорожских людей, покинувших родину до указа 1795 г., и обитавших при реке Волге, Каспийском и Азовском морях на рыбных заводах в работниках<sup>314</sup>. Обращалось внимание на то, что «по своей одичалости к оной неспособны будут, потому, что они привычке к вольности и волокитам, не только такой службы не потерпят, но еще – казенные вещи при побегах сносить будут, тем причинят невозвратный убыток»<sup>315</sup>, поэтому предлагалось отдавать их в работники к казакам.

Много бродяг было на землях Линейного казачьего войска, что стало предметом обсуждения на войсковом правлении, принявшем постановление: «Бродяг праздношатающихся и разного рода людей без письменного виду и паспортов по станицам не держать, а где таковые окажутся присылать войско за караулом; в противном случае станичный начальник ответственен строго, а у кого беспаспортный проживает, с того взыскивать за всякий день по рублю в станичную сумму»<sup>316</sup>. Однако, как заметил И.Д. Попко, «если не выше, то отнюдь не ниже стихийных невзгод должен быть поставлен в экономическом обиходе казаков всегдашний недостаток рабочих рук, отвлекаемый службою и повинностью. Отсюда и передержательство бесписьменновидных бродяг, против которых объявилось в постановлениях Ефимовича такое строгое преследование. Замечательно, однако ж, что правительство думало один раз направить беспаспортный, бродячий элемент к добрым целям и открыть в нем источник рабочей силы для кавказских казаков»<sup>317</sup>.

В связи с этим И.Д. Попко опубликовал интересные документы под общим названием «Об отдаче бродяг в работники к линейным казакам как правительственной мере, направленной к достижению двух целей: восполнению казачьим хозяйствам рабочей силой и увеличению служилого состава казачьих частей»<sup>318</sup>.

<sup>314</sup> РГИА, ф.1374, оп.1, д.1744, л.1.

<sup>315</sup> РГИА, ф.1374, оп.1, д.1744, л.1 об.

<sup>316</sup> Попко И.Д. Указ. соч. – С. 300.

<sup>317</sup> Попко И.Д. Указ. соч. – С. 300.

<sup>318</sup> Там же. – С. 457-463.

29 сентября 1827 г. граф Дибич направил начальнику Главного Штаба Е.И.В., генерал-лейтенанту Емануэлю рассуждения «об употреблении с пользою бродяг». Люди эти, по мнению Дибича, «ненадежные», поэтому отсылать в Сибирь их нельзя, так как там не будет должного контроля над ними; перевод их в солдаты не принесет никакой пользы, более того они могут подавать «дурной пример нравственности» и умножить число дезертиров; нельзя их определить в Отдельный Кавказский корпус, так они могут уйти в Персию и воевать на ее стороне против России. Исходя из этого, он предлагал отправлять бродяг малыми партиями на Кавказскую линию и отдавать в работники казакам. В качестве поощрения, после истечения определенного срока «при хорошем их поведении, бродяги могут поступать в сословие казаков и водворяться среди них»<sup>319</sup>.

Командующие Терско-Семейным, Кизлярско-Терским, Гребенским войсками единодушно высказали мнение: «Принять таковых людей казакам в работники будет совершенно бесполезно, ибо таковые люди, соделавшие преступление, не могут в жизни своей исправиться, тем более что они будут стараться совращать на дурные поступки самих коренных жителей, и что казаки наивсегда находятся на непрерывной службе, а помянутые работники должны оставаться в домах с их женами и детьми»<sup>320</sup>. Беспокоились они и о том, чтобы «нравственность сословия сего не претерпела слишком от дурных примеров бродяг, которая имеет решительное влияние, как на верное охранение границы, так и на уважение к нам смежных с нами пограничных народов»<sup>321</sup>.

Очевидно, понимая, что вопрос о бродягах предрешен, командиры линейных казачьих полков попытались смягчить ситуацию, предложив подразделять бродяг на полезных и неполезных казачьему обществу. К первому разряду были отнесены «удалившиеся от жилищ своих под предлогом непомнящих родства»; с «просроченными паспортами»; «зашедшие из других губерний» по различным обстоятельствам, но не имеющие «средств и желания возвратиться», а также тех, кто прибыл «для заработков даже с целыми семействами, преимущественно же в Кавказскую область, и числящиеся при селениях, не исполняя никаких повинностей». Ко второму – бродяг скитающихся «долговременно и привыкших к праздной и порочной жизни»<sup>322</sup>.

Однако мнение казачьих командиров учтено не было и 12 февраля 1829 г. Государственный Совет принял решение: «...из Кавказской области, так и из губерний Малороссийских, Новороссийских, равно из Воронежской, Тамбовской, Астраханской, Саратовской, Слободско-Украинской и Курской бро-

<sup>319</sup> Попко И.Д. Указ. соч. – С. 459.

<sup>320</sup> Там же. – С. 450.

<sup>321</sup> Там же. – С. 460.

<sup>322</sup> Там же. – С. 461.

для здоровых, способных к работе и не старше 35 лет отсылать на Кавказскую линию для отдачи в работники к казакам», «признав меру сию полезною, как для казаков, так и к вящему прекращению бродяжничества»<sup>323</sup>.

Но уже 5 августа 1830 г. генералу Эмануэлю поступила докладная записка от капитана Пономарева, в которой сообщалось о частых побегах бродяг, определенных в работники к казакам, «разоряющих казаков покражею при побеге разного имущества ... Сии испорченные в нравственности люди нимало не чувствуют благодетельных средств правительства, клонящихся к возвращению их как к собственным их пользам в общественной жизни, так и пользам на службу правительству, и вовсе не заботятся исправиться и приспособлять себя к казачьим работам и роду службы, которую бы после трехлетней порядочной жизни в работниках могли они заслужить внимание начальства определением и водворением в казаки». Обращает он внимание и на такую закономерность, что не только бродяги по несколько раз убегают из казачьих станиц, но и нижние чины регулярных полков, чтобы избавиться от фронтовой службы, убегают, объявив себя бродягами, а так как в войска, расположенные на Кавказской линии, направляют «арестантов из разных российских губерний довольно в большом количестве, то вред, вполне очевиден». Просят не присылать больше бродяг<sup>324</sup>.

Тем не менее, в 1831 г. был издан новый Указ, который подтверждал, что «людей, зашедших в Кавказскую область всех узаконенных видов» и «проживших здесь от 2-х до 12 лет, способных к казачьей службе», можно «причислять навсегда, с имеющимися при них семействами в Линейное казачье войско, прочих же занимать в казенное ведомство и обложить податями»<sup>325</sup>. Указ предусматривал, что «из Кавказской области и из губерний: Малороссийских, Новороссийской, равно из Воронежской, Тамбовской, Астраханской, Саратовской, Слободско-Украинской, Курской бродяг здоровых, способных работать, не старше 25 лет, отсылать на Кавказскую линию для отдачи в работники к казакам». Бродяги, которые по истечение трех лет, будут признаны «в поведении добропорядочными» причислять к сословию казаков<sup>326</sup>. Данный указ предполагал, что после трехлетней беспорочной жизни в работниках у казаков, при положительных рекомендациях станичного общества, бывшие бродяги могли зачисляться в казачье сословие, но должны «оставаться во всегдашнем безбрачии»<sup>327</sup>.

Постоянные жалобы войсковых правлений возымели действие и 14 февраля 1833 г. «Государь император высочайше повелеть соизволил: приписку всех тех, кои задержаны будут за неимение законных видов и

<sup>323</sup> Попко И.Д. Указ. соч. – С. 461.

<sup>324</sup> Там же. – С. 462-463.

<sup>325</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.2010, л.239.

<sup>326</sup> Там же.

<sup>327</sup> ГАКК, ф.670, оп.1, д.35, л.25.

назовутся непомнящими родства, в работники к казакам Астраханским и Кавказским, равно как и ссылку в Сибирь на поселение, немедленно прекратить и прием оных туда совершенно запретить<sup>328</sup>.

Однако за время действия указов, образовался слой «новообращенных» казаков из бродяг, мало адаптированных к новому образу жизни. В архивных документах много дел о зачислении в казачье сословие бродяг. Следует отметить, насколько тщательно рассматривался каждый случай. Часто оказывалось, что бродяги были крепостными крестьянами. Так был исключен из казачьего сословия бродяга Сергей Цынбалов, оказавшийся крепостным князя Нарышкина<sup>329</sup>.

С 1834 г. наблюдался обратный процесс. 8 февраля Правление Кавказской области обратилось с просьбой «на обращение в солдаты тех бродяг, зашедших в Кавказскую область, которые, прослужив определенное время в работниках у казаков, поступили уже в казачье сословие, но, не имея семейств», не в состоянии «по одиночеству обзавестись хозяйством и содержать себя приличным образом» и как неимущие согласно приказу Святейшего Синода они не имеют права и вступать в брак. Следовательно, они не могут быть полезными казачьему сословию<sup>330</sup>. Вместе с тем, они просят распространить и на Кавказскую область действие закона от 22 марта 1828 г., разрешающим бродягам ссылаемым в Сибирь вступать в брак, но только для тех кто «после трехлетней беспорочной бытности в работниках по одобрительному засвидетельствованию станичных старшин и почетных казаков зачислены в казачье звание и пожелают вступить в брак, если доброе их поведение неподвержено никакому сомнению», при обязательном наличии документов, подтверждающих «о действительном их прежнем звании, местожительстве, были ли холосты или обзаведены браком, где и с кем совершенном, и если жены их умерли, то когда и где именно»<sup>331</sup>. Тех же «бродяг в казаки уже поступивших», но «поведением ненадежны» или не желающие обзаводиться семьями, признать «бесполезным в казачьем сословии» и согласно с постановлением 1833 г. отдавать в солдаты, военно-рабочие, арестантские роты, «или же в крепостные работы, к чему более годными и способными окажутся»<sup>332</sup>.

Таким образом, казачество, некогда открытое для людей ищущих свободу, превратилось в XVIII-XIX вв. в общество замкнутое, со строго организованной системой хозяйства, со сложившейся системой самообеспечения, строго следившее за рациональным использованием людских ресурсов с точки зрения полезности обществу.

<sup>328</sup> Попко И.Д. Указ. соч. – С. 463.

<sup>329</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.1392, л.1-7.

<sup>330</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.1537, л.4.

<sup>331</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.1537, л.5.

<sup>332</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.1537, л.5.

## РАЗДЕЛ 6. ПРИЧИСЛЕНИЕ СОЛДАТ И ВОЕННЫХ ПОСЕЛЯН В КАЗАКИ

Одним из источников увеличения численности казачьих войск в XIX в. были русские солдаты, проходившие службу на Кавказе, и военные поселяне. Во время консультаций, проходивших у императора в конце 1815 г. – начале 1816 г. по вопросу устройства военных поселений, Александр I предлагал организовать войска вдоль западной границы по примеру казачьих полков. Однако под давлением А.А. Аракчеева было принято решение о создании замкнутой единицы в виде округа поселения отдельного пехотного или кавалерийского полка<sup>333</sup>.

Российская администрация, столкнувшись с проблемой заселения и укрепления пограничных территорий Кавказа, стала рассматривать вопрос о создании и здесь военных поселений. Сенатор Д. Мертвый, ревизовавший Кавказскую губернию в 1818 г., предложил «границу укреплять людьми военными». При этом он подчеркивал, что если расположить здесь регулярные части, то это дорого обойдется для казны, да и приведенные из северных губерний рекруты не выдержат местного климата. Потери в этом случае достигали бы до половины вновь прибывших. Однако если они все же привыкнут к новым условиям, то по истечению около 30 лет окажутся людьми «суть новой женерации». Именно эти старожилы и должны «составить оплот охранительный, обратя их в состояние казаков»<sup>334</sup>.

С этой же целью генерал А.П. Ермолов предлагал направлять в отдельный Кавказский корпус преимущественно женатых нижних чинов с семьями, а также перевести сюда жен рекрутов набора 1820 г., что позволило сформировать так называемые «женатые роты».

Во второй половине 20-х гг. И.Ф. Паскевич первым разработал план создания ряда укрепленных военных поселений на Военно-Грузинской дороге от Владикавказа до Казбека, но война с Ираном и Турцией помешала его реализовать<sup>335</sup>.

В 1834-1835 гг. Г.В. Розен по поручению Николая I разработал «Положение о военном поселении на Кавказе», утвержденном 10 октября 1837 г. А в 1838 г. по высочайшей воле Государя Императора был издан указ о водворении на Кавказе женатых нижних чинов по выслуге 15-20 лет «отдельными поселениями под названием военных поселян»<sup>336</sup>. Строительство военных поселений на Кавказе отличалось от поселений возле Новгорода и на юге Украины и преследовало несколько иные цели. Предполага-

<sup>333</sup> Ячменихин К.М. Военные поселения в России (история социально-экономического эксперимента). – Уфа, 1994. – С. 16.

<sup>334</sup> Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе... – С. 100.

<sup>335</sup> Ячменихин К.М. Военные поселения в России... – С. 18-19.

<sup>336</sup> ГАКК, ф.257, оп.1, д.16, л.16 об

лось, во-первых, дать оседлость воинам, служившим на Кавказе долгое время, и, тем самым, «умножить ими Русское народонаселение в землях горских народов». Во-вторых, обеспечить «безопасность границ и путей сообщений от враждебных набегов». В-третьих, через военных поселян способствовать развитию земледелия, торговли и промышленности у горских народов. Правительство надеялось, что «посредством взаимных нужд и взаимной пользы» будет заложено «прочное основание к сближению с племенами до сего нам чуждыми»<sup>337</sup>.

Военные поселения на Кавказе не составляли округов, подобно военным поселениям в других регионах России, а учреждались в двух видах: 1) отдельными поселениями; 2) при постоянных штаб-квартирах войск<sup>338</sup>.

Согласно Положению предполагалась следующая их дислокация на Кавказской линии: «1) На левом берегу реки Сунжи от крепости Грозной до впадения Сунжи в Терек, и далее от соединения сих рек на юго-восток, во владениях Кумыкских, до гор Качалыковских. 2) В Большой и Малой Кабарах; на Военно-Грузинской дороге и на Кабардинской и Кисловодской линиях ... По заселении сих линий, военное поселение может быть предпринято близ Кубанских наших укреплений, и наконец, за Кубанью, по усмирении Закубанцев». Всего в военных поселениях предполагалось водворить: на реке Сунже – 600 семейств, в Большой и Малой Кабарде – 900<sup>339</sup>.

В Положении определялись права и обязанности поселян: лишиться звания «военный поселянин» можно было только по суду; они освобождались от платежа податей и по истечении первых пяти лет после водворения выполняли ряд земских повинностей – ремонт дорог, конвоирование арестантов, содержание воинского постоя; после десяти лет – содержание почт, обеспечение подводами проходящие войска, а также содержание сельских больниц и школ. Главная обязанность поселян, кроме охраны поселений, заключалась в добросовестном занятии земледелием, скотоводством, ремеслами и промыслами. Они должны были иметь специальную одежду «по примеру казаков Кавказского линейного войска».

В июле 1836 г. в 25-ти верстах от Владикавказа «предпринято было в виде опыта поселение 20-ти женатых нижних чинов, с незначительным пособием от казны, состоящим из 190 р. асс. на каждое семейство». А.А. Вельяминов, осмотрев через год данное поселение, пришел к выводу, что «сей небольшой опыт поселения, с незначительным расходом от казны, при весьма неблагоприятной местности для земледелия и скотоводства и даже не совсем удобной для устройства самих жилищ, подает надежду на успех предначиненного поселения в разных плодородных местах кавказского края»<sup>340</sup>.

<sup>337</sup> ПСЗ-2. – Т.12. – № 10576. – С. 770.

<sup>338</sup> Там же.

<sup>339</sup> ПСЗ-2. – Т.12. – № 10576. – С. 771.

<sup>340</sup> АКАК. – Т.8. – С. 382.

В 1838 г. появились военные поселения на Военно-Грузинской дороге – Николаевское и Александровское. С января 1839 г. начиналось заселение военного поселения у Нальчикской крепости, основанного «нижними чинами» Кабардинского егерского полка, всего 82 человека, в июне 1840 года их число достигло уже 156 человек<sup>341</sup>. В 1840 г. предполагалось переселить в Александровское 200 семей, однако отведенный участок был вытянут вдоль дороги, поэтому приняли решение о строительстве самостоятельного поселения, получившего название Котляревского<sup>342</sup>.

К 1841 г. на Северном Кавказе существовало четыре отдельных военных поселения на Военно-Грузинской дороге: Котляревское (общая численность 300 человек), Александровское (486 человек), Николаевское (599 человек), Ларское (37 человек); и три при штаб-квартирах на Кавказской линии: Нальчикское (Кабардинский егерский полк – 168 человек), Грозненское (Куринский егерский полк – 575 человек), Владикавказское (Кавказский линейный батальон – 343 человека)<sup>343</sup>. За земли, отведенные под поселения, владельцы Анзоровы, князь Казиев и подполковник Джанхотов получили денежную компенсацию<sup>344</sup>.

На Лабинской Линии основывались станицы, большую часть населения которых составили солдаты. Станицу Некрасовскую заселили 200 семейств женатых солдат, 27 семей линейных казаков и 73 семей переселенцев из великорусских губерний; станицу Темиргоевскую – 200 семей женатых солдат, 94 семейств линейных казаков и 69 семейств переселенцев из великорусских губерний<sup>345</sup>. Для формирования второго пешего батальона на Лабинской Линии предполагалось основать три новые станицы, расположив их между станицами Некрасовской и Тенгинской, Тифлисской и Воздвиженской, а также на реке Чамлык между Воздвиженской и Чамлыкской. В каждой из них водворялись по 300 семейств женатых солдат, которые прослужили в регулярных полках по 15-20 лет и «более или менее знают фронтную службу»<sup>346</sup>.

Однако, как показала действительность, за время службы в армии военные поселенцы совершенно отвыкли от хозяйственной деятельности. Власти на Кавказе вынуждены были оказывать помощь в обустройстве поселений, выделять земли для посевов и сенокосов, деньги на обзаведение хозяйством, во время посева озимых и яровых направлять по два казака для обучения хлебопашеству<sup>347</sup>. Начинаясь постепенный процесс перевода их в казачье сословие. В первую очередь это коснулось тех населен-

<sup>341</sup> Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 2000. – С. 29.

<sup>342</sup> Тхамокова И.Х. Указ. соч. – С. 30.

<sup>343</sup> Ячменихин К.М. Военные поселения на Кавказе ... – С. 24.

<sup>344</sup> Кабардино-русские отношения ... – С. 82-83.

<sup>345</sup> ГАКК. Ф.257, оп.3, д.16, л.12 об., 13.

<sup>346</sup> ГАКК, ф.257, оп.3, д.16, л.20, 20 об.

<sup>347</sup> Омельченко И.Л. Терское казачество. – Владикавказ, 1991. – С. 105.

ных пунктов, в которых был смешанный в социальном отношении состав. Приказом военного министра от 23 ноября 1842 г. военные поселения Владикавказское, Александровское и Котляревское были присоединены к Владикавказскому казачьему полку, военные поселяне причислены в казаки, а поселения переименованы в станицы. В 1843 г. слобода Николаевская, состоящая из женатых солдат Куринского егерского полка, обращена в казачье сословие и причислена к Гребенскому полку<sup>348</sup>. В документе отмечалось, что «хотя служба их весьма усердна и полезна, но они еще удальством своим и наездничеством не могут сравниться с коренными казаками старого населения Линейного Войска»<sup>349</sup>.

Окончательно нецелесообразность существования на Кавказе военных поселений стала очевидна в 1850 г. По мнению официальных властей, военные поселения не выполнили основных целей. Прежде всего, отставные солдаты оказались не приспособленными к полевым работам, так как они продолжали нести службу, занимавшую практически все время. По существовавшему положению дети военных поселян, кроме одного помощника, зачислялись в кантонисты, а в 20 лет поступали на 15 лет на военную службу. Возвращались они в военные поселения «мало приспособленными и столько же негодными к земледелию как и отцы их»<sup>350</sup>.

Более того, Наместник на Кавказе и Главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом князь М.С. Воронцов, анализируя положение военных поселений на Кавказской Линии, отмечал, что они оказались мало приспособленными и для охраны границы, так как здесь нужна «сплошная линия» и не пешие, а кавалерийские части, такие как казаки.

Подводя итог 25-летнего существования военных поселений, наместник на Кавказе Н.Н. Муравьев (Карский) в июле 1856 г. писал военному министру Н.О. Сухозанету: «На опыте оказалось, что, желая достигнуть одним учреждением двух разнородных предметов, мы не достигли военными поселениями ни одной из предложенных целей: поселяне не только не оберегали границ и сообщений, но сами требовали войск для своей обороны, и не только не могли достигнуть того благосостояния в земледелии, торговле и промышленности, которого от них ожидали и которое могло бы служить примером для туземцев, но едва только в состоянии были существовать безбедно»<sup>351</sup>.

Все, оставшиеся военные поселения были разделены на два разряда: «а) водворенные на Кавказской линии; б) водворенные за Кавказом...»<sup>352</sup>. К первому разряду отнесли 1-е Ларское на Военно-Грузинской дороге, 2-е

<sup>348</sup> РГВИА, ф.644, оп.1, д.117, л.9.

<sup>349</sup> Там же.

<sup>350</sup> РГИА, ф.1268, оп.1, д.386, л.5.

<sup>351</sup> Цит. по: Ячменихин К.М. Военные поселения на Кавказе в 30-е – 50-е гг. XIX в. ... – С. 27.

<sup>352</sup> РГИА, ф.1268, оп.1, д.386, л.7.

Нальчикское в Большой Кабарде, Железноводское при Кавказских Минеральных водах и Грозненское на левом фланге Кавказской линии. Всего 1 134 души, в том числе 582 мужского пола<sup>353</sup>.

7 сентября 1850 г. приказом императора Николая I эти военные поселения были причислены к Кавказскому линейному казачьему войску<sup>354</sup> на следующих основаниях. В Ларском поселении, испытывавшем недостаток земли, из 10 семей пять согласились переселить в Сунженскую станицу, остальные оказались «дряхлыми и слабыми здоровьем». Из 54 семей (147 душ м.п.) Нальчикского поселения 42 семьи изъявили желание поселиться в Волгском казачьем полку, 3 – в Горском, 9 – воспользоваться отставкой<sup>355</sup>. 30 семей (84 души м.п.) Железноводского поселения были причислены к 2-ому Волгскому казачьему полку. 149 семей (539 душ м.п.) Грозненского поселения было решено обратить в станицу Сунженского полка<sup>356</sup>. Начальнику левого фланга, на которого возлагалась обязанность переводить грозненских поселян в казачье сословие, предлагалось «по мере упрочения их хозяйства, требовать от них исполнения обязанностей внутренней и внешней казачьей службы и определенных повинностей»<sup>357</sup>. Военным поселянам Железноводского и Грозненского поселений по перечислении их в казаки, предоставляли «льготу от службы и земских повинностей, кроме защиты своих станиц на один год», в случае необходимости этот срок продлевался до двух. Кроме того, «если бы встретилась необходимость в пособии сим поселянам на обзаведение лошадьми и оружием, то расход по этому предмету отнести на общественную поселянскую сумму»<sup>358</sup>.

Процесс этот проходил не безболезненно. Так, объявление о предстоящем переселении вызвало массовый протест нальчикских военных поселян, которые попросили отставку и изъявили желание быть зачисленными в Нальчикскую инвалидную команду. Однако в ответе командования 6 октября 1850 г. говорилось, что «отменить переселения нальчикских военных поселян с настоящего места водворения нельзя, да и собственные их выгоды требуют непременно этого переселения, ибо в Кабарде со временем было бы для них больше стеснения, тогда как на новых местах им будет привольнее»<sup>359</sup>.

К.М. Ячменихин, сравнивая военные поселения на Кавказе с поселениями и округами пахотных солдат в других регионах страны, отмечал, вопервых, что они создавались не во внутренних губерниях и были призваны

<sup>353</sup> РГИА, ф.1268, оп.1, д.386, л.7 об.

<sup>354</sup> ПСЗ-2. – Т.25. – № 24473. – С. 752-753.

<sup>355</sup> Там же.

<sup>356</sup> РГИА, ф.1268, оп.1, д.386, л.8 об.

<sup>357</sup> ПСЗ. – Т.25. – С. 752.

<sup>358</sup> Там же. – С. 752-753.

<sup>359</sup> Бальжатова Н.А. В казаки – из военных поселян // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир, 2002. – С. 28.

играть роль опорных пунктов при колонизации края; во-вторых, учитывая их главную особенность, правительство освободило их от уплаты оброка (пахотные солдаты) и содержания продовольствием регулярных войск (поселения округов кавалерии на Украине). Следовательно, в сословной иерархии они ближе всего находились к казачеству<sup>360</sup>, что, очевидно, и повлияло на их перевод в казачье сословие после упразднения поселений.

Положение 1850 г. запрещало в дальнейшем водворять женатых нижних чинов отдельными поселениями. Вместе с тем, чтобы не отнимать у них право «водворения по выслуге беспорочно 15-20 лет», разрешалось поселять их на передовых линиях в казачьих войсках. Только на Лабинской и Сунженской линиях расселили в 1849 г. – 138, в 1850 г. – 122 и в 1851 году – 230 семейств<sup>361</sup>. Правление Наказного атамана было обеспокоено тем, что «поселяне эти имеют семейства малочисленные и мало рабочих рук, и, по крайней мере, часть из них мало способна к казачьей службе». И потому, обращалось с просьбой водворять бывших солдат во вновь учреждаемых или уже учрежденных станицах на передовых линиях, а не в старых, а также направлять только тех, кто имеет хотя бы по одному сыну<sup>362</sup>.

В 1847 г. и 1848 г. действовало положение, по которому владельцам крестьян, из которых происходят нижние чины и их семьи, произведенные в казаки для заселения Сунженской и Лабинской линий, полагалось вознаграждение<sup>363</sup>.

По подсчетам Н.В. Вариводы, к середине XIX в. в составе терского казачества отставные солдаты и военные поселяне в полковых округах составили: Кизляро-Гребенском – 1,5 %; Горско-Моздокском – 0,9 %; Волгском – 3,1 %; Владикавказском – 22,2 %; Сунженском – 14,3 %<sup>364</sup>.

Много нижних чинов регулярных войск, служба в крепостях на Кавказской линии, после выхода в отставку оставались на местах. При крепостях образовывались фортштадты, населенные отставными нижними чинами. Жители фортштадтов, находясь в ведении крепостного начальства и не отбывая никаких повинностей, занимались доставкой дров и продуктов в крепости, а также различными хозяйственными работами, на отведенной бесплатно в их пользование земле. С упразднением крепостей жителям фортштадтов было предложено перейти в казачье сословие и переселиться на передовые линии или расселиться по малолюдным станицам. Не же-

<sup>360</sup> Ячменихин К.М. Военные поселения на Кавказе... – С. 28.

<sup>361</sup> ГАКК, ф.257, оп.1, д.16, л.16-16 об.

<sup>362</sup> Там же, л.17.

<sup>363</sup> ГАСК, ф.68, оп.1, д.7846, л.1.

<sup>364</sup> Варивода Н.В. Механизмы «искусственного» роста Терского казачества в первой половине XIX в. // Научное-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2004. – С. 379; Пылков О.С. О причислении в казаки служащих и отставных российских солдат Кавказского корпуса в первой половине XIX в. // История и обществознание. – Вып. VI. – Армавир, 2008. – С.8.

лающие перейти в казачье сословие должны были арендовать землю у казаков или переселиться на другие места<sup>365</sup>.

Постоянным источником пополнения казачьих рядов являлись солдаты регулярных войск, служившие на Кавказе. Основанием для зачисления, как правило, было личное желание женатых солдат или же женитьба на казачке. При этом обязательно соблюдались определенные условия. Пытаясь быть обществом закрытым, казачество строго регулировало семейно-брачные отношения. В правление Кавказского линейного казачьего войска обратились с представлением о «дозволении выдавать казачьего сословия девиц и вдов замуж за иногородних или за солдат». 2 мая 1838 года по Кавказскому линейному казачьему войску был издан приказ (№ 33), не позволявший этого делать. Исключение составили бездетные вдовы и круглые сироты, у которых не было никакого имущества<sup>366</sup>. Переход солдат в сословие казаков происходил двумя возможными путями: приписывались военные поселяне и солдаты вступали в брак с вдовами и девицами. Статистика показывает, что на казачьих территориях численность мужского населения всегда превышало женское. Очевидно, это стало одной из причин существования запрета выдавать «вдов и девиц казачьего сословия за посторонних лиц»<sup>367</sup>. Обязательным условием становится личное желание «быть зачисленным в сословие казаков». В фондах РГВИА сохранилась масса свидетельств о том, что вдовы и девицы просили разрешения на вступление в брак с рядовыми, которые причислялись в казачье сословие Кавказского линейного казачества «навсегда и с потомством»<sup>368</sup>. Унтер офицер Никифор Карпов в прошении писал: «Как выдача вдов и девиц казачьего сословия за посторонних лиц воспрещается, то я имею желание быть зачисленным в сословие казаков Моздокского полка»<sup>369</sup>. Разрешение на брак должно давать станичное правление, обязательным условием при этом была помощь родственников будущей жены: «... на снаряжение их на таковую им начально помогут родственники будущих жен, при этом Полковое правление докладывает, что станичное правление Кавказской станицы за то, что вошли с представлением по сему предмету ...»<sup>370</sup>. Разрешение на брак с представителями других сословий разрешалось лишь в том случае, если не находились претенденты из казачьей среды. В прошении вдовы казачки Прасковьи Золоторевой говорится: «В июне 1856 г. погибает муж ... и я с того времени находясь вдовой при двух малолетних детях, не имею никаких средств к поддержанию

<sup>365</sup> Шамрай В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области... – С. 84.

<sup>366</sup> ГАКК, ф.670, оп.1, д.39, л.169.

<sup>367</sup> РГВИА, ф.1058, оп.1, д.20, л.40.

<sup>368</sup> РГВИА, ф.1058, оп.1, д.20, лл.3,7, 9,10, 16, 20-21, 22-23, 25, 35, 67, 51, 76, 94-100.

<sup>369</sup> РГВИА, ф.1058, оп.1, д.20, л.40.

<sup>370</sup> РГВИА, ф.1058, оп.1, д.10, л.20.

своего хозяйства, которое произошло уже в совершенное разорение, и я в течение трех лет не могла приискать себе из числа казаков, за кого-либо замуж, в настоящее время рядовой 3-ей роты Тенгинского полка Мариам Ковалевский, с условием поступить в казачье сословие»<sup>371</sup>. Как правило, в брак с отставными солдатами вступали те, кто по разным причинам не могли найти себе мужей среди казаков<sup>372</sup>.

При образовании Черноморского казачьего войска было оговорено, что нижние солдатские чины и их семьи не могут быть приняты в станичные общины и внесены в ревизские сказки, как и их дети. Они «не могут быть записаны ни в подушный оклад, которого в войске не существует, ни в казачье сословие без особенного на этот последний предмет разрешения от высшего начальства»<sup>373</sup>. На рапорт наказного атамана Черноморского войска от 31 марта 1844 г. последовало предписание, что согласно которому «не дозволяется отставных нижних чинов, служивших в армейских полках, кроме уроженцев из малороссийских казаков, зачислять в войско, а потому они не должны водворяться на землях, оному принадлежащих, ни по какому случаю считаться на временному пребывании, а дети их кантонистами, хотя бы женаты были на казачках, если же подобные нижние чины пожелают зачислиться в войско, то они должны подавать о том прошения с представлением паспортов об отставке и подписок, что они по зачислении в казаки останутся навсегда в этом звании и прошения эти должны представляться на разрешение г. главнокомандующего войсками, а без того не должно допускаться водворяться на землях оному принадлежащих»<sup>374</sup>.

В 60-х гг., когда упростилась процедура зачисления в казаки и вопрос решался на местах, для гражданских и военных чинов обязательным было разрешение военного министра<sup>375</sup>.

Во второй половине XIX в. число солдат, водворяемых в казачьих станицах, резко сокращается. В 1861 г. отказ солдатам объяснялся тем, что не было дано согласия главнокомандующего на «отправление нижних чинов для поселения на Кавказской линии и зачисления солдат в казачье сословие»<sup>376</sup>. Хотя по-прежнему, женитьба отставного солдата на казачке, давала право быть зачисленным в казаки.

В 1860-1861 гг. рассмотрено 270 дел о зачислении в казаки рядовых солдат после вступления в брак с казачьими вдовами и девицами<sup>377</sup>. В

<sup>371</sup> РГВИА, ф.1058, оп.1, д.20, л.51.

<sup>372</sup> РГВИА, ф.1058, оп.1, д.20, л.76, 227.

<sup>373</sup> Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края // Вып.1. Кубанская область. Статистический очерк. – Екатеринодар, 1906. – С. 120.

<sup>374</sup> Там же. – С. 122.

<sup>375</sup> Памятная книжка ... – С. 11.

<sup>376</sup> ГАКК, ф.257, оп.1, д.34, л.1-1 об.

<sup>377</sup> РГВИА. Ф.1058, оп.1, д.20, л.3-7.

прошении уволенного со службы унтер-офицера Никифора Баздырева записано: «так как выдача вдов и девиц казачьего сословия за посторонних лиц воспрещается, то я имею желание быть зачисленным в сословие казаков Моздокского полка»<sup>378</sup>.

В 1874 г. Министерство Внутренних дел разослало циркуляр, требующий составления списка нижних чинов регулярной армии, поступивших на службу из помещичьих крестьян, и зачисленных в казаки в 1859 и 1864 г., водворенных в новых станицах Кубанского войска. Предполагалось отправление на Кавказ и детей их.

Таким образом, в 50-х XIX в. в этнокультурной среде линейного казачества, появился слой «солдаказаков» – так называли солдат, поселенных в это время в станицах и переименованных в казаки.

---

<sup>378</sup> РГВИА, ф.1058, оп.1, д.20, л.40.

## **РАЗДЕЛ 7. «ИНОРОДЦЫ» В СРЕДЕ КАВКАЗСКОГО ЛИНЕЙНОГО И КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА (XVIII – XIX ВВ.)**

Кавказское линейное казачество существовало в сложных геополитических реалиях Северного Кавказа, занимая южные приграничные территории России. История казачества это и охрана вновь создаваемых границ, и участие казаков в военных действиях против враждебных стран, внешнеполитических противников России, выступление против северокавказских владельцев антироссийской ориентации. Она полна примеров взаимных набегов, угона скота, захвата пленных и т.д. С другой стороны, буферные, контактные зоны, расселения казаков становились территорией культурного взаимодействия. Казачество, оказавшись в непосредственной близости от северокавказских народов, для одних являлось воплощением враждебной российской государственности, для других – притягательной силой, как гарант стабильности. Северокавказская среда выступала одним из источников пополнения рядов казаков, но механизм перехода и степень адаптации к новым этнокультурным условиям жизни менялись на разных этапах, и должны рассматриваться с учетом тех исторических процессов, которые протекали на Северном Кавказе.

В этой связи, несомненный интерес представляет точка зрения В.Б. и Б.В. Виноградовых на проблему «мухаджирства», под которым в кавказоведческой литературе подразумевается, прежде всего, переселение народов Северного Кавказа на территорию Османской империи<sup>379</sup>. Исследователи предложили, как одну из его составляющих, рассматривать и случаи «добровольного переселения тех или иных групп «туземного» кавказского населения в границы Кубанско-Терской линии, в среду и под защиту линейных казачьих станиц<sup>380</sup>. Таким образом, «мухаджирство» может трактоваться как движение разнонаправленное: и в сторону Османской империи, и в сторону России. Более того, если подойти к «мухаджирству» как явлению историческому, отталкиваясь от его основополагающей идеи, то очевидно, можно говорить, что проблема переселений затрагивала не только северокавказские народы, немало примеров этому можно найти и в истории казачества.

В конце августа 1708 г. на Кубань переселились донские казаки под предводительством Игната Некрасова, оказавшиеся таким образом на территории Крымского ханства. Исследователь истории некрасовских казаков

---

<sup>379</sup> Виноградов В.Б., Виноградов Б.В. «Мухаджирство» в историческом контексте (полемиические заметки) // Проблемы Всеобщей истории. Вып. 6. – Армавир, 2000. – С.150-153.

<sup>380</sup> Шаова С.Д., Жилиев Д.В., Баисова М.В. Горское «мухаджирство» к линейным казакам // Из истории и культуры линейных казаков Северного Кавказа. – Армавир, 2000. – С. 43.

Д.В. Сень считает, что привлекательность для донских казаков кубанского региона могла обуславливаться определенной близостью хозяйственно-культурных типов донцов и мусульманского населения региона – крымских и ногайских татар, военизированным образом жизни, привычными способами пополнения «казны и пожитков»<sup>381</sup>. После смерти Игната Некрасова в 1737 году, начиналась миграция казаков-некрасовцев за пределы Кавказа. В результате, в первой трети XIX в. в среде некрасовцев сформировались три группы, территориально оторванные друг от друга: на Дунае (в Добрудже), в Малой Азии (Майнос и Кызыл-Ирмак) и в Закубанье<sup>382</sup>.

Известны случаи переселения казаков и под покровительство северокавказских народов. Н.Н. Великая приводит данные арабской карты Чечни конца 40-х гг. XIX в., где на левом берегу реки Хулхулау указаны ряд домов с припиской – «это кельи русских, твердых в своей вере». В 1851 г. 20 казаков с женами, детьми и двумя священниками просили земли у Шамиля<sup>383</sup>. Переходили на сторону северокавказских народов казаки по одиночке или группами. Наиболее показательна в этом отношении судьба наурского казака Семена Атарщикова, который вместе с двумя казаками Хоперского полка Василием Ваневым и Ефимом Петренко, бежал к горцам<sup>384</sup>.

Переселение же северокавказских народов под покровительство казачьих станиц, следовательно, и России, ставит вопрос о судьбе этих переселенцев и степени интеграции северокавказского компонента в среду кавказского казачества.

По данным на 1877 г., «инородцы» в основном входили в состав Кизляр-Гребенского и Горско-Моздокского округов, численность их соответственно составляла 7,2 и 4,3 тыс. человек. В юбилейном выпуске, посвященном трехсотлетию Терского казачьего войска, при анализе этнического состава, отмечалось, что «инородческий элемент в Кизляр-Гребенском полку составляют теперь почти одни грузины, жившие в станицах Шелковской и Александровской. Куда же девались кумыки, кабардинцы и другие туземцы, пополнявшие состав старого Терско-Кизлярского войска? Они исчезли: или через отпадение, или через поглощение: первое осуществлялось переходом из казачества в другие сословия; а последнее принятием христианства и обрусением. Не упустим из вида, что там всегда состоял особый класс служилых казаков под именем «новокрещенов», – через этот класс и совершался последний процесс»<sup>385</sup>.

Следовательно, можно выделить две основные тенденции: ассимиля-

<sup>381</sup> Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). – Краснодар, 2002. – С. 38.

<sup>382</sup> Очерки традиционной культуры казачества России. – Т.1. – Москва-Краснодар, 2002. – С. 230.

<sup>383</sup> Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. – Ростов н/Д, 2001. – С. 143-144.

<sup>384</sup> Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. – Армавир, 1993. – С. 83-84.

<sup>385</sup> Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577-1877 / сост. А. Писарев. – Владикавказ, 1881. – С. 44.

ция северокавказских народов казачьей средой и существование обособленных инородческих групп, определившихся на этапе перевода казаков в сословное состояние. Первая тенденция начинает проследиваться с момента формирования общин казаков на Северном Кавказе. Как неоднократно отмечалось исследователями, казаки, изначально представляя исключительно мужское население, роднились с местными северокавказскими народами, беря себе жен из их среды, а также принимали в свою среду отдельных представителей. А.Н. Мануйлов, говоря об этнических стереотипах, связанные с выбором брачного партнера, считает, что как в XVI, XVII, XVIII вв., так и в конце XIX – начале XX в., наблюдалось «невнимание» казачьей семьи к этническому происхождению предполагаемого брачного партнера. Это, по его мнению, свидетельствовало об иной, отличной от этнической сущности казачьей самоидентичности и единства культурной традиции<sup>386</sup>. Вывод далеко не бесспорный, так как на определенном этапе, казачество становится обществом замкнутым, отдающим предпочтение бракам только внутри казачьего этника, и даже внутри отдельной территориальной группы. Но если этнический стереотип не всегда являлся определяющим, то конфессиональный мы рассматриваем как этнообразующий, так как обязательным условием перехода в казаки являлось принятие христианства.

К казакам северокавказские народы уходили по разным причинам: те, кого ожидало у себя на родине наказание за всевозможные преступления или кровная месть; убегали к ним рабы. «А которые ... иноземцы, а вышедши из Кумык, крестились в православную христианскую веру, и вы б тех не отдавали», сообщалось в Посольской грамоте 1633 г. С.А. Козлов приводит документ XVII в., который сообщает, что брагунский полоняник бежал в казачий Сарафанников город и крестился в православную веру. Крестил его терский воскресенский поп Козьма, «имя ему во крещении дано Сенька Козьмин и он «жил крещен в казачьих городках»<sup>387</sup>.

Побеги под покровительство казаков, очевидно, были явлением распространенным, что приводило к осложнению отношений с северокавказскими владетелями. Тем не менее, 31 июля 1747 г. был издан указ Коллегии иностранных дел согласно которому:

«1-ое. Когда российской нации от кумыцких и кабардинских владельцев в Кизляр уходить будут, не отдавать их обратно, но отсылать на прежнее жилище, туда, откуда взяты в плен; а когда того не упомянут, отбирать желанья, в казаки ли желают быть, или на пашне. В первом случае отсылать в донские и волгские казачьи городки, в последнем, в Тамбов и Козлов...

2-ое. О татарах, владельческих холопах, которые от них, владельцев, в

<sup>386</sup> Мануйлов А.Н. Статус женщины в обычном праве казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX – 20-е годы XX века). – Армавир-Краснодар, 1998. – С. 15-16.

<sup>387</sup> Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества ... – С. 120.

Кизляр уходить будут и о святом крещении просить станут (если за ними нет преступлений. – С.Г.) ... в веру греческого исповедания крестить, не смотря на владельческие просьбы, и потом, не оставляя жить в Кизляре, а отсылать или в казаки или на пашню, по желанию, как выше о Россиянах сказано...<sup>388</sup>

По неполным данным только в период 1763 г. по 1768 г. число беглецов в одиночку или малыми семьями в города Кизляр и Моздок составили 538 человек<sup>389</sup>.

Формировался и другой вариант развития отношений северокавказских народов с казаками. Уже с XVI в. инородческий элемент, вошедший в состав терского войска, селился особыми слободами вокруг Терки под именем черкас, охочан, юртовских татар, мечкизян, шибутян и новокрещенов. Они жили не только отдельно, но и представляли собой особый служилый отряд в составе войска, командование над которыми осуществлял представитель княжеского рода Джанклин.

Инородческий элемент начинает вливаться в казачью среду особенно активно в XVIII-XIX вв., когда царское правительство переводило в казаки отдельные группы кавказских народов. Эта политика была закреплена в «Положении о Кавказском линейном казачьем войске», принятом 14 февраля 1845 года, § 7 которого «дозволял» принимать в свое сословие «азиатцев разного звания». Учитывая сложную политическую обстановку на Северном Кавказе, правительство предписывало «азиатцев» размещать «преимущественно по станицам, удаленным от передовой кордонной линии». Как известно, «лица, однажды поступившие в войсковое сословие и их потомство, остаются в войске навсегда»<sup>390</sup>.

С момента, когда в регулирование численности казаков, вмешивается правительство, меняются причины и характер причисления местных народов в казаки. Наблюдаются случаи перехода в казачье сословие как единичные, так и целыми селениями, обществами; по собственному желанию или принудительно, волевым решением кавказской администрации.

В 1765 г. в Моздоке была сформирована горская команда из числа беглых осетин и кабардинцев, исповедовавших христианство. Использовались они, как кизлярские переводчики, посылаясь с почтой<sup>391</sup>. Семьи этих казаков составили в Моздоке свободное общество под названием «Казачей братии». Сообщая о происхождении этого общества, майор Кудинов писал: «По преданию общество «Казачьей братии», составилось в Моздоке из бежавших кабардинцев и осетин, кои, ученыя побег от своих

<sup>388</sup> Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. – Ч.1. – СПб., 1869. – С. 164-165.

<sup>389</sup> Маршаев Р.Г. Казачество в системе российской государственности // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – С.216.

<sup>390</sup> РГИА, ф.131, оп.59, д.242, л.6, 6 об.

<sup>391</sup> РГВИА, ф.444, оп.1, д.300, л. 48.

владельцев, поселились в Моздоке, а по разыскании их владельцами – были им возвращены; во избежании чего..., по прибытии в Моздок, один из семейства записывался в казаки и тем избавлял остальных (членов семьи) от возврата владельцам. От сего случая семейство определенного в казаки именовалось казачьею братьею»<sup>392</sup>.

Первыми поселились в Моздоке и моздокских степях осетины-цъайта. Б.А. Калоев отмечал, что осетины-цъайта отличались от более поздних осетинских переселенцев тем, что они были выходцами из всех ущелий Осетии, но наиболее многочисленными среди них были выходцы из Куртатинского и Тагаурского ущелий, где более активно проходила деятельность членов Осетинской духовной комиссии<sup>393</sup>. Поэтому, не случайно, что именно их в первую очередь попытались перевести в казачье сословие.

В 1804 году осетины, жившие по обе стороны реки Урух и страдавшие от притеснений кабардинских владельцев, также переселились на Моздокскую равнину, образовав два селения – Черноярское и Новоосетинское. Они изъявили желание «отправлять казачью службу». В 1816 г. генерал Ермолов писал генерал-майору Дельпоццо: «Прошу не упустить из виду приготовить осетин самым осторожным образом к тому, чтобы со временем составить из них некоторое ополчение, первоначально для внутренней стражи, дабы испытать их способности, а потом для охранения кордона»<sup>394</sup>. В 1824 г. во время формирования Горского казачьего полка осетины-ерашти официально вошли в состав полка, а их селения переименованы в станицы.

В январе 1827 г. генерал А.П. Ермолов предписал всех «казачьих братьев» (всего 110 человек) зачислить в казаки и передать их командиру Горской казачьей команды капитану Дадымову. Казенная палата решила передать в военное ведомство не только «казачьих братьев», но и всех осетин, живущих в Моздоке. Однако эти осетины выступили против обращения в казачье сословие. В прошении на имя Тифлисского губернатора, аргументировали свое нежелание тем, что к казачьей службе ни они, ни их предки не привыкли. На пять лет растянулось противостояние осетин и администрации, и только 24 апреля 1839 г. Тифлисский военный губернатор уведомил генерала Граббе «о неудобствах обращения моздокских осетин, черкес в казаки, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: «Дело о сем оставить в настоящем положении не давая ему ни гласности, ни ходу»<sup>395</sup>.

<sup>392</sup> Бентковский И. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Ставропольские губернские ведомости. – № 35. – 1880.

<sup>393</sup> Калоев Б.А. Моздокские осетины (историко-этнографическое исследование). – М., 1995.

<sup>394</sup> Омельченко И.Л. Указ. соч. – С. 97.

<sup>395</sup> Бентковский И. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Ставропольские губернские ведомости. – № 35. – 1880.

Во второй половине XVIII в. была сделана попытка к обращению в казаки кочевников-калмыков. 200 семей Ака-Цатонова рода, кочевавших по северо-западному побережью Каспийского моря, согласились принять христианскую веру. Русская администрация на Северном Кавказе и духовенство совершили в 1764 г. обряд крещения, и с этого времени они стали именоваться «крещеными калмыками». 3 марта 1777 г. Г.А. Потемкин приказал астраханскому губернатору Якоби переселить их на вновь основанную укрепленную линию по реке Тереку и присоединить к Моздокскому казачьему полку. Но лишь в 1833 г. калмыки сами обратились к атаману Кавказского линейного войска с прошением о наделении их землею между Маджарской и Гайдуковской соляными заставами<sup>396</sup>.

Специальная комиссия, ссылаясь на Генеральный проект размежевания по Кавказской линии, отказала им в наделе просимых территорий и одобрила предложение генерала Вельяминова о расселении их в станицах Моздокского казачьего полка. Калмыки, узнав о предполагаемом расселении их по станицам, прислали в Ставрополь 14 человек доверенных лиц, которые «об оставлении их в настоящих местах жительства по тому уважению, что переход от кочевой жизни к оседлой, перемена климата и употребление пресных вод на новых местах водворения, не менуемо подвергнет их смертности, а скотоводство – совершенному истреблению»<sup>397</sup>. Царское правительство вынуждено было разрешить калмыкам кочевать между реками Кумою и Гайдуком.

Вместе с тем, в 1839 г. 68 калмыков обоего пола хутора Птичьего Ставропольского края, принявших святое крещение, были переданы в казаки с определением им места жительства в станице Новотроицкой Кубанского войска<sup>398</sup>. В 1841 г. 234 семьи (всего 899 человек) калмыков Малодербентского улуса Кубетова рода приняли христианство и перешли в казачье сословие. В документе имеется запись: «Будет ли польза от причисления воскрещенных калмыков в состав Линейного казачества»<sup>399</sup>. В этом же фонде сохранилась переписка с Кавказским областным правлением о причислении киргиза Константинова в казачье сословие<sup>400</sup>.

Первый случай зачисления в казаки абазин относится к 1805 г.: в станице Северной Хоперского полка была поселена абазинская семья, принявшая христианство. Примерно в это же время 96 абазин зачислены в казаки Волгского полка и после крещения размещены под Георгиевском. В 1807 г. 20 клычевцев были приняты в Кубанский полк, базировавшийся в станице Прочноокопской, располагавшейся на месте нынешней Старой

<sup>396</sup> Омельченко И.Л. Указ. соч. – С. 93.

<sup>397</sup> Там же. – С. 93-94.

<sup>398</sup> ГАСК, ф.444, оп.1, д.1116, л.1-25; д.1407, л.1-484.

<sup>399</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.1060, л.1-27.

<sup>400</sup> ГАСК, ф.79, оп.1, д.993, л.1-42.

Станицы. Причем абазинскому князю Атажуку Клычеву в том же году был дан чин хорунжего<sup>401</sup>. В 1816 г. в Хоперский полк были приняты 109 военнопленных поляков и абазин.

В 1790 г. у Георгиевска кабардинцами, абазинцами и закубанскими татарами был основан аул Бабуковский. В 1821 г. по приказу генерала Ермолова из жителей аула сформировали военную сотню и подчинили командиру Волгского полка. О.В. Ктиторова отмечает, что «упомянутые в рапорте генерала Ермолова 85 человек, были кумскими абазинами, которые окрестились и поступили в семейства казаков Волгского полка, где и службу несут наряду с другими», а так как в документе не указано время зачисления в линейное казачество этих абазинцев, не ясно, идет ли речь об уже упоминавшихся или новой группе горцев<sup>402</sup>. В августе 1822 г. ее преобразовали в казачью сотню Екатериноградской станицы и ввели в штат Горского полка. Одновременно аул переименовали в станицу, а жителей обязали выполнять квартирную повинность, мужское население призывалось на службу с присвоением им форменной одежды Волгского полка. Зачисление бабуковцев в казачье сословие вызвало решительное сопротивление. Противостояние закончилось только в 1861 г.: половина населения станицы Бабуковской была освобождена от «казачьего ведомства» и расселена по мирным аулам<sup>403</sup>.

Неудачной оказалась попытка превращения и армянских переселенцев в казаки. В 1798 г. закавказские армяне, приняв подданство России, поселились около Кизляра в трех селениях: Дербентском, Карабаглинском и Малахалинском. В 1834 г. правительство приняло решение об обращении их в казачество<sup>404</sup>. В прошении от 25 марта 1835 г. армяне, отказываясь вступать в казачье сословие, писали, что они не чувствуют «себя совершенно сродственными казачьей службе», умоляют правительство избавить их от казачьего сословия и оставить «в правах и обязанностях коим были состояния указа 2 декабря 1832 года .., а если правительству угодно будет занятые нашими поселениями земли ... очистить», то они охотно на все согласятся. Многолетняя переписка не принесла желаемых результатов: лишь незначительная часть вступила в войсковое сословие и, получив право вступления в торговое общество, осталась на месте. Остальные же, по предписанию командования кавказского корпуса от 17 августа 1835 г. № 772, переселились на земли, лежащие по правой стороне Мокрой Буйволы, Грязнушки и Грушевки<sup>405</sup>.

<sup>401</sup> Шаленная О.В. К вопросу о связях абaziнов с линейцами Средней Кубани // Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска. – Армавир, 1996. – С. 22.

<sup>402</sup> Ктиторова О.В. Абазины на службе в Кавказском линейном казачьем войске // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир, 2002. – С. 48.

<sup>403</sup> Омельченко И.Л. Указ. соч. – С. 94-95.

<sup>404</sup> РГВИА, ф.383, оп.29, д.300, л.17.

<sup>405</sup> Омельченко И.Л. Указ. соч. – С. 95-96.

В 1832 г. принимается решение о переводе в казачье сословие армян и грузин станицы Шелковской. Волевым решением кавказской администрации вновь привело к сопротивлению со стороны армян. И 100 семей армян Гребенского казачьего полка было «исключено из Кавказского Линейного войска для переселения по их желанию и избрания рода жизни в городе Кизляр и Моздок»<sup>406</sup>.

Более успешным был перевод грузин. Однако казаки-грузины по внешнему виду «хотя и не хуже других казаков и стараются от них не отставать. Тем не менее, они весьма тяготеют своим казачеством, так как оно совершенно не соответствует их нравам...»<sup>407</sup>. Здесь же приводится и бытующее у них предание, что попали они в казаки «не по своей воле, а по вероломству своих депутатов, которых они отправили в Ставрополь к начальству для уплаты годовой подати. Эти депутаты по дороге растравили общественные деньги и, чтобы загладить свою вину, заявили в Ставрополе начальству, что Шелкозаводское общество, по случаю неурожая и голода не может прислать податей, но, вместе с тем, оно просит начальство о дозволении всему Шелкозаводскому обществу перейти в казачье сословие. Недоимку простили, а шелкозаводские грузины всем обществом зачислены в казаки (начало 30-х г.)»<sup>408</sup>.

Известен не реализованный план князя Барятинского об обращении всего чеченского народа в казачье сословие. Как отмечает Н.А. Смирнов, эта «нелепая по смыслу и нереальная директива не могла быть выполнена. Она свидетельствует о полнейшем непонимании образа жизни, быта и культуры чеченского народа, равно как и условий существования на Кавказе казачьих станиц»<sup>409</sup>. Вместе с тем, отдельные его представители по собственному желанию совершали подобные шаги. Так, 16 апреля 1853 г. поручик Шамурзиев Батарий и 20 семей мирных чеченцев подали прошение о зачислении в казачье сословие с просьбой разрешить «поступить на жительство в 1-ый Сунженский Линейный казачий полк на правах предоставленных казаками ... с позволением переселиться на землю, принадлежащую Сунженскому полку ...»<sup>410</sup>. В том же 1853 г. старшина Назрановского общества из Карабулак Тепса Шахмурзиев и житель того же общества Майя Бабхоев, «с семейством, зачислены в казачье сословие, навсегда с потомством, с водворением на жительство в станице Слепцовой 1-

<sup>406</sup> ГАСК, ф.444, оп.1, д.1116, л.1-25; д.1407, л.1-484.

<sup>407</sup> Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска // Сборник сведений о Кавказе. – Тифлис, 1880. – Т.1. – С. 376.

<sup>408</sup> Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска / сост. Благовещенский, Линтварев, Марграф // ССК. – Т.4. – Тифлис, 1878. – С. 76.

<sup>409</sup> Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М., 1963. – С. 209-210.

<sup>410</sup> РГВИА, ф.1058, оп.1, д.38, л.17; д.160, л.1-30.

го Сунженского казачьего полка, согласно желания тех азиатцев и данных ими подписок»<sup>411</sup>.

И.Л. Омельченко, изучая причины, побуждавшие многоязычных обитателей Предкавказья отказываться от перехода в казачье сословие, прежде всего, обращает внимание на причины, связанные с коренными изменениями в их образе жизни и хозяйственной деятельности. Вступление в казачье сословие полностью меняло их внутренний уклад жизни: они должны были взять в руки оружие, нести постоянную воинскую службу, отбывать постоянную и другие повинности. В разгар Кавказской войны к этому добавилась и открытая религиозная нетерпимость<sup>412</sup>.

Представители северокавказских народов, перешедшие в казачье сословие, образовывали особые локальные подгруппы, известные по источникам, как казаки-инородцы, степень адаптации которых к новому состоянию была не велика. По этому поводу А. Писарев писал: «Русские поселенцы быстро превращались в служилых казаков, потому что еще до того были обстреляны, но инородческий элемент, как не считали его «обычным в войске», не был так податлив на несение линейной казачьей службы. С обращением горской команды в состав полка были зачислены и многие семейства осетин и адыгов, живших в Моздоке без всякой службы под именем «моздокских казачьих братьев» (как бы старых подсосудков); но этих братьев никакая правительственная сила не могла заставить побрататься с казаками и служить их службу»<sup>413</sup>.

Как уже отмечалось выше, станицы Черноярская и Новоосетинская были заселены казаками-осетинами, но, находясь в окружении русских станиц и поселений, они жили по своим законам, обычаям и нравам, которые принесли с гор, сохранив при этом их основу в удивительном национальном первоисточнике. В пределах родных станиц они разговаривали на языке своих предков, но в то же время все население знало русский язык, который помогал им общаться с другими обитателями Северного Кавказа<sup>414</sup>.

Несомненный интерес представляет станица Луковская, основанная в 1758 г. выходцами с Дона. Документы станичного архива за 1871 г. содержали сведения о том, что в 70-х годах станица носила двойное название – «Старо-Луковская» и «Ново-Луковская»: последнее название приняла станица «Горская»<sup>415</sup>. Состояла эта часть станицы из 150 семей туземцев: большей части черкесов (кабардинцев, принявших христианство) и нескольких осетин. Жителями «Старо-Луковской» станицы были донцы, к которым в 1848 г. присоединились 50 малороссийских семей из Харьков-

<sup>411</sup> РГВИА, ф.1058, оп.1, д.38, л.17; д.160, л.1-30.

<sup>412</sup> Омельченко И.Л. Указ. соч. – С. 98.

<sup>413</sup> Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577-1877./ сост. А. Писарев. - Владикавказ, 1881. - С.31.

<sup>414</sup> Омельченко И.Л. Указ. соч. – С.131.

<sup>415</sup> О причинах обеднения казаков Терской области // Терские ведомости. – 1910. – № 25.

ской губернии<sup>416</sup>. В документах отмечалось также, что «луковские жители никогда не были отдельным обществом, переживающим сообща одни и те же влияния. Большинство составляли казаки-старожилы, прибывшие с Волги и Дона, которые строго смотрят за своими привилегиями и сохраняют тип общий всем казакам, одновременно переселенным на Терек, и образовавшим Моздокский казачий полк. Небольшое число малороссов, как и везде, где их меньшинство в станице, живут замкнуто, особняком, и мало принимают участия в общественной жизни станицы. Черкесы только с 1866 г. официально причислены к станице; ... устроили себе хутора по Эриванскому каналу... Проще сказать, так называемая «Горская» и «Луковская» станицы сшиты на живую нитку. Несмотря на вечные распри хуторян, казаки-горцы живут дружнее с ними, чем со станичными русскими. В этом сказывается племенное родство Моздокских хуторян между собой, так как станичники по преимуществу русские, а хуторяне – те же горцы, из осетин и черкесов. Потому, горцы-казаки, живущие на хуторах, и роднятся чаще с вольными хуторянами и промыслами занимаются сходными, а русских казаков чуждаются»<sup>417</sup>.

Иноэтничные элементы продолжали вливаться в казачьи ряды, как считает В.А. Матвеев, вплоть до 1905 г., когда после первых революционных потрясений было признано, что «пополнять казачье сословие инородческими элементами недопустимо»<sup>418</sup>. Однако полной интеграции их в казачью среду не произошло, и в обыденном сознании четко закрепилось противопоставление «природных» казаков – «казакам-инородцам».

Такими образом, социокультурное пространство, занимаемое казачеством, представляло зону взаимодействия двух миров: северокавказского и российского, откуда направлялись потоки, в разной степени, участвовавшие в становлении этнокультурного облика казака. Славяно-русское этническое ядро южно-российского казачества и преобладающий приток русских в XVIII-XIX вв. наметил процесс его русификации, однако следует отметить его незавершенность, прежде всего, в главном: не произошло затухания казачьего самосознания и полной его замены «русским». На протяжении XVIII-XIX вв. российское правительство проводило активную переселенческую политику, вследствие чего, формировалось мозаичное системное пространство расселения терских и кубанских казаков, в котором обособленное место занимали вновь обращенные в казаки однодворцы, государственные крестьяне, солдаты и военные поселяне, представители северокавказских народов.

---

<sup>416</sup> Статистические материалы для изучения современного станичного быта... – С. 380.

<sup>417</sup> Там же. – С. 405.

<sup>418</sup> Матвеев В.А. С чего начинать возрождение? // Проблемы казачьего возрождения. – Ч.1. – Ростов н/Д, 1996. – С. 29.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретический взгляд на казачество как целое дает возможность заметить типологически сходные культурно-исторические ситуации в районах локализации базовых групп казачества на юге России и высказать гипотезу о наиболее вероятных тенденциях их внутреннего и внешнего развития на пути складывания единой исторической системы.

Интегрирующие факторы, преодолевающие территориальную разобщенность, дали возможность казачеству проявиться в одном из вариантов существования этноса, известном в теоретической этнологии как этникос. Этникос обладает рядом признаков, наличие которых мы находим у казачества: межпоколенные связи и выработка единого этнического сознания людей; отсутствие территориальной целостности; этническая многокомпонентность; полная социальная структура. Этничность и сословность стали универсальными категориями, характеризующими казачество как систему.

Этничность всегда была присуща казачеству, существовавшего в контактной зоне и испытывавшего влияние российской и северокавказской исторических систем. Ядро складывалось за счет славяно-русских компонентов, в условиях открытости ранних казачьих сообществ, ассимилировавших любые вкрапления из среды тюркских и северокавказских народов.

Переход казачества под юрисдикцию Российского государства и включение его в единую сословную систему изменил весь ход этнокультурных процессов. Казачьи регионы, как часть «мозаичного» социокультурного пространства Северного Кавказа, в свою очередь, распались на различные сегменты, связи между которыми имели свое вертикальное и горизонтальное членение. Социокультурная «карта» земель Терского и Кубанского казачьих войск включала отдельные, достаточно обособленные «миры», созданные группами донских, волжских, гребенских и терских казаков, вновь обращенными казаками (одиндворцы, крестьяне и отдельные представители северокавказских народов) и иногородними. Структура кордонных линий и самих станиц строилось с учетом этнических, сословных и религиозных признаков. Однако силы притяжения, интеграции в недрах казачьей системы на всех этапах ее исторического развития постоянно преобладали над силами дифференциации.

Центростремительным тенденциям способствовали присущие казачеству как системе базовые характеристики: единый хозяйственно-культурный тип, в основе которого лежало военно-промышленное производство; православие, организующее вокруг себя все ценностно-смысловое пространство духовной жизни казаков и пронизывающее гражданский и военный быт казачества.

В процессе исторического развития вырабатывались общие, универсальные ценности казачьей культуры, бравшие на себя функции консолидации духовных сил общества на базе культурно-исторической преемственности и составившие основу особого менталитета казачества. В генеральной идее, сплотившей казачество в единое целое, соединились вера, волевоность, справедливость и любовь к Отечеству.

Вместе с тем, следует подчеркнуть незавершенность этнокультурных процессов в рамках казачьей исторической системы. Во второй половине XIX в. сложились все условия для их завершения: окончательно определились границы земель, принадлежащие Кубанскому и Терскому казачьим войскам, сформировалось самосознание, закрепились этнонимы, стабилизировалась демографическая ситуация. Однако государственная политика приобретает латентную направленность на превращение казаков в сельское земледельческое население. Сложно прогнозировать, чем бы этот процесс завершился. Политика советской власти на искоренение казачества как сословия детерминировала гиперболическую потребность в самосохранении и сохранении основных ментальных составляющих казачества, для того, чтобы возродиться вновь.

# СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

## АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

### РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Фонд 1263 – Журнал Комитета министров

1. РГИА. – Ф.1263. – Оп.1. – Д.789.

2. РГИА. – Ф.1263. – Оп.1. – Д.846.

Фонд 1268 – Дела канцелярии Кавказского комитета

3. РГИА. – Ф.1286. – Оп.1. – Д.217.

4. РГИА. – Ф.1268. – Оп.4. – Д.386.

5. РГИА. – Ф.1268. – Оп.19. – Д.187.

6. РГИА. – Ф.1341. – Оп.33. – Д.2249.

7. РГИА. – Ф.560. – Оп.31. – Д.256.

8. РГИА. – Ф.1374. – Оп.2. – Д.1744.

### РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Фонд 644 – Командующий войсками Терской области. г. Владикавказ (1856-1862).

9. РГВИА. – Ф.644. – Оп.1. – Д.117 .

Фонд 1058 – Кавказское линейное казачье войско (1846-1860)

10. РГВИА. – Ф.1058. – Оп.1. – Д.20.

11. РГВИА. – Ф.1058. – Оп.1. – Д.24.

12. РГВИА. – Ф.1058. – Оп.1. – Д.32.

13. РГВИА. – Ф.1058. – Оп.1. – Д.38.

14. РГВИА. – Ф.1058. – Оп.1. – Д.160.

15. РГВИА. – Ф.1263. – Оп.1. – Д.248.

16. РГВИА. – Ф.13454. – Оп.5. – Д.593.

17. РГВИА. – Ф.13454. – Оп.5. – Д.560.

### ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Фонд 252 – Войсковое правление Кубанского казачьего войска (1842-1888).

18. ГАКК. – Ф.252. – Оп.2. – Д.262.

19. ГАКК. – Ф.252. – Оп.2. – Д.265.

20. ГАКК. – Ф.252. – Оп.2. – Д.438.

21. ГАКК. – Ф.252. – Оп.2. – Д.832.

22. ГАКК. – Ф.252. – Оп.2. – Д.1081.

23. ГАКК. – Ф.252. – Оп.2. – Д.1945.

24. ГАКК. – Ф.252. – Оп.2. – Д.163.

25. ГАКК. – Ф.252. – Оп.2. – Д.1442.

26. ГАКК. – Ф.252. – Оп.2. – Д.2297.

27. ГАКК. – Ф.252. – Оп.2. – Д.2440.

Фонд 257 – Войсковое правление Кубанского казачьего войска (1848-188).

28. ГАКК. – Ф.257. – Оп.1. – Д.34.

29. ГАКК. – Ф.257. – Оп.1. – Д.16.

30. ГАКК. – Ф.257. – Оп.1. – Д.5.

Фонд 670 – Копии документов, извлеченных из архива по истории Кавказского линейного войска за 1836-1850.

31. ГАКК. – Ф.670. – Оп.1. – Д.34.

32. ГАКК. – Ф.670. – Оп.1. – Д.35.

33. ГАКК. – Ф.670. – Оп.1. – Д.36.

34. ГАКК. – Ф.670. – Оп.1. – Д.38.

35. ГАКК. – Ф.670. – Оп.1. – Д.39.

### ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Фонд 68. – Ставропольское губернское правление (1858-1888).

36. ГАСК. – Ф.68. – Оп.1. – Д.7846.

Фонд 70 – Управляющий гражданской частью в Ставропольской губернии, командующий войсками по Кавказской линии и Черномории (1842-1858)

37. ГАСК. – Ф.70. – Оп.1. – Д.1187.

Фонд 79 – Общее управление Кавказской областью

38. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.759.

39. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.857.

40. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.993.

41. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.1015.

42. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.1060.

43. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.1187.

44. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.1454.

45. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.1537.

46. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.2010.

47. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д. 1218.

48. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.1270.

49. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.1392.

50. ГАСК. – Ф.79. – Оп.1. – Д.1537.

Фонд 101 – канцелярия Ставропольского губернатора.

51. ГАСК. – Ф.101. – Оп. 1. – Д.3353.

52. ГАСК. – Ф.101. – Оп. 1. – Д.4369.

Фонд 444 – Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области.

53. ГАСК. – Ф.444. – Оп.1. – Д.807.

54. ГАСК. – Ф.444. – Оп.1. – Д.1116.

55. ГАСК. – Ф.444. – Оп.1. – Д.1185.

56. ГАСК. – Ф.444. – Оп.1. – Д.1407.

## ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Исторические документы, относящиеся к положению иногородних в Черноморском (ныне Кубанском) казачьем войске // Кубанский сборник. – Т.7. – Краснодар, 1900.
2. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. – Т.1. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 477 с.
3. Памятная книжка Кубанской области за 1874 год, изданная от Кубанского областного правления. – Екатеринодар, 1874.
4. Полное собрание законов Российской империи. – Т.20. – СПб., 1845.
5. Положение о Кавказском линейном казачьем войске. – СПб., 1845.
6. Положение о Черноморском казачьем войске. – СПб., 1844.
7. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области, собранных почетным членом Областного статистического комитета Е.Д. Фелицыным. – Екатеринодар, 1904. – 306 с.
8. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. – СПб., 1870-1917. – Т.1-52.
9. Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска // Сборник сведений о Кавказе. – Т.1. – Тифлис, 1880.
10. Систематический указатель постановлений, вошедших в сборники правительственных распоряжений по казачьим войскам. За 1865-1895 гг. – СПб., 1896.
11. Статистические материалы для изучения станичного быта Терского казачьего войска / сост. Благовещенский, Линтварев, Марграф // Сборник сведений о Кавказе. – Т.4. – Тифлис, 1878. – С. 1-95.
12. Статистические таблицы населенных мест Терской области. – Т.1. – Вып.1. Сунженский отдел. – Владикавказ, 1890. – 87 с.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов А.И. История Донского края (XVI – первая половина XIX века. Исторические источники и их изучение). – Ростов н/Д: Изд-во «Приазовский край», 2001.
2. Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: словарь-справочник. – М.: Academia, 2000. – 424 с.
3. Анисимов Е.В., Каменский А.Б. Россия в XVIII- первой половине XIX в.: История. Историк. Документ. – М.: МИРОС, 1994. – 336 с.
4. Анфертьев А.Н. Прологомены к изучению этнической истории // Этносы и этнические процессы. – М.: Наука, 1993. – С. 62-69.
5. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
6. Арутюнов Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 271 с.
7. Бадмаева Е.Н. Донские калмыки казаки в период голода 1933 г. // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д, 2010. – С. 160-163.
8. Бальжатова Н.А. В казаки – из военных поселян // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа (3-я международная конференция). – Армавир, 2002. – С. 75-76.
9. Баранов А.В. Этническое самосознание казаков Северного Кавказа в 1920-х годах // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: Тезисы докладов. – Краснодар, 1999. – С. 50-52.
10. Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. – Ставрополь, 2012.
11. Бентковский И. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Ставропольские губернские ведомости. – № 38. – 1880.
12. Берозов Б.П. Из истории русского (казачьего) населения в Осетии // Роль России в истории Осетии. – Орджоникидзе, 1989. – С. 180-201.
13. Бирюков И. Несколько глав из истории Волжского казачьего войс-ка // СОЛКС. – 1912. – № 4. – С. 3-26.
14. Боук Б.М. Проблемы этнических и сословных различий на Кубани во второй половине XIX в. (по воспоминаниям Ф.А. Щербины) // Кубань: проблемы культуры и цивилизации. – Краснодар, 1999. – № 1 (12). – С. 40-42.
15. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
16. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М.: Наука, 1987. – 334 с.

17. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. – Ч.1. – СПб., 1869.
18. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. – Ч.2. – СПб., 1869.
19. Варивода Н.В. Механизмы «искусственного» роста терского казачества в первой половине XIX в. // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность. – Краснодар: ИМСИТ, 2004. – С. 376-381.
20. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. – Ростов н/Д, 2001. – 278 с.
21. Великая Н.Н. О тюркском наследии в культуре гребенского казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д, 2010. – С. 263-266.
22. Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. – Армавир: Изд-во АГПИ, 1993. – 103 с.
23. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки, соседи. – Армавир: Изд-во АГПИ, 1995. – 117 с.
24. Герман Р.Э. К вопросу о решении Россией геополитических задач Кавказа в последней трети XVIII в. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – С. 146-150.
25. Германов Г. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // ЗИРГО. – Т.12. – СПб., 1857.
26. Голованова С.А. Географический фактор в самоидентификации гребенского казачества // Вопросы северокавказской истории. – Вып.6. – Ч.1. Армавир, 2001. – С. 26-36.
27. Голованова С.А. «Иностранцы» в этнокультурном пространстве казаков Терека // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: материалы Всероссийской научной конференции. – Москва-Ставрополь, 2001. – С. 254-256.
28. Голованова С.А. Причисление военных поселений к кавказскому линейному казачьему войску // Казачество России: история и современность: тезисы Международной конференции г. Геленджик (8-11 Октября 2002 г.). – Краснодар, 2002. – С. 42-44.
29. Голованова С.А. И.Д. Попко об увеличении служилого состава казачьих частей // Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. – Краснодар, 2003. – С. 44-48.
30. Голованова С.А. «Иностранцы» в Кавказском линейном войске (XVIII-XIX вв.) // Культурная жизнь Юга России. – 2004. – № 2(5). – С. 50-55.

31. Голованова С.А. Механизмы регулирования численности казачества на Северном Кавказе (XVIII-XIX вв.) // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. – Армавир, 2007. – № 5. – С. 151-156.
32. Голованова С.А. Северокавказские народы в среде кавказского линейного казачества (XVIII-XIX вв.) // Казачество и народы России. – Краснодар, 2008. – С. 52-64.
33. Голованова С.А. Переселение на Северный Кавказ и перевод крестьян и однодворцев в казаки (XVIII-XIX вв.) // История и обществознание. – Вып.1. – Армавир, 2013. – С. 3-11.
34. Григорьев А.Ф. Этническая картина мира гребенских казаков (на примере ритуально-обрядовых традиций и песенного фольклора). – Ставрополь, 2011.
35. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
36. Даренко В.Н. Община на Яике в XVII – первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. – Вып.6. – Вологда, 1976. – С. 44-86.
37. Джунджужов С.В. Образование и административное устройство калмыцкого казачьего поселения на Средней Волге (30-40-е годы XVIII в.) // Казачество России: прошлое настоящее. Сборник научных статей. – Вып.3. – Ростов н/Д, 2010. – С. 23-38.
38. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социального статуса. – Ростов н/Д, 2003. – 352 с.
39. Долгушин А.А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. – Владикавказ, 1907.
40. Дружинин А.Г. Южно-Российский регионогенез: факторы, тенденции, этапы // Научная мысль Кавказа. – № 2. – 2000. – С. 75-78.
41. Заседателева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI – начало XX века). Историко-этнографический очерк. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – 423 с.
42. Заседателева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в сер. XVI – начале XX века (динамика этнокультурных процессов): дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 70 с.
43. Иванова А.А. Особенности этнического самосознания подростково-казаков в контексте общенационального общения: автореф. дис... канд. психолог. наук. – М., 1995. – 20 с.
44. История казачества Азиатской России. – В 3-х т. - Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – Т.1. – 313 с.
45. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках: Этностатистическое исследование. – СПб., 1992.
46. Казаки России (информационно-справочные материалы). – Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказской академии государственной службы, 2001. – 68 с.

47. Казачество Юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Доклады и сообщения научно-практической конференции. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2001. – 104 с.
48. Казин В.Х. Казачьи войска. Репринт. – М., 1992.
49. Калоев Б.А. Моздокские осетины (Историко-этнографическое исследование). – М.: Наука, 1995. – 245 с.
50. Кауфман. А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905. – 443 с.
51. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – 494 с.
52. Козлов А.И. Казаки – этнос или сословие // Возрождение казачества: история и современность. – Воронеж, 1995. – С. 11-30.
53. Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в истории этноса // Советская этнография. – 1974. – № 2. – С. 30
54. Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. – М.: Старый сад, 1999. – С. 341.
55. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII). – Изд. 2-е. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. – 288 с.
56. Колесников В.А. Исторические и этнические корни Кавказского полка Кубанского войска // Дикаревские чтения (5): Материалы региональной конференции. – Краснодар, 1999. – С. 190-195.
57. Колесников В.А. О донском начале в среде линейного казачества Кубани // Дикаревские чтения (6): Материалы региональной научно-практической конференции. – Краснодар, 2000. – С. 18-23.
58. Колесников В.А. Олнодворцы-казаки. – СПб.: Изд-во «Нестор», 2000. – 319 с.
59. Колесов В.И., Фролов Б.Е. Вопросы формирования черноморского казачества (случай армянского рода Гаджановых) // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д, 2010. – С. 298-301.
60. Кортунов А.И., Косяков В.И. Этнический состав оренбургского казачества в XVIII в. // Казачество России: прошлое настоящее. Сборник научных статей. Вып.3. – Ростов н/Д, 2010. – С. 39-48.
61. Краснов Н. Народонаселение и территория казаков европейской и Азиатской России // Военный сборник. – 1877. – № 12. – С. 264-301.
62. Ктиторова О.В. Абазины на службе в Кавказском линейном казачьем войске // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Тезисы докладов. – Армавир: Изд-во АГПИ, 2002. – С. 47-50.
63. Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. – М.: Наука, 1981.

64. Куценко И.Я. Кубанское казачество. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1993. – 583 с.
65. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М.: ИВ РАН «КРАФТ+», 2001. – 176 с.
66. Лукичев П.Н., Скорик А.П. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность. – Новочеркасск, 1995. – С. 31-56.
67. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX в. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 686 с.
68. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. – М.: Наука, 1997.
69. Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. – Владикавказ: Типография областного правления Терской области, 1890. – 167 с.
70. Мануйлов А.Н. Статус женщины в обычном праве казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX – 20-е годы XX века). – Армавир-Краснодар, 1998. – 62 с.
71. Маршаев Г. Казачество в системе российской государственности // Система государственного феодализма в России. – М.: Наука, 1993. – С. 208-227.
72. Матвеев В.А. Военно-сословный фактор в этнодемографических процессах на Северо-Кавказской окраине России накануне революции 1917 г. // Проблемы истории казачества: Сборник научных трудов. – Волгоград, 1995.
73. Матвеев В.А. С чего начинать возрождение // Проблемы казачьего возрождения. – Ростов н/Д: Логос, 1996. – Ч.1. – С. 26-34.
74. Матвеев О.В. Слово о Кубанском казачестве. – Краснодар, 1990.
75. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XIX в.). – СПб.: Изд-во «Дмитрий Булавин», 1999. – Т.1. – 547 с.
76. Могилевцев Н.М. Краткие исторические сведения о кавказском конном полке Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. – Т.3. – Екатеринодар, 1894.
77. Нелепин Р.А. История казачества. – В 2-х т. – СПб.: Православная Русь, 1995. – Т.1. – 560 с.
78. Никитин Н.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI- середины XVII века // История СССР. – 1986. – № 4. – С. 167-178.
79. Никитин Н.И. О формационной природе ранних казачьих обществ (К постановке проблемы) // Феодализм в России. – М.: Наука, 1987. – С. 236-245.

80. Омакаева Э.У. Калмыцкое казачество как культурно-исторический феномен // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д, 2010. – С. 288-290.

81. Омельченко И.Л. Терское казачество – Владикавказ: ИР, 1991. – 301 с.

82. Орлова К.В. Социокультурная интеграция калмыков-казаков Дона в российское общество: опыт христианизации // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д, 2010. – С. 21-24.

83. Очерки традиционной культуры казачества России. – Москва-Краснодар, 2002. – Т.1. – 589 с.

84. Писарев С. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577-1877. – Владикавказ, 1881. – 52 с.

85. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. – Вып.5. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. – 526 с.

86. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. – В 2-х ч. – СПб., 1858. – 292 с.

87. Попов И. Станица Луковская // Терские ведомости. – 1899. – № 23.

88. Потто В.А. Два века терского казачества (1577-1801). – Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. – 383 с.

89. Пылков О.С. О причислении в казаки служащих и отставных российских солдат Кавказского корпуса в первой половине XIX века // История и обществознание. Научный и учебно-методический ежегодник. – Вып. VI. – Армавир, 2008. – С. 7-10.

90. Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Армавир, 2011.

91. Русские: этнотерритория, численность и исторические судьбы (XII-XX вв.). – М., 2000.

92. Сазонова С.Е. Переселение украинцев на северный Кавказа и их социокультурная адаптация (конец XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2010.

93. Селищев Н.Ю. Казаки и Россия. Дорогами прошлого. – М.: МП «ЮНЕСКО-клуб. Старина и новизна», 1992. – 174 с.

94. Сень Д.В. «Войско кубанское игнатово кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х). – Краснодар, 2001. – 385 с.

95. Сень Д.В. Войско Кубанское игнатово кавказское. – 2-е изд. – Краснодар, 2002. – 285 с.

96. Сергеев В.Н. Движение за возрождение казачества: учебное пособие. – Ростов н/Д, 1993. – 91 с.

97. Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2002. – № 3. – С. 73-91.
98. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 1599 с.
99. Сопов А.В. К вопросу о происхождении казачества // Неделя науки МГТИ. – Вып. 2. – Майкоп, 2000. – С. 14-23.
100. Соснина Е.Л. К вопросу о возникновении казачества // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Тезисы докладов. – Армавир, 2000. – С. 20-24.
101. Союз казаков России: 1990-2000. – М.: Изд-во РУСАКИ, 2000. – 192 с.
102. Ткачев Г.А. Терские казаки и дом Романовых // ЗТОЛКС. – 1914. – № 1. – С. 3-20.
103. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577-1877 / сост. А. Писарев. – Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1881. – 52 с.
104. Трут В.П. Явление казачества в истории и культуре России // Дикаревские чтения (5): Материалы научно-практической конференции. – Краснодар, 1999. – С. 8-11.
105. Тхамакова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – 238 с.
106. Тхоржевский С. Донское войско в первой половине XVII в. // Русское прошлое. – Вып.3. – М., 1923. – С. 9-10.
107. Унарокова М.Ю. Адыги и казаки: Северо-западный Кавказ как этногеополитическое пространство // Неделя науки МГТИ: Материалы научно-практической конференции. – Вып.2. – Майкоп: Изд-во Майкопского государственного политехнического института, 1997. – С. 35-38.
108. Фелицын Е.Д. Статистические таблицы народонаселения в Кубанской области за 7 лет с 1871 г. по 1877 г. // Сборник сведений о Кавказе. – Т.7. – Тифлис, 1880. – С. 537-570.
109. Фелицын Е.Д. Списки населенных мест Кубанской области по сведениям 1882 г. // Сборник сведений о Кавказе. – Т.8. – Тифлис, 1885.
110. Фелицын Е.Д. Статистические сведения о городах и уездах Кубанской области за 1880 год // Памятная книжка Кубанской области за 1881 г. – Екатеринодар, 1881. – С. 1-113.
111. Фелицын Е.Д. К истории колонизации Кубанской области // Кубанские областные ведомости. – 1885. – № 21-23.
112. Фелицын Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области (Пояснительная записка к 20-верстной карте Кубанской области) // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. – Тифлис, 1883-1885. – Т.8. – № 2. – С. 150-184.

113. Черницын С.В. Некоторые аспекты этнических процессов в войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1990. – С. 72-82.

114. Шаленая О.В. К вопросу о связях абазинов с линейцами Средней Кубани // Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска: Тезисы докладов. – Армавир: Изд-во АГПИ, 1996. – С. 20-22.

115. Шамрай В. Историческая справка об иногородних в кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового архива // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1900. – Т.7. – С. 71-89.

116. Шаова С.Д., Жилияев Д.В., Баисова М.В. Горское «мухаджирство» к линейным казакам // Из истории и культуры линейных казаков Северного Кавказа: Тезисы докладов. – Армавир: Изд-во АГПИ, 2000. – С. 42-43.

117. Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (XVII-XIX вв.). – Элиста, 1992.

118. Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. – Вып.1. Кубанская область. Статистический очерк. – Екатеринодар, 1906.

119. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. – Т.2. – (Репринтное воспроизводство). – Екатеринодар, б/и., 1910-1913. – 848 с.

120. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков // Кубанский сборник. – Т.2. – Екатеринодар, 1891.

121. Юдин П. Волжцы – прародители терцев // Терские ведомости. – 1912. – № 5.

122. Юдин П. Материала Кизлярского архива // СОЛКС. Приложение к «Терским ведомостям». – 1912. – № 6.

123. Юдин П. Состав казачьих войск на Кавказе в 1767 году (По донесению кизлярского коменданта генерал-майора Потапова) // ЗТОЛКС. – 1914. – № 4. – С. 5-19.

124. Юдин П.Л. Терцы и их восточные соседи // ЗТОЛКС. – 1914. – № 8. – С. 3-60.

125. Юдин П.Л. Из-за власти (Очерк из прошлого соединенного гребенского казачества) // ЗТОЛКС. – 1914. – № 9. – С. 37-62.

126. Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект / под ред. А.И. Шаповалова. – Армавир: ИЦ АГПИ, 2002. – 366 с.

127. Ячменихин К.М. Военные поселения на Кавказе в 30-е – 50-е годы XIX в. // Вестник Московского университета. – Серия 8. История. – 1991. – № 4. – С. 18-29.

128. Ячменихин К.М. Военные поселения в России (история социально-экономического эксперимента). – Уфа: Восточный экспериментальный университет, 1994. – 118 с.

## **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**

ЗОТОЛКС – Записки Терского общества любителей казачьей старины.

ССК – Сборник сведений о Кавказе.

СОЛКС – Сборник общества любителей кавказской старины.

ТВ – Терские ведомости.

***ДЛЯ ЗАМЕТОК***

***ДЛЯ ЗАМЕТОК***

*Научное издание*

**СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛОВАНОВА**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА  
РОССИИ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ  
ЧИСЛЕННОСТИ КАЗАКОВ ТЕРЕКА  
И КУБАНИ В XVIII-XIX ВВ.:  
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*МОНОГРАФИЯ*

Редакционно-издательский отдел

Зав. отделом: А.И. Грибкова

Компьютерная вёрстка: Ю.В. Баёва

Печать и послепечатная обработка: В.Х. Чахалян, И.С. Болотник, Н.О. Дейко

Подписано к печати 07.04.2014. Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 7,56. Уч. изд. л. 7,75. Тираж 500 экз.

Заказ № 113(Б)/13. Лицензия № 002026.

ФГБОУ ВПО «Армавирская государственная педагогическая академия»

Редакционно-издательский отдел

© АГПА, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35

☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits\_agpu@mail.ru, сайт: www.agpu.net